

Юлия Фирсанова

Ключи ушедшего бога

У нас есть план!

Annotation

Если Смерть смотрит на тебя из зеркала и заводит разговор о загадочном даре — это не беда. Проблемы начнутся, когда Смерть возьмется «по благу» устраивать твою жизнь.

Другой мир, другое тело, прежний талант видеть «печать скорой кончины». А в нагрузку пестрая компания спутников и предсказание пророка-алкоголика, толкающее на поиск странных артефактов ушедшего бога. Остается лишь гадать, чем все обернется.

Пятеро пускаются в путь, каждый лелеет свои мечты, но у Судьбы свои правила.

- [Юлия Фирсанова](#)

-
-
- [ПРОЛОГ](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Эпилог](#)
-

Юлия Фирсанова
КЛЮЧИ УШЕДШЕГО БОГА

Моим шkodливым дочуркам Элине и Елене, неизменному источнику тревог, радости и вдохновения, посвящается

ПРОЛОГ

Болело все, кажется, даже волосы в прическе. Или это шпильки впились в кожу? Пахло чем-то знакомым, сильно и тошнотворно сладко. Неужто кровью? Апатия, качавшая Кимею на волнах безразличия, резко схлынула, и стало жутко до одури. Мужества взглянуть и проверить девушка не находила. Память возвращалась яркими картинками и звуками...

— Немедленно! Я желаю прогуляться! — Капризный пронзительный голосок принцессы Симелии перекрывает смущенное бормотание старшего конюха. — Я беру коляску! Живее! Ее вдовствующему величеству заложите другую! Ким, Кирт, Керт, живо, бездельники! Альт, ап!..

Ветер треплет волосы.

— Быстрее, еще быстрее, Тимас! — командует Симелия парнишке-кучеру.

Хриплым басом лает здоровенный пес. Принцесса залиvisto смеется. Она всегда так: настроение — качели. То в крик, пунцовеет от гнева, то веселится. Младшей балованной красавице-дочке с золотым водопадом волос король Ламильяна прощает почти все, исполняет любую причуду.

— Еще быстрее! Быстрее! А-а-а-а!..

Колесо подскакивает на выбоине, мелкий камешек вылетает из-под копыт, отскакивает от соседнего и бьет лошадь в нос. Черный жеребец встает на дыбы, задевает другого вороного, построжки рвутся, как бумажные, упряжь рассыпается кусками, будто заколдованная, коляска с разгону устремляется с обрыва вниз.

Грохот, крики и темнота...

Теперь, кажется, посветлело. Только не было сил не то что пошевелиться — даже поднять ресницы. И болело... невыносимо болело все тело, сознание мутилось, уплывало. Старческое хихиканье над головой, в котором сквозили отчетливые нотки безумия, вновь вырвало девушку из полусна-полубреда. Боль с утроенной силой накинута на израненное тело, терзая плоть алчным зверем.

— Умираешь, деточка, — без сочувствия, скорее оглашая вердикт, снова хихикнул старик. Рассмотреть ничего толком не получалось. Корка то ли слез, то ли крови крепко склеила ресницы. — И мальчики помирают.

Остальные-то уже ушли за грань мира. А вы еще цепляетесь, крепенькие. Кровь-то я покуда затворил. Поиграть, что ли? Не зря ж меня зов Ольрэна сюда кружным золотым путем приволок? Может, в том его умысел сокрыт?.. Хочешь жить?

«Хочу ли? Не знаю, если все время будет так больно, то нет», — хотела ответить Кимея, но из горла вырвался лишь невнятный сип.

— Хочешь, — почему-то решил для себя безумный старик. — А вы, ребятки?

Клокочущие хрипы откуда-то слева стали ответом. Сумасшедший тоже услышал и довольно захихикал, шаркая и бормоча под нос:

— Согласие дано, тела еще теплы! Ха-ха-ха! Во славу Ольрэна! Тебе, Переменчивый! Тебе, Ушедший, но не забытый! Из восьми три слепить, метаморфозам быть!..

Какие слова говорил старик дальше, Кимея не поняла, они вообще не походили на слова, скорее на вой ветра, грохот камней, клочкотание бурлящей воды. Боль в теле нарастала. На саднящее лицо с размаху шлепнулась теплая тряпка, некая сила вздернула и закрутила девушку в пространстве. Дикая мука накатывала волна за волной, сознание уплывало, но за миг до блаженного небытия всю суть Кимеи прошла новая молния страданий, такая резкая, что глаза широко распахнулись. Всего на миг, отпечатывая жуткое видение.

Хохочущий старый безумец в рваной грязной хламиде, воздевший вверх руки, огненные всполохи, срывающиеся с его пальцев и бьющие в самую Кимею, в пару мужских тел на высоких плитах поодаль и в окровавленную мертвую грудку, единым комом сваленную посреди пещеры. Лошади, пес, парнишка-кучер, девичье изломанное тело с кровавой маской вместо лица и водопадом золотых кос... И еще более яркая вспышка, не молния даже, второе солнце, затопившее светом все вокруг, и громовой веселый шепот, раздающийся отовсюду:

— Одобряю, изменяю! Искажаю! На свой лад меняю! Эта кукла скучна, сменим начинку, веселее станет она!

Потом тьма окончательно затопила сознание. Личная горничная принцессы приняла беспамятство как благословение Первоотца и Первоматери, дающее долгожданную свободу от мук. Ее душа легким перышком вылетела из измученного тела и устремилась к манящему свету вечности.

Глава 1

НАЧАЛО И КОНЕЦ, ИЛИ КОНЕЦ И НАЧАЛО

Еще классик утверждал, что тяжелые предметы ни с того ни с сего на голову не падают. Предопределение, судьба, рок — красивые слова, много пафоса. А толку-то? Рассчитываешь, планируешь, работаешь, а в один непрекрасный день — бац! — конечная, слезай. Приехали! Но бывает и по-другому. Случается, по воле одного Шутника (с большой буквы «ша») получаешь вместо места на облаке с арфой или сковороды (хотя на место в горячем цеху я вроде нагрешить не успела) кое-что иное.

Впрочем, обо всем по порядку, чтобы не пришлось десять раз повторяться. Я вообще создание местами ленивое. Нет, была работа — делала, но сама себе занятие отродясь не искала. Даже к пыли дома спокойно относилась. Назначен день уборки — пятница, тогда и вытирала, а в другое время руководствовалась принципом «пыль на своем месте лежит, и я полежу».

То ли дело мать с сестрой. Нет, к родным я привязана, но все портила их прогрессирующая год от года мания чистоты. Умные люди с психологическим образованием называют это акцентуацией на педантизме или вовсе застреванием. Родичей этот «сдвиг по фазе» полностью устраивал. Мне же, как только смогла заработать на съём жилья, пришлось ради сохранения нервных клеток линять из отчего дома, теряя тапки. Только на съёмной квартире вздохнула спокойно. Всех тех, кого не устраивал порядок в скромной двушке, ласково посылала лесом на хутор бабочек ловить.

Сама-то я вообще повышенным человеколюбием никогда не страдала. Природу: воду текучую, небо, траву, горы — обожала с детства, любоваться могла до бесконечности, а людей — нет. Наверное, где-то подсознательно в душе жило предощущение собственного жребия. Потому что любить свою работу — это либо извращение, либо везение, выпадающее редкому счастливчику.

Принято считать, что плохая репутация у числа тринадцать. Как по мне, так шестнадцать оказалось похуже. С этой даты — шестнадцатого ноября, через недельку после того, как мне шестнадцать стукнуло, — и

полетел привычный мир вверх тормашками. Я научилась не только смотреть, но и по-особому видеть. Откуда взялся дар или проклятие, понятия не имею. Насколько знаю, в роду у меня ни одной самой захудалой ведьмы никогда не было. А тут засада!

Я стала видеть черные и серые следы на людях. Сначала думала, галлюцинации зрительные или книжек перечитала, переутомила. Потом начала не только видеть, но и понимать смысл темных пятен. Понадобилась мне для этого пара месяцев и несколько о-очень наглядных примеров. Одного парня, вздумавшего перебежать дорогу на красный свет с банкой пива в руках, размазало парой шальных встречных джипов как раз в те самые пятна. Только теперь они стали красными. Спустя три недели соседа, у которого я видела черноту на груди, увезла «скорая» с инфарктом на носилках, накрытого простыней с головой.

Вот тут до меня и дошло: черные следы — это отпечатки смерти. Я не стала тогда истерить. Впрочем, воображать себя мессией и, перекраивая реальность, рваться спасать всех сирых и убогих тоже не ринулась. «Пункт назначения» смотрела, прониклась. Если суждена тебе смерть, то не беги, умрешь уставшим.

Первым делом я, конечно, оглядела своих родных (мать, старшую сестру, папку) и, не найдя черных пятен, сосредоточилась на учебе. Средняя школа, химия, физика, математика — было о чем поволноваться и без отпечатков смерти.

Я жила, как живет, до тех пор, пока не увидела на Лешке, своем однокласснике, у которого собиралась списывать завтрашнюю контрольную, черные метки по всему телу. Тогда я жутко разозлилась на дурня, собирающегося погибнуть, на саму смерть, на глупую ситуацию и даже на саму себя. Взбесило осознание: вижу, а изменить ничего не могу.

Обогнала я Лешку, задержавшегося подымит с приятелями, и пробежала по мостку над котлованом стройки. Взгляд на бетонные блоки с железными штырями на дне заставил меня затормозить у ограждения. Эти штыри и пятна на Лешке... Мостик, который сегодня лежал как-то слишком криво, часть земли с краю осыпалась... Тогда-то у меня в голове щелкнуло! А, была не была! Пойдем против законов, прописанных кинематографом. Я поднатужилась и столкнула мостик вниз. Грохот был, треск, парни-курильщики прибежали, матерились удивленно, а я стояла и смотрела, как исчезают темные пятна на однокласснике. Физику у него сдула на «отлично». Тогда-то и поняла, что темные пятна — это не окончательный приговор, а лишь указание на вероятность конца. Тем же вечером случилась та странная встреча. ОН пришел ко мне, проявившись

прямо в зеркале коридорного трюмо.

В преддверии выходных родители с сестрой подались на дачу, оставив меня в квартире одну. Я расчесывала на ночь волосы и думала об оценке за свою честно списанную контрольную. В какой-то миг поняла, что вижу в зеркале не лохматую брюнетку в халате с щеткой наперевес, а его. Невзрачного лысоватого мужичонку в потертом коричневом пиджачке с черными кожаными заплатками на локтях, в несвежей белой рубашке, вытянутых на коленях брюках и со стареньким рыжим портфелем без одной защелки.

Пугаться такого невозможно, поэтому я растерянно ляпнула, тыкнув щеткой в зеркало:

— Ты кто?

— Смерть, — буднично признался мужичонка.

— Не похож, — выпалила я, прежде чем сообразила, что беседа с галлюцинацией не является признаком душевного здоровья. А уж если глюк тебе отвечает, то пора сдаваться в руки специалистов.

— Можно так, — скопировал тип из зеркала мое движение, тыкнув пальцем в зеркальную преграду. Изображение пошло волной.

Лысый дядька на миг обернулся скелетом в импозантном черном плаще с капюшоном, застегнутом на серебряный череп-фибулу. В правой костистой руке лежала сакраментальная коса, зловеще отливающая черным серебром.

— Теперь соответствую имиджу?

Я замороженно кивнула, а ОН снова стал внешне безобидным типчиком со стареньким портфелем.

— Гадаешь, зачем пришел?

— Если Смерть, то, очевидно, за мной. С другой стороны, если до сих пор жива, то, наверное, все-таки чего-то не понимаю.

— Я всегда прихожу познакомиться с заступающими последнюю дорогу, — ответил мужичок. Причем последние три слова сказал так, будто их следовало писать с большой буквы каждое и жирным шрифтом. «Заступающими Последнюю Дорогу» — вот так!

— То есть лично устраняешь? — опасливо уточнила я.

Смерть же с портфелем стоически вздохнула, материализовала себе в Зазеркалье кресло, снаружи нигде не проявившееся, уселась с комфортом и принялась объяснять.

Оказывается, большинство (да что большинство — практически все люди!) изредка чувствуют дыхание Смерти за спиной. Но избежать гибели, если она почти предрешена, зачастую не способны. Своими метаниями

они, как в старом анекдоте, наоборот, приближают конец, специально мостят дорогу к могиле. И лишь редкие зверушки-мутанты по прозвищу Заступающие Последнюю Дорогу имеют возможность уйти сами и играючи спихнуть с последней дороги других. Они инстинктивно чувствуют, что нужно сделать, чтобы Смерть осталась с носом.

Тут я не утерпела и вылезла с вопросом, зачем Смерти давать инструкции тому, кто у него (или у нее), можно сказать, хлеб отбивает. Оказалось, не все столь однозначно. Заступающие не в силах увидеть метку смерти на тех, чья жизнь без вариантов окончена. Именно такие, однозначно обреченные, — самые удобные клиенты. Остальные же, кто мог жить, но все-таки умер, требуют от Смерти дополнительных телодвижений. А кому нужна лишняя работа? Понятное дело, никому, будь ты хоть обычный человечек, хоть персонифицированное явление. Так что во мне Смерть увидела средство облегчения собственного жребия. Потому и поторопилась явиться с инструкциями, едва я единожды проявила умение.

Далее последовала лекция о том, как лучше видеть обреченных, сталкивать их с пути, ну и тому подобное. Так скучно нам даже физику не объясняли. Только потому я и поверила в происходящее. Снятая мистика и галлюцинации настолько занудными быть не способны по определению. Мозги мне лысый с портфелем полоскал больше часа. Под конец я озадачила работодателя личными соображениями:

— Стоило ли мне столько мозги полоскать? Многого все равно сделать не смогу. Мне сейчас вообще никто не поверит. «Онижедети» звучит как заклинание массового отупения. Позже, если о способностях трепаться стану, то или в психушке окажусь, или под колпаком у спецслужб. Ни того ни другого не желаю. Нет, чисто теоретически людей мне жалко, но ломать себе жизнь ради высшего блага?! Это в Хогвартс к ДДД и Потному Гарику.

— Делай то, что можешь. Твой дар будет неосознанно притягивать тех, кто пожелает изменить свой путь. Кроме того, будущее Заступающих Последнюю Дорогу изменчиво. Вместо закрытых путей обычно открываются многие другие... — Впервые за все время беседы Смерть скупой улыбнулась, будто знала обо мне что-то такое, подпадающее под нехорошее словечко «сюрприз». Знала, но делиться не спешила.

— А какие-нибудь бонусы за работу полагаются? — практично уточнила я.

— Я похож на Деда Мороза? — удивился собеседник.

— Одно лицо, только без бороды и красного халата.

— Тогда и глупых вопросов не задавай. Кармой зачтется, — закрыла

тому Смерть.

Очередная, на сей раз предвкушающая улыбка странного собеседника мне совсем не понравилась. Что он имел в виду, уточнить не успела. Исчез чужак на заглавную букву «эс» из зеркала вместе с портфелем и креслом.

Насчет притяжения клиентов лысый не соврал. Утром, входя в лифт, увидела бледно-серые пятна на груди у старушки-соседки и ляпнула:

— Теть Тамара, вам бы сердце проверить. Пошаливает небось! — И, раньше чем выслушала череду квохтающих жалоб на сердце, печень и другой ливер, увидела, как бледнеют пятнышки на груди старушки.

Стало быть, несвоевременной смертью бабушка теперь не помрет, только в положенный час. Наверное, после моей рекомендации в больницу отправится, и то хлеб. А то она одна живет, помрет невзначай, заселятся какие-нибудь буяны, и будет музыка по полночи нервы трепать. Нет, такой хоккей нам не нужен, уж лучше тихая бабушка, никогда не включающая телевизор после девяти вечера и не водящая в дом чужих дедушек!

Так и повелось. Пятнышки на людях стали привычны, как дождинки в ливень, и так же привычно я стала подбирать способы их устранения. Частенько получалось, порой нет, стопроцентную гарантию во вселенной дает лишь одна контора. Да-да, та самая, с представителем которой я через зеркало имела честь побеседовать.

Словом, шли годы, я окончила школу, поступила в финансово-экономический на бухгалтера. Причина выбора профессии была элементарной: с черными циферками комфортнее, они никогда не пестрят черными пятнышками — знаками смерти. По знакомству (а что и где у нас делается в стране иначе, если можно решить дело через родного человечка?) устроилась бухгалтером в одно не слишком крупное ЗАО. Жила тихо в своей съемной квартирке, читала вечерами книжки, попивая чай, ликерчик или вино с вкусняшками. Мужчинки приходили и уходили, потому что я не желала подлаживаться под них, а они, те, кто хоть что-нибудь собой представлял, — прогибаться под меня. Одной было удобно и спокойно. Уже подумывала завести ляльку от подходящего кандидата...

И тут случился он. Увы, не роковой тип сногшибательной наружности с миллиардами за душой, яхтой и личным самолетом, а тот самый «кирпич». Вернее, это был не кирпич, а ветка дерева. Большая.

Очередное штормовое предупреждение, привычно бомбанувшее мобильник, обернулось настоящей репетицией армагеддона. Проливному дождю с сильнейшим ветром угроздило разразиться как раз в тот момент, когда я вылезла из маршрутки за два квартала до дома. Увы и ах, до подъезда у нас только такси возит. Но в такой час его все равно не

дождешься — звони, не звони. Не ночевать же на работе!

Сильнейший ветер, при котором зонтик, если хочется побережь спицы, даже открывать бесполезно, оказался «приятным» бонусом к жесткому массажному душу сверху. Вернее, при таком ветре душ стал душем Шарко. Лил, по-моему, даже снизу, а не только справа, слева, спереди и сзади. Промокший до нитки и замерзший человек — проверено на себе — враз утрачивает способность к критической оценке происходящего. В голове остается одна мысль: скорее домой, скинуть мокрую одежду и в горячую ванну, а внутрь — чаю с коньячком. Или даже просто коньячка!

В чавкающих мокалинах я катером на воздушной подушке рассекала громадную лужу, в которую превратился двор. Говорят, что простота хуже воровства, а сейчас убедилась, что заасфальтированный двор хуже нуждающегося в ремонте. Обычно основная вода скапливалась в выбоинах, оставляя пространство для маневра опытному горожанину. Сейчас же аш-два-о была везде, как первичный океан в первые миллионы лет зарождения жизни на Земле. Зато перед горожанами не стояла проблема выбора пути. Какая разница, где идти, если везде воды выше щиколотки?

Пока я философствовала на бегу, дверь подъезда пикинула, и из сухого его нутра к газону бросились Макс и Миша. Максу было шесть, Мише — семь лет. Первый являлся здоровенным черным терьером выставочного экстерьера. Второй — мелкий и юркий — дружелюбным до безобразия и страшно общительным соседом-первоклассником.

Кажется, мальчишке в безразмерном дождевике и сапогах по колено оказаться под дождем было в кайф. Завидя меня, пацан разулыбался от уха до уха, замахал свободной от поводка рукой и звонко заорал:

— Привет, тетя Катя! А у Макса понос! Съел какую-то дрянь на помойке! Мы уже три раза выбегали!

Враз вымокший Макс, принимая подобающую случаю позу горного орла, обтекал молча и сосредоточенно, как подобает занятому важным делом уважающему себя созданию.

Я неопределенно пристукнула зубами в ответ на радостный возглас Мишани и невольно втянула голову в плечи — прямо над нашими головами полыхнуло и почти сразу грохнуло небо. Очередной резкий порыв ветра заставил громадный тополь во дворе затрещать. Потом я увидела внезапно выступившие черные пятна на пацане, собаке и, вот дура, дальше действовала рефлекторно — бросилась вперед и снесла хлипкое тельце ребенка с газона, собака инстинктивно дернулась следом за мелким хозяином. А я уже не успела. Большая ветка — она тот же кирпич, только тяжелее и другой формы. Зачем я это сделала? Наверное, слишком замерзла

и мозг отключился. Дура? Дура! Ой дура...

Мир померк, где-то в отдалении раздался задумчивый и очень знакомый голос:

— Я ж говорил, кармой зачтется...

Пришла в себя я резко, от дикой вони. Кровь, потроха (точно как в деревне у бабки, когда курам по осени головы рубили), жженная кость и еще что-то невообразимо противное составляли аромат, шибяющий в нос почище нашатыря. Было темно. Лишь чадающий свет пары догорающих факелов размазывал мрак до насыщенно-серого. Справа отчетливо тянуло сыростью. Слева и впереди едва различались предметы, идентификации не поддающиеся. Я улавливала лишь контуры неровного громадного шара и пары сооружений (ящики? бетонные блоки? саркофаги?) с прямыми линиями, поверх которых валялись какие-то длинные мешки.

Во всем организме ощущалась удивительная... нет, блин, не легкость. Тяжесть и онемение! Как в отлежанной за ночь руке. Только я вся была рукой. Мысленно прикинула — двигаться вроде как могу, но с трудом. Тело воспринималось странно, словно засунули меня в грубый скафандр, а перемещаться в нем не научили. Попытавшись пошевелиться, я лишь едва заметно дернулась и зашипела сквозь зубы от возмущения.

Спустя несколько секунд послышался мужской хриплый голос слева, со стороны «ящиков и мешков»:

— Ким, лапуля, ты никак жива?

В ответ хрипу некто не отозвался. Я снова злобно запыхтела, пытаюсь заставить тело если не сесть, то хотя бы поднять руку. Вместо этого дернулась, будто ей засадил молотком по колену садист-невропатолог, правая нога. По всему телу волной прошлись колкие, мерзкие мурашки. Я уредила запросы и еще раз попыталась шевельнуть уже не рукой, хотя бы большим пальцем на левой руке. Вместо него сжалась в кулак и стукнула по чему-то твердому правая ладонь. Новая волна мурашек-льдинок протопала сквозь тело. Они поселились не только на коже, но и под ней, в нервах, сухожилиях, даже костях. Боли не было, лишь общее неприятное ощущение, дополняемое осознанием полного бессилия. Я словно оказалась участницей шоу «Почувствуй себя перевернутой черепашкой, сто процентов реалистичности погружения в среду гарантировано».

Снова постаралась пошевелить тем же пальцем левой. На сей раз приливная волна мурашек оказалась скромнее, и нужный палец дрогнул, а потом беспорядочно задергался. Будто мозг и организм никак не могли договориться между собой или последний запутался с расшифровкой

поступающих сигналов.

От усилий на лбу выступил пот, но я все пробовала и пробовала, злясь от беспомощности, пока наконец сначала правая, а потом и левая руки поочередно не сжались в кулаки, а затем не разжались.

Сердце бухало в груди, как после забега на пять километров, перед глазами плясали стеклянистые червяки и черные точки, но у меня получилось! Я торжествовала: «Ура, заработало! Сейчас полежу еще немного и займусь ногами!»

Пока боролась с собой, мужчина не унимался. Он, видать, тоже собирался с силами и теперь снова звал:

— Ки-и-им!

Теперь к нему присоединился еще один хриловатый басок, похожий на первый:

— Ки-и-им?

Пока я сообщала, где, что, почему и зачем, сбоку заговорили между собой сразу двое.

— Керт, чего лапуля-то молчит? Неужто язык прикусила?

— А я знаю, Кирт?

— Тут такое творилось, кобылу мне в жены, что как мы себе чего не откусили, а может, и откусили — не разобрать, — прохрипел названный Киртом, почему-то приплетая в речь странные пожелания про лошадок. (Может, он так ругался?) — Голова гудит, словно гуляли в «Веселом путнике», пропивая половину десятинного жалованья. Причем все потратили на горячивку, а не на закуску и девок.

Собеседник ответил ему согласным кашлем. Закашлялся и Кирт. То, что я приняла за длинные мешки на ящиках, подергивалось и трепалось, демонстрируя подобие интеллекта. Точно, там валялись двое мужиков! Один из них, тот самый Кирт, прочистив горло, снова заталдычил, вызывая, как радист, базу:

— Эй, Ким, Кимея, жива? Отзовись, лапуля!

— Парни, не знаю, кого вы зовете, но, по ходу дела, здесь только вы и я. Хотя понятия не имею, где это «здесь» и кто вы, — промямлила я, с трудом ворочая тяжелым, как мокрая тряпка, и непослушным языком.

— Уф, живая! Будь, Ким! — облегченно выдохнул Керт странное пожелание бытия. Это у них вместо «здравствуйте», что ли?

— Ага, будь! Напугала-то ты нас, Ким! А что память отшибло — не беда, отлежишься чуток, полегчает, — раздался радостный басок того самого трепача Кирта, только что вешавшего про выпивку, лошадок и девок.

— Лежи покамест, не вставай, — дельно посоветовал первый, прозываемый Кертом.

— Стало быть, мы с тобой, братец, и Ким — тут. Осталось понять, где Тимас и Симелия с Альтом. Песьего бреха не слышно, кучера тоже не слышать. Если ее высочество где-то визжит, требуя нас, то чем скорее мы найдемся, тем выше шанс не нарваться на штраф, — опять начал вещать разговорчивый Кирт.

— Может, я головой сильно шибанулся, только последнее, что помню, — как коляска принцессы с обрыва летит. Дальше грохот, боль и темнота, — прокашлял Керт.

Пока они беседовали между собой, я гадала, почему эти деятели упрямо принимают меня за какую-то Ким или Кимею?

— Тогда мы с тобой, Керт, в одном месте головой бились, я тоже про обрыв помню, — озадаченно протянул Кирт. — Ким, лапуля, ты чего последнее помнишь?

— Грозу и ветку дерева, которой меня придавило. Кстати, мужики, меня Катерина, Катя зовут, так что по-любому скорее Кэт, чем Ким, — сварливо буркнула я и попыталась поднести пальцы к вискам.

Синхронно обеими руками разом я шевелить еще не пробовала. Этот подвиг отозвался очередным шествием ледяных колких мурашек, в строй к которым беспорядочно затесались их огненные подружки. Голову прошил такой чудовищный болевой разряд, что, кажется, я отключилась ненадолго или заснула. Разбудили меня шорох, буханье подошв, скрежет по камням, стук и почти синхронные матюги. Странные матюги, через слово поминающие мечты о кобыле в жены, экскременты и половые органы некоего отца и чьей-то матери. Послышался ритмичный стук. Потом сразу стало светлее.

Запылали два факела в лапах — руками эти конечности назвать язык не поворачивался — двух здоровенных шатенов. Плечистых, высоких, похожих друг на друга, как отражения в зеркале. Весьма потрепанные, пыльные, грязные и окровавленные отражения. Впрочем, при всей внешней обшарпанности безобидными мужчины не выглядели и на простецких Ванек из техникума не тянули. Слишком четкой лепки черты лица, губы — не лепехи, брови ровные, да и носы не картошки, а вполне четкие. «О, — сообразила, — эта парочка напоминает итальянцев, очень хорошо питавшихся в детстве „Растишкой“, лишенных обычной кудрявости и чернявости».

Едва факел осветил меня, заставив зажмурить глаза, как «двое из ларца» синхронно подались назад и сконфуженно поклонились.

— Ваше высочество Симелия! Будьте! Простите, мы ваш голос с Ким спутали. И платье с прической у вас отчего-то сходны стали, вот и не признали сперва... — торопливо забормотал первый, кажется Кирт. Второй стоял молча.

— Уже сказала, что я не Ким и никак не Симелия, а Катя, — раздраженно огрызнулась я, прикрывая пятерней заслезившиеся от близости факелов глаза.

Рука двигалась как надо. Подбодренная прогрессом, я осторожно оперлась о ложе второй свободной ладонью и попыталась сесть. Медленно и со скрипом, но удалось.

Кстати, на чем таком твердом и холодном я валяюсь? Эдак и почки застудить недолго. Выяснилось, что на серой и очень холодной каменной плите, твердой, понятно, как камень. Как я тут очутилась? Пальцы привычно ринулись взъерошить шапку кудряшек и застряли в толстой косе. Так, стоп... косе? Откуда взялась коса? Перебросив ее через плечо, впиалась взглядом, как в змею. Светлая, почти пепельная! Куда делись мои нынешние кудрявые черные волосы? И пальцы... Где мой маникюр со стразами? Тонкие пальчики с ровными розовыми ноготками безо всякого лака нервически затеребили растрепанные блондинистые лохмы. На запястье красовалась татуировка в виде маленькой не то веточки, не то стебелька с мелкими голубенькими цветочками. Я оставила в покое волосы и поднесла запястье с просвечивающими тонкими венками ближе, чтобы разглядеть картинку. Не мои волосы, не мои руки, не моя татушка. Какой вывод? Это вообще не мое тело!

Ничего удивительного, что оно меня слушаться не хочет. Куда я попала? Куда меня этот лысый хр... хороший нечеловек с косой в зачет кармы засунул? Ответов в гудящей голове, если опустить мат, не было. Но я понимала четко одно: все эти «подарочки» от «не Дедушки Мороза» мне категорически не нравились. Только ему, как и сказочному новогоднему старику, все равно не было смысла предъявлять претензии.

Пока я переваривала стрессовые новости, двое крепких молодых мужиков снова шагнули ближе, озадаченно переглянулись и уставились на меня в полном обалдении. Болтун Кирт потер шею сзади, молчун Керт почесал висок. Ага, стало быть, не только молчаливый, еще, возможно, и умный. Дураки, если верить любительскому мнению о жестах, обычно чешут в затылке.

— Лицо принцессы Симелии. А все остальное: голос, волос, знак выпускницы «Кордесса» на руке, тело и одежда — Кимей, — методом перечисления выдал наконец причину общего замешательства Кирт.

Чтобы рассмотреть меня получше и еще разок во всем убедиться, он снова поднял факел выше. На ногах парочка стояла покачиваясь, но хоть палками с огнем в меня не тыкала и спалить не пыталась.

То ли от света, то ли от резких движений меня накрыло очередной, самой мощной волной боли. В ушах зазвенело, мучительный стон вырвался сам собой. Тяжесть в голове и теле словно взорвалась, выпуская наружу память. Информационный поток-биография юной Кимеи, личной горничной и наперсницы принцессы Симелии, едва не отправил бедную меня в очередной нокаут. Зато сразу стали понятны глумливые слова Смерти о карме.

Эта нехорошая мужеподобная персонификация старушки с косой каким-то образом ухитрилась вытащить и перебросить мое сознание в чужое тело чужого мира, именуемого Фальмиром. Мира, где жили люди, но действовала магия, правили короли, а боги куда более деятельны, чем полагается сданным в архив пыльным мифам далекого прошлого.

Что теперь? Можно, конечно, негодовать, бия себя пяткой в грудь, и требовать все отыграть назад. Но вот вопрос, а осталось ли от меня там, на Земле, что-то целое и функционирующее, куда можно возвращаться? Судя по размерам той ветки — вряд ли. Будь я живой, Смерть банально не смогла бы ничего сделать. Она только на покойниках специализируется.

Я поморщилась, анализируя последние минуты памяти Кимеи, образ сумасшедшего старика, творящего какой-то ритуал, и отклик на творимое безобразие некоей сущности по имени Ольрэн Ушедший. Кажется, в памяти наперсницы принцессы Симелии этот подозрительный тип проходил в качестве ушедшего и полузабытого бога коварных шуток, метаморфоз и почему-то дверей. Дескать, во власти злого шутника Ольрэна было не только извратить любое сущее, но и распахнуть или затворить какие угодно пути или двери. Если быть совсем точной, на здешнем едином языке Ушедший именовался богом не дверей и дорог, а скорее проходов. Это слово вбирало в себя значение «дверь» и «путь» одновременно.

Ха, для сгинувшего с концами Ольрэн чересчур энергичен и деятелен! Хотя, если он отвечал за проходы, что ему стоило как уйти, так и вернуться, не считаясь ни с чьим мнением? И для меня, блин, организовал такой, то ли при содействии, то ли при попустительстве Смерти с Земли.

Вообще, неожиданные возвращения — обычное дело для высших сущностей, если судить по книжкам фэнтези. Их я прочла в изобилии в тщетных попытках найти ответ на вопрос: «Со мной ли одной творится разная потусторонняя фигня или нас, „счастливиц“, много?». Ответ, конечно, не нашелся, но книжки понравились, увлеклась и почитывала под

настроение регулярно. Уже не в поисках истины, а исключительно для развлечения и отвлечения от муторной миссии Заступающей Последнюю Дорогу.

В книгах порой тоже встречались бедолаги, работающие на «старушку с косой» или вообще ее подменяющие. Смеялась я тогда до колик. Когда знаешь, о чем речь, со стороны все так забавно выглядит, даже если автор не собирался читателей на «ха-ха» пробивать. Досмеялась, ага, теперь можно и поплакать, когда на мне типичный рояльный метод решения проблемы главного героя — попаданство — использовали. Ну лысый, ну удружил...

От чужой памяти голова раскалывалась, как кокосовый орех под топориком аборигена с тропических пальмовых островов. Я с трудом присела и энергично помассировала виски. Вроде бы тело начало слушаться и уже не напоминало ощущениями древний скафандр водолаза для глубоководных работ. Теперь оно больше походило на новый костюм из грубого льна, не поддающийся глажке, которому еще предстоит обмяться и сесть по фигуре, то есть по душе.

Рядом смирно отсвечивала факелами и неуверенно переминалась с ноги на ногу или пошатывалась парочка мужиков. Кирт и Керт — телохранители с отличными рекомендациями из «Серого щита», специализирующиеся на охране и усмирении буйных порывов вздорной принцесски Симелии. Если сиротку Кимею из древнего нищего рода дрессировали в «Кордессе», пансионе для камеристок, горничных и наперсниц высшей категории, то щитовики тоже числились элитой среди своих, телохранителей-наемников. Выпускников этого учебного заведения разбирали как горячие пирожки представители самых знатных фамилий Фальмира. Если же кто из щитовиков не хотел заключать постоянный контракт, то отлично зарабатывал на разовых. За десяток лет ударно-защитного труда сколачивалось небольшое состояние. Папочка-король Ламильяна покупал для своей балованной младшенькой дочурки самое лучшее из вещей и людей.

Собратья и сестра по присмотру за златовласым несчастьем, Кирт, Керт и Ким, состояли если не в дружеских, то в приятельских отношениях точно. Общие проблемы, знаете ли, сблизжают сильнее совместных попок. Трое коллег по нелегкой миссии неплохо знали друг друга. Хорошо, что я врать мужчинам, притворяясь Кимеей или Симелией, не стала. Смену личности те почуяли бы сразу. Я решила и дальше от щитовиков ничего не скрывать. Не откроют же они мне голову только за то, что я — это я, жертва произвола всяких темных сущностей и богов? Никто из пары Кирт-

Керт глупостью и жестокостью не отличался. В конце концов, мы в одной лодке, то есть на одном алтаре всяким извращенным экзекуциям подвергались.

Сейчас щитовики всего лишь хотели знать, кто я. Блин, да я, если уж говорить начистоту, и сама бы не отказалась. Судя по всему, старый маг-маразматик, движимый прихотью, вдохновением или личной шизой, нацепил на покалеченную горничную лицо мертвой принцессы. А его не менее гениальный призванный бог добавил в этот кровавый коктейль душу попаданки. Ладно хоть на память отлетевшей души Кимеи кто-то (местный Ольрэн или моя знакомая Смерть) расщедрился. Не придется тыкаться на ощупь в местных реалиях, как слепой котенок в поисках мамкиной титьки.

— Керт, Кирт, повторяю, я не Симелия и не Кимея. На татушку и прочие приметы не смотрите. Когда коляска упала с обрыва, вы все угодили в руки безумного мага, — хрипло прошептала я. — Старик провел ритуал, призывая Ольрэна, ушедшего бога метаморфоз. Тот заглянул на огонек. Не знаю, что он сотворил с вами, но та девочка Ким, которую вы знали, нынче умерла в пещере. На ее искалеченное лицо прилепили физиономию принцессы Симелии. Ее тушка сзади в общей груде валяется, Ким видела. Мою же душу выдернули из умирающего тела в другом мире. Душа Кимеи хотела уйти от мучений и ушла, а память осталась. Такая вот крошка.

Взгляды темных глаз, в полумраке пещеры казавшихся черными, снова скрестились на мне. Секунда, другая, третья... мужчины снова переглянулись, обернулись назад и подсветили получше указанный ком мертвой плоти. Меня затошнило. Окровавленное девичье тело без лица, изломанные лошади, здоровенный черный пес, похожий на Макса, хрупкий парнишка-кучер, выбранный принцесской за смазливую мордочку и знание лошадей, — инсталляция вкупе с запахами вдохновляла лишь на прочистку желудка.

Помилосердствовав, телохранители описали факелами знак круга, перечеркнутого по косой в нижней трети, — символ Первоотца. Сотворив, таким образом, ритуал прощания с ушедшими, они снова вернулись ко мне, смещая факелы и скрадывая жуткую груду в тенях.

Глава 2

НА ДНЕ, ПОЧТИ ПО КЛАССИКУ. РЕКОГНОСЦИРОВКА

— Как-то вечером слышал в трактире «У стены» старую песню-легенду. Очень пьяный бард пел о безумном жреце-маге, чьи преступления неисчислимы и смертный приговор которому подписан едва ли не в каждом уголке Фальмира. Служители Первоматери приговорили его к сожжению заживо, блюстители долга Первоотца — к котлу с кипящим маслом, а жрецы-псы Дагонта Законника-Очистителя — к четвертованию. Йорд Седой Отступник, презревший богов нынешних, продавший душу Ольтрэнду за бессмертие и могущество, — так называл бард того безумца, — припомнил Кирт.

«Надо же, — отметила я памятьливость и наблюдательность щитовика. — Небось и сам тогда в дрова пьян был, по трезвяку такие песни не поюти не слушают, а запомнил. Выходит, телохранитель не только языком треплет, но и других слушать умеет».

— Вот, стало быть, в чьи лапы мы угодили к добру или к худу, — задумчиво крикнул Керт.

— К добру? — аж поперхнулся от возмущения Кирт.

— Не появись Отступник здесь, в ущелье лежали бы наши трупы, брат, — резонно пояснил разумник Керт.

— М-да, — крикнув, вынужденно согласился Кирт и сумрачно продолжил мысль напарника: — Не только бедолаги Тимаса и Симелии, но и твой, мой и лапули Ким. А так вот они мы, живехоньки и целы. Я — это точно я, ты — это ты...

— А Ким? — невольно настороженный взгляд Керта метнулся в мою сторону.

Я напряглась. Вдруг меня сейчас в четыре руки убивать станут, как того Йорда?

— Ким не повезло, — философски констатировал Кирт, не предпринимая никаких агрессивных телодвижений, и добавил, сделав еще один знак Первоотца факелом: — Жаль лапулю, пусть идет в светлые объятия Первоматери, как того и желала, но нам-то всем жить.

— Что предлагаешь? — справился о мнении брата Керт, начиная рассуждать вслух: — С одной стороны, тело ее высочества надо бы отцу

доставить...

Я же, пользуясь данными из памяти горничной, его перебила:

— Надо драпать, и поскорее!

— Согласен, кобылу мне в жены! — решительно выпалил Кирт со своим обычным ругательным присловьем. — Бежать, и быстро. Смерти Симелии нам не простят, а уж если следы ритуала почуют и найдут, то гореть, плавать или на куски быть разорванными вместо Йорда мне вовсе не мечтается. Никто разбираться не будет, как мы уцелели. Ты с нами, лирта с лицом принцессы, памятью Ким и душой незнакомки?

— Куда ж я с подводной лодки, лирты! Будьте! — согласилась я, припомнив, что бесконечные пожелания бытия — здешний аналог приветствия, а лирт и лирта — обычное обращение к мужчинам и женщинам Фальмира. — Тикать так тикать, только с этого каменного одра слезть помогите, пока совсем не простыла. Апчхи! Меня шатает, как пьяную, и голова болит.

Вопрос о присоединении к компании телохранителей, или по-здешнему щитовиков, для меня вовсе не стоял. Куда я одна, тощая недомога с неотсортированной грудой чужих воспоминаний о чужом мире, подамся? Плохо мне, защитить себя не способна, одна надежда на парней. Подлости от них Кимея не видела, лишь помощь. Доверюсь! Другого выхода все равно нет.

Кирт легонько сдернул меня с плиты и небрежно поддержал, давая ногам привыкнуть к тяжести чужого-своего тела. Кимея, в отличие от моего прежнего тела с приятными округлостями, оказалась тушкой с цыплячьим весом и формами стиральной доски. Похоже, всех достоинств у девчонки, замороженной пансионом и нервной работенкой, и было что светлая, почти пепельная, коса толщиной в руку да серо-голубые глазки с длинными ресничками. Нет, покойница Симелия садистскими наклонностями не страдала, ни разу не подняла руку на компаньонку или слуг, но ее капризы доставали людей почище изощренной пытки.

— Кстати, куда мы будем драпать — раз, и на какие шиши — два? — переадресовала я паре спутников актуальные практические вопросы. — У меня в карманах пусто, даже безделушек на продажу нет. И одежда у нас у всех драния, испачканная в крови.

— Нам скрываться, а Симелии уже все равно, — резюмировал Кирт и, воткнув факел в трещину плиты, двинулся к трупам, не просто сваленным, как теперь виделось четче при новом ракурсе освещения, а словно скатанным в единый рыхлый ком каким-то маньяком. Будто некий великан за неимением снега вздумал поиграть в снежки из мяса. Брр!

— Украшения не трогай, запалить могут, только монеты из кошелька на пояс, — дал профессиональный совет Керт. — Камень поострее подыщи и дыру сделай, все монеты не бери, пару-тройку оставь, будто просыпались.

Я только присвистнула мысленно: это же надо, какое разностороннее обучение у телохранителей в «Сером щите»! Обобрать жертву, чтобы ограбление выглядело натурально, наверное, не каждый сможет. Я бы точно не додумалась. Впрочем, я ни разу в жизни не воровала ничего, кроме яблок у бабкиного соседа в деревне, и трупы тоже обирать не приходилось. Не та эпоха и профессия не та. Бухгалтеры по-другому зарабатывают, если они профи. Правда, мне и на этой ниве до звания мастера еще было пахать и пахать. Видала я таких спецов, что от любой проверки отбиться играючи могли, все данные в голове держали и любой отчет у них цифра к цифре с первого раза сходился.

— Снаружи подожду, — торопливо пробормотала себе под нос, и пока мужчины обирали трупы, я по стеночке, по стеночке, сдерживая рвотные позывы, двинула вперед. В сторону свежего влажного ветерка, долетающего от входа в пещеру. Шла навстречу неумолчному шуму, который способна издавать только текущая вода.

Небольшой коридор выводил за нагромождение камней в ущелье, ловко скрывающих вход. Я присела на один плоский камень и, вытащив гребешок, принялась переплетать растрепавшиеся до состояния мочалки волосы. Руки двигались сами, ловко разбирая пряди, я осматривала окрестности.

По дну ущелья, метрах в трех от валунов входа, мчался резвый поток. Не ручеек, уже речушка, перейти вброд и перескочить с разбегу не получится. Чай, не кенгуру! Взбираться наверх по камням на высоту трехэтажного дома как-то тоже не хотелось. М-да, если это награда за карму, то какая-то очень похожая на наказание. Всей награды — летняя пора попаданства. От холода не загнусь в сугробе. Плюс пара мужиков рядом, которые не рвутся незваную вселенку придушить и с расспросами про другой мир не лезут. Чего лезть-то? К срочным вопросам не относится. А если историю Фальмира вспомнить, все здешние — потомки тех, кто когда-то откуда-то пришел или был приведен богами. О множественности миров тут знают, хотя вроде как последние века про гостей снаружи ничего не слышно. Но это Ким не слышала, она вообще нелюбопытной девчонкой была...

А вот про «не придушить» — уже занятнее. Почему не рвутся? Вдруг я не обычная бедолага-гостья, а могущественный злобный дух, занявший бесхозное тело? Или щитовики — это... агностики? А может, даже

демонопоклонники? Правда, Кимея ничего такого припомнить не могла. Вроде братья Первоотцу молились, при мне его символы выписывали. Что ж, если мужики по демонам, то их ждет большое разочарование. На суккуба я точно не тяну, особенно в этой заморенной тушке. И вообще, бухгалтер обычно имеет клиенту только мозг!

Я доплела косу, вернула гребешок в сумочку, а шпильки — в прическу, закрепляя косу корзиночкой сзади. Мысли перескочили на другое. Интересно, где коляска навернулась с обрыва? Там бы тоже пошарить неплохо. Жаль, обломков не видно. Старый безумец неслабым магом оказался, если смог нас всех до пещеры доволочь и следов не оставить.

Шаги сзади прервали размышления и созерцание воды. Увы, последнее никак не способствовало решению проблемы с переправой. Кирт и Керт выбрались наружу с неплохой добычей. Монеты из кошелька принцессы они честно разделили на троих. Я взяла только три серебряных кругляша на всякий случай и спрятала в махонькую сумочку на поясе, с гребешками и заколками. (Кошелек Кимея постоянно при себе не таскала, лишь когда собиралась в лавку или на торг, деньги брала.) Остальные монетки вернула Кирту — трепачу, но более домовитому, чем брат.

Хотя насчет кровных уз... Они пусть и похожи внешне, как близнецы, но приходится друг другу не родными, а двоюродными. В «Сером щите» из парней специально пару одинаковых с лица и фигуры лепили в интересах заказчиков, преследуя две цели разом: услаждение взора клиента и приведение в замешательство потенциальных врагов.

— У вас целее денежки будут, — обосновала я передачу монет и вопросительно посмотрела на парней. Кажется, собратья по несчастью от меня чего-то ждали.

— Лирта Ким... или Кат... — запнулся и окончательно запутался с именами Кирт, принимаясь ожесточенно чесать шею сзади.

Да уж, «кат». Палачом меня еще не называли, неприятные ассоциации возникают, если вспомнить о проклятом даре Заступающей Последнюю Дорогу. Нет, зваться Кат категорически не желаю!

— Пусть будет не вашим и не нашим — Кит, лирты, — вздохнула я, смешивая имя ушедшей девушки и свое собственное, словно ставила его порогом новой жизни. Жили-были бухгалтер — раз и горничная — два, а потом пришла за ними Смерть, чуток пошутил ушедший бог — и получилась диковинная зверушка под номером три.

Щитовики кивнули (на Фальмире кивки больше походили на наклон головы вбок), сочтя знакомство состоявшимся.

— Плюс давайте без особо вежливых расшаркиваний. Память Ким при

мне, я вас отлично помню, будто и впрямь дружила, — вздохнула я, потеряв лоб и остро жалея об отсутствии возможности поскрести мозги, закипающие от усваиваемой информации. — Чего хотели-то?

— Кровь мы с одежды и сами замоем, а вот подлатать... У Тимаса нитки с иглой нашлись. Справишься?

— Кто ж его знает? — честно призналась я. Швеей на всю компанию мне горбатиться совсем не улыбалось. Как-то я все больше головой, чем руками, работать привыкла. С другой стороны, щитовики меня не заставляли трупы обыскивать. Там бы я точно не пригодилась. Бу-э-э! Поэтому честно постаралась объяснить причины замешательства: — В своем прежнем теле с иглой обращалась редко, но если мышечная память Ким сохранилась, а она вроде знала, с какого конца иглу держат, можно попробовать.

— Давай, у нас всяко хуже выйдет, — попросил Кирт и неожиданно резко поднял планку требований: — Сделай знак Первоматери.

— Эй-эй, запросы-то поумерьте! — пришлось сразу уйти в отказ. — Вышивать быстро ни я, ни Ким совершенно точно не способны.

— Не иглой, рукой, — поправил брата Керт.

— Так? — Я вытянула указательный палец и естественным для тела жестом изобразила в воздухе не то трезубец, не то вилку, символизирующую трехлепестковый цветок — символ богини.

Лепесточки привычно для Ким и совершенно дико для меня-Кати, не привыкшей к божественным спецэффектам, проблеснули по контуру нежно-розовым. С задержкой пришло и запоздалое понимание: знак Великой матери, именуемой также Первоматерью, светился только у женщин, то есть у всех, так сказать, лиц женского пола. У девочек он беленький, у девушек — розовый, у женщин — лиловый, у старых и бесплодных — фиолетовый. Такая вот цветовая градация. Что интересно, Первоотец, он же Всеотец, в отличие от Великой матери, свой знак — меч-щит (это его недавно парни над трупами рисовали) — подсветкой при каждом применении обеспечить не сподобился. Верным приверженцам он, если верить жрецам и молве, даровал в качестве изъявления милости прилив сил. Но ведь и моды на проверку мужской девственности я ни водной книжке не встречала. Везде дискриминация!

Мужики после розового проблеска облегченно выдохнули. Часть сдерживаемого напряжения из тел ушла, так же как и шаловливые пальчики подальше от пояса с оружием убежали. Это как? Меня все-таки в чем-то подозревали и испытывали? Ну и ладно, доверяй, но проверяй — принцип хороший, выдержавший испытание временем и, как показывает

практика, мирами.

Снова устроившись на нагретых за день, поэтому теплых и сухих камнях, подальше от воды, я принялась проверять координирование швейного навыка Ким с задаваемой новой хозяйкой программой действий. Волосы переплести смогла, значит, и с иглой, по идее, должна совладать.

Кирт и Керт, как обещали, занялись стиркой окровавленных вещей. Студеная горная речка для такого подходила идеально, если бы не риск навернуться на мокрых камнях и заработать простуду от низкотемпературных ванн. Однако парочка бывших телохранителей принцессы в себя пришла быстро и теперь скакала ловко, как парочка горных козлов, ничуть не смущаясь ледяной воды и крутизны камней.

Мне повезло — Ким поломало в полете с обрыва удачно, если к подобному вообще применимо слово «удачно». Кровь компаньонов по несчастью ее не замарала, а своя обильно натекла лишь с головы и вся оказалась на плаще. Его телохранители тоже отыскиали в гряде тел и теперь замывали наравне со своими вещами. Я же, разложив перед собой маленький походный набор кучера из пары игл и одной катушки с нитками трех цветов (белый, серый, черный), медитировала над композицией. Швейный школьный опыт на уровне «четыре в дневник, три в уме» заставил обратиться к моторной памяти Кимеи. У той с иголками в пансионе была полная гармония.

Одним глазом на текущую воду, вторым — на влажную рубашку с полуоторванным рукавом, вдох-выдох. Тук-тук-тук! Ручки, давайте подключайтесь, вас ждет работа, а ты, не в меру умная голова, не мешай! Пальцы потянулись к серой нити, отмотали, продели, ап! Дальше я, как жертва ОРЗ, которой дали средство от запора, замерла и боялась кашлянуть: худенькие пальчики Ким заработали ловчее швейной машинки. Минутка-другая — и рукав снова стал частью рубахи без малейшего намека на заявление о миграции.

Я смерила первую за всю жизнь превосходную штопку — ну не из того места ручки росли, не из того — восхищенным взглядом! Во Кимея дает! Вернее, теперь я, за что доставшемуся телу и рефлексам большое человеческое спасибо. Что тощенькая, так ничего, были бы деньги, откормим! А средства-то есть благодаря мародерке братьев-кроликов... Хм, нет! На кроликов они никак не тянут, на сусликов тоже. До медведей не доросли, козлы — оскорбительно, зато на звание волкодавов и черных терьеров вполне претендовать могут. У Макса соседского порой такой взгляд бывал. Опять же самая телохранительская ассоциация получается!

Я подняла взгляд на стирающую парочку и снова умиленно

улыбнулась. Еще один повод для радости: не перевесили всю работу на мелкую девчонку, сами по камням карабкаются! И тут же вся радость пропала, осталась мрачная сосредоточенность, потому что я углядела черные пятна на Керт, и мне на миг даже показалось, что в тот же цвет окрасился камень в паре метров от прачек-любителей. Действовать следовало немедленно.

— Керт, Кирт, срочно подойдите по мне! — почти потребовала я. — Вопрос жизни и смерти!

Братья обменялись непонимающими взглядами, но просьбу исполнили без дополнительной дюжины уточняющих вопросов.

— Кит? — сжал ладонь в кулак и резко раскрыл пальцы в мою сторону Керт, используя местный жест — просьбу объяснения.

— Я вам о том, откуда пришла, ничего рассказать не успела, и вы не спрашивали, не до того нам пока, но одно сказать должна, это важно. У меня талант был там и здесь сохранился — я метки смерти вижу, которую отвести можно.

Мужчины слушали не перебивая, хоть глаза от любопытства раскрылись посильнее, а говорливый Кирт чуть язык себе не прикусил, чтоб не перебить.

— Осторожнее на камнях. Ты, Керт, вот на том угловатом, — я ткнула пальцем в нужном направлении, — мог оскользнуться и очень неудачно упасть. Смертельно неудачно, — объяснила я, передавая мужчине зашитую рубаху.

— Выходит, мы с твоей помощью самого Последнего Гостя обхитрить можем, кобылу мне в жены?! — выпалил пораженный Кирт, хлопнув ладонью по бедру.

— Нет, — опустила я мечтателя с небес на землю. — Лишние жертвы собирать ему самому лень, поэтому порой могу видеть, как избежать возможной гибели. Но если смерть за кем наверняка прийти собралась, то меток я не рассмотрю. Так что не расслабляйтесь!

— Спасибо, что сказала, — склонил голову набок в знак признательности Керт.

— Ваше выживание — залог моего, — развела я руками, берясь за вторую рубашку и вновь пытаясь ввести себя в состояние рефлекторной штопки.

Черные пятна на Керт благополучно выцветали, возвращая крохи спокойствия.

Совсем спокойным в моих обстоятельствах смог бы быть, наверное, только йог со стажем или профи-психиатр. Этих товарищей после работы

со специфическим контингентом вообще ничем не прошибешь!

В очередной раз оказав услугу Смерти, я продолжила штопку. Мужчины вновь принялись за экстремальную стирку. Через полчаса у нас уже имелись относительно целые и чистые (весьма относительно, потому что мыло, порошок и горячая вода в комплект попутанца не входили) вещи. Заодно из остатков плаща бедолаги Тимаса я сшила заплечную сумку. Ее тут же прибрал к рукам Кирт, чтобы упаковать весь наш нехитрый скарб.

Нацепив подсыхающую одежду (тоненький плащ Ким стирали первым, и он успел просушиться лучше других вещей), наша троица устроила маленькое совещание. Говорить под шум своенравной речушки даже на небольшом расстоянии друг от друга, перекидывая ее, не слишком удобно. Но орать в ущелье? Не-э, выжить после падения, чтобы затем ненароком спровоцировать обвал, никому не хотелось. Поэтому присели кружком и склонили головы поближе.

Вопрос «куда и как идем?» снова встал на повестке дня ребром. Первым делом разобрались с «куда». Подтвердили, что возвращаться в благословенные земли Ламильянского королевства никто не собирается. Во-первых, дохлую принцессу нам, выжившим, нипочем не простят, даже если мы тут совсем ни при чем. Виноваты уже тем, что выжили, а она умерла. Во-вторых, никто не знает, что именно и как сотворил с нами старый безумный колдун и нет ли на нас отпечатка его забытого и ушедшего (ага, ушел он, как же!) бога Ольрэна. Если есть и его какой-нибудь бдительный слугитель Первомаери обнаружит, то с гарантией устроит ритуал принудительного согревания. По той же самой причине двигать в сторону Радильяра, где правит венценосный дальний родственник нашего королька и царит культ Первоотца, не след.

Что остается? Вольные Пустоши, где сидит барон на бароне и никому нет дела до новых искателей удачи, или мирная Валисанта, где поклоняются любому из богов Фальмира. Их, конечно, поменьше, чем баронов на Пустошах, но жрецам все равно приходится быть терпимее друг к другу и прихожанам, чтобы не лишиться паствы.

Вопрос политической целесообразности тут же уравнился проблемой географической доступности. Попросту: куда мы из этого ущелья сможем выкарабкаться? Два тренированных мужских тела избыточным самомнением, к счастью, не страдали. Какие-никакие, а головы на плечах имелись и откровенно нелепых предложений не выдвигали. Стены ущелья, пусть не вертикальные, вверх забирали чересчур круто даже для опытных альпинистов без набора профессионального туристического снаряжения. Единственное местечко,

внушающее осторожный оптимизм, нашлось метрах в пятнадцати левее скрытого зева пещеры.

— Попробуем? Если снять сбрую с лошадей и использовать как веревки... — с сомнением предложил Кирт, меня же передернуло при одной мысли о комке плоти, в котором придется копать добытчикам.

А потом я взглянула на болтуна, и меня передернуло еще разок. На его теле появились и начали наливаться темнотой пятна. Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы сообразить, чем кончится попытка скалолазания для любителей.

— Нет, пятна проступают, — сразу ткнула я в «очевидное — неблагоприятное» компаньонов по несчастью. — И сбруя та... Уж больно легко она рвалась, не факт, что нас выдержит. Вы, парни, далеко не пушинки.

— Как тогда быть? — снова советуясь, разжал в мою и Киртову сторону пальцы Керт.

— У меня вопрос: как здесь оказался старикашка-колдун? — ответила я вопросом на вопрос.

— Ольрэн его знает, безумного мага, — передернул плечами щитовик, словно пытался закрыть тему возможностей ненормального живодера.

— Он умеет летать, живет в ущелье или где-то есть проход, о котором мы не знаем? — упрямо продолжила я нить рассуждений, перечисляя версии.

Братцы-псы переглянулись, синхронно нахмурились и почесали лоб у левого виска. Хорошо хоть говорить хором или через слово, перехватывая речь один у другого, они не пробовали. А не то б я, невзирая на ужасы грядущего одиночества, отыскала камешки побольше и пустила их в дело в старой как мир попытке братоубийства.

— Я не слышал о том, чтобы Йорд летал, как птица. Даже самые могущественные маги из Края повелителей стихий, если они с рождения не посвящены стихии воздуха на алтаре Вадера, летать не могут. Только прыгают и не на такую громадную высоту. А посвященные ветрам никакой иной магией не владеют, — затарахтел Кирт.

— Вряд ли старик живет в здешнем ущелье. Его порой видят то на одном краю мира, то на другом, как рассказывают бродяги-барды, — вставил пару слов Керт и резюмировал: — Значит, есть проход. Жаль, мы с братом не следопыты.

— Порыскать-то по округе все равно стоит, — загорелся трепач. — Вдруг тут впрямь тайный ход из пещеры на поверхность и клад в придачу.

— Угу, золото, брильянты и груда старинных артефактов лежат,

тоскуют и ждут нас. Такой рояль в кустах пришелся бы кстати, — не очень веря в столь меркантильное чудо, согласилась я себе под нос и посетовала, пожившись на ветерке: — Увы, одни совершенно недрагоценные камни вокруг, и кустов вовсе нет, негде спрятаться даже детскому пианино, не то что пакету с нечаянно забытыми неизвестным благодетелем бутербродами.

Хотя на фоне резкой смены тела, мира и вообще всего, вытворенного Смертью, чокнутым жрецом и богом Ольрэном, любые мелкие житейские неурядицы кажутся ерундой. К тому же в совершенно безвыходную ситуацию меня бы засовывать не стали. Значит, есть хороший шанс выбраться, главное — его использовать. Огорчений на сегодня, пожалуй, достаточно. Пора реальности меня порадовать, желательно обнаружением выхода!

И вообще, какой глупец от лишней радости бы отказался? Радость — она такая штука, что лишней никогда не бывает, в отличие от еды. Кстати, снова о ней, пище насущной. С момента раннего завтрака в животе Ким, ныне моем, не было ни крошки, и музыкальные рулады пузика, истомившегося в мечтах о супчике, на худой конец о горбушке хлебушка, становились все громче. Мужчины пока держались стойко; с другой стороны, это тощей девчушке надо еды как котенку, а вот когда проголодается эта пара шкафов с антресолями, придется хреново. Еды, как я уже намекнула, тут никто под камни не положил. Пусть в речке вроде как мелькали рыбы спинки, но сетей и удочек у нас нет, медвежьей сноровкой для ловли голыми руками не обладаем, острогу сварганить не из чего, а значит, рыба остается лишь соблазнительным элементом пейзажа.

Похоже, аналогичные, в высшей степени здравые мысли пришли в голову не мне одной. Керт и Кирт развили бурную деятельность по поиску тайного лаза в ущелье. Увы, старый безумец почему-то не удосужился намалевать для своих выживших жертв табличку покрупнее с красной стрелкой и надписью: «ВЫХОД ТУТ». Скачки по камням с падениями и шипением сквозь зубы закончились ничем. Хода мы не нашли. Как были на дне ущелья и жизни, так и остались. Почти по классическому с противной фамилией.

— Надо еще раз осмотреть пещеру, — внес единственное дельное, пусть и очень неприятное предложение Керт.

Возвращаться к комку из трупов и каменным плитам-алтарям, на которых мы умирали в мучениях, не хотелось никому. Ну на то и лидер, чтобы озвучивать непопулярные решения. На то и народ, чтобы этим решениям вынужденно (пока не сменилась ситуация, лидер или не истощилось терпение) следовать. Мысленно радуясь тому, что мы все

равно ничего не ели, поэтому хвалиться обедом не придется, я двинула в пещеру вслед за мужчинами. Факелы, оставленные у входа, вновь запылали благодаря огниву из кисета Керта.

Между прочим, табак здесь знали. Как какую гадость, так люди моментально схватывают. От мира истина не зависящая. Вот только Симелия терпеть не могла запаха курева. Тонкий нюх капризницы чуял аромат даже сквозь сосновую жвачку с мятными листиками, которой щитовики пытались замаскировать грешок. Телохранителям с дурной привычкой пришлось распрощаться, чтобы не расстаться с работой. Ким им тогда немножко посочувствовала, но лишь немножко, потому как резкую вонь здешнего трубочного зелья тоже не жаловала.

Глава 3

ВХОД И ВЫХОД?

При свете пары факелов мы вновь шли к проклятой пещере — началу и концу всего. Я торопливо забивала в ноздри по горошинке ароматических шариков, миниатюрный кожаный мешочек с которыми обнаружила в сумочке на поясе Ким.

Капризница Симелия при внешнем изяществе облика обладала лошадиным здоровьем, но любила разыгрывать из себя томно-хрупкую деву, склонную к обморокам. Особенно в присутствии приглянувшегося кавалера, к которому так приятно плавно опуститься в объятия, чтобы как бы случайно насладиться ощущением крепости мужских рук. Поэтому крохотный мешочек с благовониями всегда был при верной горничной, готовой услужить принцессе, когда госпожа вдосталь натешится вниманием встревоженных поклонников. Впервые ценный запас пригодился по-настоящему!

Старательно пытаясь сосредоточиться на резком цветочном аромате вместо смертной вони, я вместе с щитовиками вступила под своды ритуальной пещеры. Стараясь даже случайно не смотреть в центр залы, занялись осмотром стен.

Отнорков, переходов, кабинок лифта, погребов, ниш, замаскированных дверей в камне не попадалось. Тут не было вообще ничего, кроме распространяющих амбре трупов и трех грубо вытесанных то ли лежаков, то ли алтарных плит, на которых прежде валялись наши тела. Чтобы взгляд не останавливался на комке тел, я буквально уперлась носом в стену и двинулась вдоль нее, пытаясь сосредоточиться на каждой трещинке, каждом выступе, каждой неровности. Смотреть именно туда и больше никуда. Да, тела погибших мне случалось видеть и раньше, но никогда в такой близости и в столь откровенно неприглядном виде. Становилось против воли страшновато и, да простят меня покойные бедолаги, очень неприятно.

Керт и Кирт в обследовании пещеры действовали схожим образом, пусть и по другой причине. И этот большей частью мануальный метод принес плоды. В итоге именно Керт мрачно проронил:

— Здесь обратный треугольник. Знак Ольэрэна. Почти не виден, но под пальцами чувствуется. И камень в этом месте кажется на ощупь теплее.

Мы тут же бросили осмотр своих безнадежно пустых участков и сгруппировались у находки щитовика. Керт указывал на стену, где лишь очень внимательный глаз, целенаправленно ищущий нужный узор, был способен обнаружить картинку. Или тот, кто очень голоден, изнывает от безысходности и ищет любой возможный выход.

— Лирты, а пояснить для тех, кто не в теме? — потребовала я, потому как посмурневшие физиономии спутников мне не понравились категорически. Щитовики были похожи на людей, которые готовятся вынужденно спрыгнуть с обрыва, еще не зная, поймут ли их и удастся ли приземлиться на что-нибудь мягкое, но все равно настроены на прыжок, потому что камень утеса, на котором они застряли, плавится под ногами.

— Скорее всего, это лабиринт Ольрэна, лапуля. Именно им путешествовал сумасшедший Йорд, — кратко ответил Керт.

— Но ему-то уже давно все равно, безумнее, чем есть, не станет. А мы... — оборвал продолженное за напарника пояснение Кирт, тоже погружаясь в мрачное молчание.

— У-у-у! — Теперь в стане хмурых жертв божественного произвола прибыло. Я резко выдернула из памяти Кимеи все известное девчонке о путях ушедшего бога.

Если верить совсем дремучим легендам, весь Фальмир, как именовался этот мир, Ольрэн, покровитель шуток и метаморфоз, сотворил в качестве личной игровой площадки. Вроде как для своих забав бог и жрецов себе выбирал таких же, хм, чокнутых, и для них эти самые пути вроде широкополосных магистралей для избранных шизиков создавал. Другие боги, трудившиеся вместе с Ольрэном: Первоматерь, Первоотец, Дагонт и четыре бога-стихийника — считались более вменяемым контингентом. Якобы они не развлекались за чужой счет, а пеклись о людях.

Впрочем, думаю, здесь, как и на Земле, верно утверждение: историю пишет победитель. Поэтому кто из богов плох, кто хорош, чей вклад в общее дело был более весом и полезен, с высоты пролетевших веков не разобрать. Древняя история, ставшая обрывками легенд, слишком туманна. Особенного тумана добавляли последние столетия, прошедшие без непосредственного присутствия злополучного бога-изгоя.

Известно лишь, что у Ольрэна и прочих богов на местном Олимпе случился какой-то крупный конфликт, в результате которого и стал Ушедший Ушедшим. Его, самодура, то ли свергли, то ли прогнали, но не убили. Не смогли или не захотели — о том молчок.

Словом, ныне всем и каждому на Фальмире понятно, что древний

ушедший бог — это истинная квинтэссенция безумия, и с ним лучше не связываться, даже лучше ничего о нем не знать и ни в какие дела, хоть краешком связанные, не лезть. По тем же легендам, простые смертные, рискнувшие пройти путями Ольрэна или утащенные туда на забаву его жрецами или адептами, пачками сходили с ума, седали или вовсе пропадали навсегда.

Что случалось чаще — рассказчики во мнениях расходились. Местный аналог холмов фей выдавал непрогнозируемый и непросчитываемый статистически результат. Единственным общим в тех байках был факт: на каждой двери, ведущей в лабиринт Ольрэна, имелся его культовый знак — два треугольника, обратный и прямой, заходящие друг на друга вершинами. Кто-то видел в схематичной картинке изображение песочных часов, кто-то — символ бесконечности, кто-то — скрещенные в безумной битве клинки. Не суть важно. Главное, мы отыскиали дверку с меткой и теперь переминались у входа, одолеваемые извечным русским вопросом.

— Что делать? — озвучила я его, нарушая затянувшееся тягостное молчание, и сама же расписала альтернативы: — Варианта три: идем в лабиринт, будемдохнуть с голоду или жрать сырьем конину с собачатиной, пока мясо не стухло окончательно. Дров на готовку не найти.

Кажется, кто-то из мужчин, лишенных моей ароматической защиты, сглотнул и, маскируя приступ тошноты, закашлялся.

— Идем! Для остального мира мы все одно мертвы, — решил Керт и обернулся ко мне: — Как, Кит, на нас пятнышек сейчас не появилось?

— Не-а, но не считай это счастливым билетом. Напоминаю, если смерть гарантирована, то ее касания я не увижу, — повторно растолковала я суть собственного зрения, одним махом снижая градус оптимистичности общества с «ура, пронесет» до «один Ольрэн ведает, пронесет или нет».

— Эх, Кит, не могла соврать? Кобылу мне в жены! — грустно хмыкнул Кирт.

— А смысл? — удивилась я.

— Помирать с верой в лучшее приятнее, — наставительно объяснил болтун.

— Это с какой стороны смотреть. С верой в лучшее или с обманутыми надеждами — все зависит от того, сколько времени отведено на процесс умирания, — пожала я плечами, не желая нести дополнительный груз чужих надежд, тем паче надежд, вполне способных оказаться несбыточными.

— Чего ж ты такая добрая, лапуля?! — проворчал трепач.

— Не я такая, жизнь такая! А уж Смерть, можешь мне поверить,

вообще такая добрая, что порой плакать хочется.

Снова передернув плечами при упоминании Последнего Гостя, Керт решительно приложил руку к камню с треугольниками, выбитыми едва заметными линиями. Кажется, щитовик торопился действовать, пока я не ляпнула еще что-нибудь «жизнеутверждающее и веселое».

А я могу! Даже просить не надо! Оно само говорится. Вот такая вот зараза. Это все Смерть — и персонификация, и само событие, по совокупности они меня испортили окончательно. Нет, беленькой пушистенькой я и раньше, конечно, не была, а теперь и вовсе цинично-практичный ужас на тонких ножках. М-да, кстати, снова о насущном: с кормлением организма надо что-то решать, пока по ошибке за тощего цыпленка не приняли и на диетический бульон не отправили.

Пока рассуждала о вреде нелечебного голодания для тельца Кимеи, на месте стены с треугольниками возникло темное завихрение, как водоворот в непогожий денек на реке. Керт дернулся было рукой изобразить знак Первоотца, но вовремя опомнился. Кто его знает, как лабиринт Ольрэна на символ другого бога среагирует? А ну как молнией? Вместо выписывания в воздухе символа щита с мечом рука потянулась и сжала ладонь родича, тот до хруста стиснул мою вспотевшую и холодную, как лягушонок, ладошку. Свободной конечностью я, как-то само собой получилось, уцепилась за пояс Керта. Так, дружным детсадовским хороводом, мы шагнули в портал-водоворот. Подсознательно я ожидала непроглядного мрака и холода, но ничего подобного не случилось.

Мы перенеслись в просторный высокий коридор. Камень казался монолитом и испускал рассеянный золотистый свет. Вокруг было совершенно пусто. Ни окон, ни дверей, ни предметов, ни живых существ, кроме нас троих. Даже пыли и мусора, хоть какого завалящего фантика, косточки или огрызка, не наблюдалось. Впрочем, отсутствие косточек немножко обнадеживало. Почему немножко? Тут ведь два варианта: либо выход все-таки есть, либо здесь водится кто-то, съедающий гостей с костями.

Гладкий коридор уходил вдаль. Пространство впереди терялось в рассеянном свете, пространство позади поступало аналогичным образом, наглядно иллюстрируя словосочетание «путь из ниоткуда в никуда». Для полного соответствия когда-то услышанной печальной японской мудрости о смысле жизни, гласящей, что наша жизнь — это дорога под дождем из ниоткуда в никуда, не хватало только осадков. Их, по счастью, архитектор местного безобразия добавить не додумался. То ли не сообразил, как технически осуществить процесс с водоотведением, то ли не был

поклонником философии Страны восходящего солнца.

— Выхода не видать, — несколько напряженно констатировал очевидное Керт.

— Входа тоже, — поддакнула я, еще разок обернувшись.

Водоворот, возникший при нашем появлении прямо в стене коридора, бесследно исчез. Керт не поленился проверить реальность на ощупь. Потыкал в место входа, постучал кулаком. Звук вышел совершенно нормальный для сплошного камня.

Что дальше? Золотая кишка, хоть и поименованная гордо лабиринтом, была прямой, как извилина дурака, и никаких ответвлений не имела. Или мы их не видели, или пользоваться дорогой бога, сотворенной им для своих чокнутых избранников, не умели. Может, дорога включалась лишь для безумных клиентов? Тогда у нас, как побродим денек-другой, появится шанс свихнуться в достаточной мере для нахождения выхода. Нужен ли он нам тогда?

Я благоразумно прикусила язык и не стала озвучивать рассуждения спутникам, уже успевшим оценить мой оптимизм и позитивный взгляд на бытие.

— Идемте, братец, лапуля? — радостный уже оттого, что жив, цел и ни с кем не сражается, заулыбался Кирт, прыгнув вперед с резвостью коня.

Я аккуратно вытащила ароматические шарики из носа, спрятала их в мешочек и без возражений припустила следом.

Спустя час-другой даже у щитовиков резвость движения и энтузиазм пошли на убыль. Ноги моего некормленного тельца начали заплетаться гораздо раньше. Хотелось сделать привал и посидеть хоть пяток минут. Нет дивана, стула, табуретки — согласна на голый пол. Ножки у Кимеи к долгим переходам были совершенно не приспособлены, мои родные, впрочем, тоже особой выносливостью прежде не отличались. А уж на голодный желудок и подавно!

То, что случилось в следующий миг, разом сменило усталую апатию на куда более бодрое настроение. Смурной Кирт, о чем-то размышляющий на ходу, в сердцах долбанул кулаком по стенке и мгновенно получил ответку. Стенка в месте удара на несколько секунд стала окном, к которому повернулся, отвлекшись от пролистывания книги, импозантный брютете редкой красоты льдисто-бирюзовыми глазами. Аристократ брезгливо выгнул бровь и едва уловимым движением запястья отправил в полет кинжал или стилет.

Кирт с шипением шатнулся от опасного окошка, и оно снова стало золотой стеной без окон, без дверей, как огурчик из загадки. Только стук

металла о камень мы слышали, и даже увидели торчащий из стены острый кончик. Впрочем, металл быстро втянуло обратно в монолитный камень, скрывая улики. Уж не знаю, назад к владельцу или в закрома хозяина лабиринта. А что, хороший метод пополнения коллекции холодного оружия — рыбалка с наживкой из гостей. Знай себе ловушку заряди жертвами, а потом за уловом раз в сто лет заходи, забирай.

Эх, ну какой красавец холодняком кидался, полюбоваться бы еще хоть разок издали. Нет, от близкого знакомства точно отказалась бы, а как картинку на стенку — хочу-хочу-хочу! Голодный желудок тоже согласно булькнул, напоминая о более насущных хотелках и опуская мечтательницу назад в реальность без пищи. Ладненько. Грезы прочь, вернемся к нашим проблемам, то бишь к их обсуждению с лиртами телохранителями.

— Стало быть, двери тут все-таки есть, — выдохнул Кирт, предусмотрительно держась подальше от стены, способной вероломно трансформироваться в окошко с неприятными сюрпризами.

— Но не все они одинаково полезны, — согласилась я, воспользовавшись цитаткой из рекламы.

— Не касайтесь стен случайно, — посоветовал Керт. — Будем пробовать аккуратно, чтобы выйти куда нужно и уцелеть.

— Как? Тык пальчиком — отскок в сторону, падение плашмя на пол? Разведка по касательной? — озадачилась я.

Недолго думая Кирт тут же ткнул и выругался. Палец, как и кулак, преподнес сюрприз. Он материализовал большое окно в шумную разгульную таверну. Все бы ничего, да только в таверну не здешнего мира. На Фальмире отродясь не водилось типов с крыльями, щупальцами, рогами и фиолетовой кожей, даже в мифологических бестиариях. Нет, в таверне были и вполне нормальные с виду человекообразные типы. К примеру, один медно-рыжий, бородатый, сверкающий бижутерией и горланящий здравицу с парой полных кубков — по одному в каждой могучей руке. Он повернулся к нашему окошку, широко ухмыльнулся и всучил растерявшемуся Кирту кубок с багряной жидкостью.

— На, Рэну привет! — сочно расхохотался здоровяк.

Рефлекторно приняв кубок, экспериментатор отшатнулся, и окно снова стало золотым камнем.

Кирт понюхал жидкость и расплылся в улыбке:

— Доброе винишко! Будешь, лапуля?

— На голодный желудок? Нет, могу, конечно, и выпить, только потом вам меня придется тащить волоком или бросить отсыпаться на полу, — хмыкнула я, трезво оценивая личные способности к распитию спиртного.

Если я. Катя, легко могла водки махнуть с мороза да сальцем закусить, хотя коньячок по такому случаю больше уважала, то Кимея дурела и от трижды разбавленного водицей сладенького винца. И не пьяные песни петь начинала или на мужиков вешаться, нет, девицу самым простецким образом срубало. Так что, как ни хотелось попробовать экзотического напитка, даже язык мочить не стала во избежание. Шить за Ким я смогла, а как получится с «пить за нее» — неизвестно. Вдруг буянить начну, к щитовикам приставать или «Шумел камыш» горланить? Мы, русские, особенно пьяные женщины в чужих телах, такой непредсказуемый народ! Лучше и не проверять. Проверятьщики целее будут. Это вам не цветочек Первоматери в воздухе рисовать.

Кирт пошевелил пальцами (не хочешь — как хочешь!) и честно разделил выпивку с братом. Металлический кубок с простенькой чеканкой по ободу заботливо припрятал в сумку. Керт, выдув свою долю добычи, задумчиво потер висок и констатировал, озвучивая мои собственные мысли насчет окошка в чужой мир:

— Не туда двери открываются, куда нужно. За первым окном свое окошко было с двумя лунами, за вторым — такие твари, которые и в кошмаре не явятся. Боюсь, правы легенды, лабиринт Ольэрна так закружить способен, что навсегда сгинешь. Ким, тьфу, Кит, раз уж ты из одного мира в другой переместиться смогла, может, чего посоветуешь?

Самый первый признак ума — это умение продуктивно пользоваться чужими советами там, где собственного соображения не хватает. Керт сейчас подтвердил мое мнение о своем интеллекте, но что сказать ему в ответ? Я ведь не сама шагала, меня доставили из точки А в точку Б методом мгновенного переноса через убиение.

Помереть мы, конечно, всегда успеем, а наугад по стенкам тыкаться — верный шанс не на очередную пьянку, а на новый кинжал напороться. Или стоит воспользоваться советом из старого доброго фильма про волшебство? Как там было: «Видеть цель, верить в себя, не замечать препятствий»?

— Может, нам не идти наугад, а четко вслух проговорить, куда именно хотим попасть, и мысленно сосредоточиться на цели? — внесла я перефразированное навигационное предложение из «Чародеев».

— Попробуем, — от безысходности согласился Керт.

И мы начали усиленно думать о том, как желаем попасть в безопасное местечко где-нибудь рядом с тихой деревенькой или малым городком, подальше от тех краев, где будут искать коляску Симелии и ее сгинувших пассажиров.

Брела, думала, мысли погружались в вату усталого безразличия.

Мимолетно я подумала о том, как хочу хоть глоток хорошего кофе для прочистки мозга. Апатичное тельце от слабости шатнуло к стенке и прижало раньше, чем любой из спутников успел среагировать, перехватить и дернуть назад.

Рабочий кабинет с мирно жужжащим компьютером и стопкой папок вырвал у меня из груди ностальгический всхлип: «Цивилизация!» Молодой брюнете бадейкой кофе — аромат защекотал нос — обернулся на шум. Зеленые глаза задумчиво блеснули, голова чуть склонилась набок, потом мужчина усмехнулся краешком рта и протянул мне черную бадейку с забавным рыжим котом на боку. Я машинально приняла угощение, ноздри хищно зашевелились от чумового аромата дорогущего кофе. Рот наполнился слюной, я сглотнула. А брюнет по-доброму улыбнулся, видя мой восторг, и сказал почти то же самое, что говорил Кирту рыжий весельчак:

— Угощайся, Рэну привет!

— Спасибо! — растроганно поблагодарила я и, не выпуская горячей кружки из пальцев, отступила назад.

Вскинула голову в надежде продолжить беседу с красавчиком и уперлась взглядом в золотистый камень стены. Окошко исчезло. С сожалением вздохнув (перемещение в объятия цивилизации отменялось!), я отхлебнула черный несладкий кофе, отменно очищающий мозг, и уверенно предположила:

— Кажется, нас приняли то ли за приятелей, то ли за жрецов Ольрэна.

— Что дали? — Нос любопытного Кирта дернулся от запаха из кружки.

— Кофе. Напиток, популярный в моем мире, хорошо бодрит, только горький на вкус.

Братья на слово верить не стали, кружка пошла по рукам, оба продегустировали и закономерно скривили физиономии от непривычного вкуса экзотики.

— Да, такая гадость точно голову очищает, — согласился Керт, возвращая мне подаренную бадейку.

— Зато теперь мы легко сконцентрируемся на цели, — подбодрила я компаньонов, делая еще глоток для стимуляции нервных клеток.

Парочка телохранителей синхронно хмыкнула и задумчиво покивала. Не то чтобы им думать было непривычно, скорее привычно было следовать за кем-то и корректировать движения охраняемого объекта, чем лезть вперед.

Еще до меня, как до жирафа анекдот, через искажающую призму

восприятия Ким дошло то, о чем следовало подумать в первую очередь: я неверно оценила спутников. Керт и Кирт на деле были лишь чуть старше соплюшки Кимей, по сути, парни лет двадцати с хвостиком. Да, тренированные, натасканные, как псы на добычу, мускулистые и заросшие темным волосом — что визуально прибавляло им лет, — но еще очень молодые. Потому полагаться на их действия и суждения не стоило. Во всяком случае, полагаться во всем и больше чем на память самой погибшей служанки принцессы. Если, конечно, речь не шла о тех вещах, на которые парней натаскивали.

Вообще, удивительно легко мне дались первые часы попаданства из мира технического в какую-то мрачноватую фэнтезятину. (В веселой обычно не приходишь в себя на алтарях с горой свежих трупов по соседству.) Сначала я была сильно занята освоением управления телом, потом боролась с головной болью, а уж после подсознательно все ждала отходняка, шока, трясучки и приступов тоски по дому. Не дождалась. Во-первых, очень быстро паниковать стало некогда. Во-вторых, давнее знакомство со Смертью сдвинуло мне мозг набекрень в достаточной степени, чтобы все то, к чему привыкли люди на родной Земле, уже давно стало казаться лишь фрагментом одной большой головоломки. Поэтому, наверное, перемещение на другой ее кусочек особенно на меня не повлияло. Другой мир, а пятна те же, миссию облегчения работы «старушке с косой» никто не отменял. Что дальше? Да, парни — не темные властелины, не Гэндальфы и не супергерои, но спину должны прикрыть. Впрочем, и я не хоббит, ножки гладкие, темных артефактов за пазухой для ритуального купания в лаве не таскаю. Будь что будет! А пока идем, выживаем и пытаемся обустроиться.

«Итак, куда нам там надо? Вроде сговорились: относительно спокойное местечко без фанатиков, где в цене будут наши денежки и где особого любопытства мы не вызовем». Проговаривая вслух желаемый результат как мантру, мы чапали вперед, изредка я отхлебывала из быстро пустеющей кружки удивительно ароматный кофе и мысленно благодарила щедрого зеленоглазого мужчину. Пусть у него всегда будет столько кофе, сколько ему надо!

Эх, мне бы к такому отменному кофейку еще бутербродик-другой-третий с колбаской, где хлебушка тонкий ломтик, а колбасы — на два пальца! Тогда жизнь вообще заиграет яркими красками! Я мечтательно улыбнулась и махнула наполовину опустевшей кружкой. Неудачно махнула, от всей широты души.

«Баммм!» — сказала кружка, стукнувшись о стенку.

По обеим сторонам от меня сказали что-то совсем непечатное щитовики.

— Ой! — тихо прижухла я, глядя на очередное разрастающееся окошко в немаленькую, современного вида кухню с громадным, в полстены, холодильником, в чьи недра как раз по пояс зарылся очередной красавец. Тоже, кстати, брюнет, только без рубашки, в одних брюках.

В том, что он красавец, я убедилась, когда исследователь холодильных просторов выбрался наружу с большим батонem колбасы в руке. Зеленые глаза незнакомца с умиротворенной нежностью разглядывали добычу.

Нет, эта золотая бесконечность, по которой мы бродим, — не лабиринт Ольрэна. Наверное, это вариант странного рая для меня! Столько разнообразно-красивых мужчин в жизни не встречала! Пусть не как пачка гурий мусульманского рая для каждого из правоверных, я даже на одного из здешнего комплекта согласна. Только дайте! Правда, которого из кандидатов выбрать, не знаю. Все такие, такие, что просто «ух!» и «ам!».

Между прочим, в мускулистом брюнете отчетливо прослеживалось семейное сходство с более худощавым предыдущим экземпляром-интеллектуалом, дарителем кофе. Было что-то общее в лепке подбородка, очертаниях скул. Хотя насчет глубины интеллекта, обратно пропорциональной объему грудной клетки, я могу ошибаться. Вон на диване у стола гитара лежит, пачка нотной бумаги и ручка. Может, мужественный любитель колбасы не только бицепсы качает, но и музыку сочиняет?

В этот миг мужчина на кухне заметил посторонних наблюдателей, наверное, кожей ощутил наши голодные взгляды на батон колбасы. Он ничуть не удивился, как и предыдущие обитатели заоконных миров. Лишь сочувственно хмыкнул, потер подбородок и протянул добычу нам. А второй рукой прихватил из корзины у холодильника здоровенный длинный батон, похожий на потолстевший багет.

— Спасибо! — хлупнула носом я, умиляясь нечеловеческой щедрости и передавая добычу напряженно замершим щитовикам, а потом машинально уточнила: — И Рэну привет?

— Кушай, тощенькая, — жалостливо усмехнулся даритель и проворчал: — А Рэну не привет, уши оборвать надо, если он, балда, своих до такого состояния доводит!

На этой загадочной ноте сеанс связи и волшебной продуктовой помощи неожиданно завершился, ибо моя кружка, пока шел разговор, перестала соприкасаться со стеной. А я уже начала надеяться, что зеленоглазый гитарист заберет наши заблудшие души к себе, в кухонный

рай с полным холодильником и музыкой. Не срослось!

— Живем, парни! — обрадовала я собратьев по несчастью. — И пусть нас скопом записали в жрецы Ушедшего, зато накормили! Кто порежет хлебушек и колбаску?

Вопрос веры хорошо обсуждать на сытый желудок. Щитовики это замечательно доказали, не став ругать меня за неосторожное касание и разводить дискуссий о своей непричастности к Ольрэну. Хлеб и колбасу в мгновение ока напластали толстыми ломтями, честно поделили на троих и схарчили.

Хлеб с хрустящей корочкой и мягким мякишем, колбаса, пахнущая настоящим мясом, — уммм! По окончании трапезы осталось только вспомнить сакраментальное Вишневского: «О, как внезапно кончился диван!»

Червячка мы чуток заморили, но от полноценного обеда, ужина, завтрака или всех трех трапез разом вряд ли бы кто сейчас отказался. Я допила последний крошечный глоток кофе и передала кружку на сохранение запасливому Кирту. Тот живо спрятал посудину. После перекуса сосредоточение на поиске выхода пошло веселее.

Первым путь попробовал открыть Керт, хмурящий брови так, словно намеревался не стену потрогать, а свежую лаву из жерла вулкана. Увы, этот блин касания вышел комом. Луна светила местная, память Ким сразу признала, вот только сияло ночное светило над бесконечной водной гладью, соленые брызги долетали в золотой коридор. Ни плота, ни корабля, ни земли на горизонте в окне не появилось. Кидаться и плыть? А в каком направлении берег и сколько до него? Вон даже птиц не видать. С сожалением забравовав живописную марину, Керт отошел от левой стены и решительно впечатал пятерню в правую сторону коридора, решив испытать счастье еще разок.

На сей раз никакой большой воды не появилось. Кисея тумана лукаво скрывала время — утро или вечер, но не скрывала силуэты деревьев «за окном» и шелеста листьев. Ближайшее растение легонько качнуло веткой с забавными серо-зелеными листочками-сердечками, мелкими, как рябиновые. Сталица! Такие деревца повсеместно росли в лесах Фальмира. Протяжным не то стоном, не то уханьем разразилась птица, ей ответила другая, слева послышалось очередное «куру-у-у-ру».

— Место незнакомое, но мир наш, сталицей все поросло. И слышно, как куркуруша кричит. Выходим? — поставил вопрос на голосование Керт, глядя, как постепенно разрастается окно.

По мере того как мы в него вглядывались, небольшой овал

трансформировался в дверь.

— Пока в нас чего похуже кинжала не бросили, выходим! Вперед, лапуля! — согласился Кирт и, подхватив меня под локоток, фактически поволок за собой. Керт вцепился в другую руку.

Золотой свет коридора померк, пахнуло еще не развеявшейся утренней прохладой. Так бывает в лесных низинах даже летом, пока солнышко не проснется по-настоящему и не разжарит всю, доказывая свою власть над миром.

Мужчины замерли статуями по колено в траве, прислушиваясь, принохиваясь и зыркая по сторонам. Я, зажатая двумя лапищами так, что ни дернуться, ни вздохнуть, уж съязвить хотела насчет «чего стоим, кого ждем, трамвай тут не ходит!», когда Керт тихо выругался и буркнул:

— Отходим с поляны очень осторожно. Кирт, лучше возьми Кит на руки.

— Учуй что? — уточнил тот, подхватывая меня.

— Перезвон. Вся поляна им заросла.

— Уй-о-о, кобылу мне в жены! — прочувствованно ругнулся Кирт, перехватывая меня половчее.

Я замерла в его руках чутким сусликом. Что такое перезвон, Кимея знала. Так звались очень и очень симпатичные цветочки. С виду милые желтые колокольчики, внутри маленькая коробочка, как у мака, только очень хрупкая и без семян, с мельчайшей пыльцой. Чуть заденешь такую, и все: любой скунс тебе, счастливчику, обзавидуется. Ни на один постоянный двор не пустят, сколько ни сули. Пока двое суток благоухать будешь, спи хоть под кустом, если впечатленные ароматом звери из леса рогатинами не вытурят. Прикасаются-то всяко побрезгуют!

Об особенностях размножения этого милого внешне и ужасного на нух растения не только люди, а и лесные обитатели превосходно знали и десятой дорогой невинные цветики обходили. А нас вот угораздило. Хотя чего сетовать? Сами загадали — тихое и безопасное, укромное место. Получили точно в соответствии с заказом. Желающих прогуляться по такой полянке добровольно не сыщешь на всем Фальмире! Повезло так повезло! Нет, чуть-чуть все-таки и в самом деле повезло. Коробочки еще не достигли той степени зрелости, когда вонючая пыль высыпается сама лишь под воздействием сколь-нибудь сильного порыва ветра.

На цыпочках, стараясь не потревожить ни один желтенький цветочек, Керт и Кирт, как пара воинов-ниндзя, выходили с полянки. Мне даже показалось, что они временами воспаряли над травой. Эдак вонять не захочешь — летать вмиг научишься и без посвящения Вадеру,

исключительно в жажде спастись от неминуемого смрада.

Мой носильщик к краю поляны стоял ближе, отступить, — правда, оглядываясь и пытаясь не уронить меня, — ему приходилось очень медленно и осторожно. Но вроде получалось. Керт же, не желая длить томительное ожидание, чреватое сильным порывом ветра, двинул другим путем, левее.

Шаг-другой оставался нашему тандему щитовик-попаданка до кромки леса, когда слева послышалось забавное потрескивание, будто закоротило розетку. Кирт совершил прыжок с места вперед и вверх, сделавший бы честь любому рекордсмену. В полете меня еще умудрились одним броском закинуть на толстую ветку сталицы. Той самой, с листочками-сердечками и крепкими гладкими ветвями. Рефлекторно, как кошка, я вцепилась в насест и замерла, лупая глазами.

Рассказывать долго, однако все происходящее заняло от силы четверть минуты. Потрескивание, прыжок Кирта и заброс меня на ветку совпал по времени с представлением, которое в одиночку разыгрывал Керт.

Он тоже попытался сигануть к краю поляны, но то ли навернулся, то ли оскользнулся... и уже в падении превратился в здорового черного пса. Четыре лапы держат лучше двух. Восстановив равновесие, собака сиганула из царства перезвона к сталице и тоже оказалась на ветке соседнего дерева. Увы, в отличие от искусства прыжка, даром древолазания черный пес не обладал. Он растерянно заскреб лапами и скатился к корням сталицы уже человекообразным, перепуганным Кертом.

Глава 4

СТРАННЫЕ НОВОСТИ

— Это что сейчас было, лирты? — цепляясь за ветку, хриловато уточнила я, интересуясь разом смыслом прыжков и метаморфозами Керта.

— Трескучая погибель в траве пряталась, — проямлил щитовик-оборотень, вяло ворочая языком. Он с изумлением разглядывал пятипалые руки с гладкой кожей, минуту назад бывшие лапами, густо поросшими жесткой черной шерстью.

«Значит, на змею напоролись, оттого и запрыгали кузнечиками. Тут не захочешь, Бубкой подпрыгнешь, чтобы избежать встречи с одной из самых ядовитых змей Фальмира», — сообразила я, порывшись в памяти Ким.

Трескучей погибелью звалась небольшая, с локоть длиной, зеленовато-бурая змейка, чьи очертания сложно заметить в траве. Если ее потревожить и не отреагировать немедленно на предупредительный треск, то змейка одаривала побеспокоившего ее растяпу порцией смертельного яда.

— Ты собакой был, — запоздало и хрипло поделился наблюдениями с братом Кирт. — Большой, черной, лохматой, точно как Альт у Симелии.

— Не как! Он и был внешне Альтом, — запоздало отметила я, мысленно представляя себе падающего с ветки пса. — Ухо! На ухе шерсть выстрижена, где лекарь штопал кобеля после драки на псарне.

— Вы хотите сказать, я был не я, а черный улт принцессы? — привалившись к стволу дерева, потряс головой Керт. — Бред!

— Лицо Симелии безумный старик присобачил Ким, а душу в тело Ольтрэн Ушедший вообще неизвестно откуда впихнул, чтобы лапуля Кит получилась. Что с нами сделано, про то покуда ничего толком мы не ведаем. В том комке плоти все были, кто в пропасть рухнул. И Альт тоже, — начал уныло припоминать Кирт.

Кажется, молодого щитовика при этом потряхивало. Одно дело выжить в результате некоего жуткого ритуала, другое — стать после этого действия неизвестно кем. Перспективы после особаченного напарника ужасали. Мне в чем-то повезло, сразу понятно, из каких компонентов собирали, что сварганили и как перемешали. А телохранителям принцессы еще предстоит узнать о себе что-нибудь новенькое и, возможно, не шибко приятное. Хотя в качестве пса Керту удалось выкрутиться в той ситуации, где человек мог навсегда на полянке-вонючке остаться.

— Как узнать, кто мы теперь и что? — обхватив голову руками, простонал Керт в тему моих размышлений.

— Помолиться Ольтрэнэ? — ляпнула я на свою беду и заработала в ответ пару негодующих взглядов истовых последователей Первоотца. Тот являлся покровителем мужчин в целом и воинов в частности. — Нет так нет, может, и впрямь не надо. Вдруг кто из нынешних небожителей услышит про Ушедшего — проблем не оберешься.

Некстати мне вспомнился пещерный кошмар, отпечатавшийся в памяти Кимеи, и загадочный возглас безумного старика-жреца: «Из восьми три слепить, метаморфозам быть!»

Парни тогда без памяти валялись, ничего не слышали. Но я им прямым текстом этот бред цитировать не буду. Лучше пусть сами великим методом научного тыка проверяют. А то у щитовиков и так шок на шоке сидит и шоком погоняет. Съедут еще ребята с катушек, на кого мне, хрупкой девушке, в этом жестоком мире полагаться останется? Они и так в своих догадках на верном пути. Я лишь чуть-чуть намекну.

— Думаю, насчет «кто и что» нам все придется познавать на практике. Как с собакой сейчас вышло. Очень понадобилось, и — бац! — Керт превратился, — оптимистично объявила я. — Исходя из того что применение компонентов принцессы и собаки мы видели, остается проверить, есть ли в коллекции другие образы, и выяснить, как распределяли матрицы. Если, скажем, Керт у нас в собаку превращаться стал, значит ли это, что Кирту псом уж точно не быть?

От моих рассуждений вслух щитовиков явственно передернуло. А я задумалась о настоящем и днях минувших. Сейчас все разумные на Фальмире — просто люди, но когда-то, если верить слухам, выросшим из законопаченных временем легенд, те, кто входил в мир, являлись представителями всевозможных рас. Мир сам перемешивал кровь до относительно однородного состояния. Почему? Ответ не сохранился, вернее, уместился в три слова: «По воле богов». Впрочем, изредка у кого-то кровь предков вспыхивала поярче, да и только. У парнишки Тимаса точно от эльфов что-то оставалось, уж больно смазлив был паренек, тонок в кости и с любой живностью от малой пичуги до лошади запросто ладил.

Личная горничная ее высочества отродясь не мыслила о том, хорошо или плохо вышло, что все пришлые стали людьми, когда кровь в одну смешалась. Да и никто, наверное, в мире за давностью даже не лет — веков, не задумывался, если вообще о таком знал. Зато и расовых войн, о которых я в книжках фэнтези читала, на Фальмире никогда не случалось.

«Фарш невозможно проверить назад, и мясо из котлет не

восстановишь», — как поется в шутливой песенке. Никого уже не волнует, удачным фарш получился или не особо, коль делался по принципу сборной солянки из холодильника, куда элитную ветчину могли загнать вместе с третьесортной колбасой из туалетной бумаги и осетриной второй свежести. А что колбаса, ветчина и рыба вместе не сочетаются — так это мелочи. Наверное, если рыбки добавлено чуть-чуть, а тухлой колбаски в котлетку не перепало, могут появиться такие, как Тим.

Пока щитовики ломали голову над своей тяжелой долей и настороженно переглядывались, опасаясь с минуты на минуту оказаться непарнокопытными, я, убедившись, что змеек вокруг не трещит, не ползает, осторожно сползла с удобного дерева. Сама-то по деревьям в детстве лазила, а вот тельце Ким, правильной городской девочки, ни разу такое не проделывало. Машинально (хорошие рефлексy по уходу остались) оправила задравшуюся юбку и пригладила вставшие одуванчиком волосы. Стоило косу переплестать, если опять на голове воронье гнездо?

— Эй, лирты, натурные эксперименты проводить будем или дорогу в ближайший населенный пункт поищем? — спросила у щитовиков, загруженных новостями по маковку.

Мой вопрос сработал как переключатель, выводя спутников из состояния мучительных раздумий, обыкновенно им не свойственного.

— Там запах дыма был, жилья, — махнул за спину Керт, каким-то собачьим чудом успевший унюхать важное, пока спасался от змейки.

— Значит, и нам туда, — подхватился Кирт. — Со станиц в низине толком округи не разглядеть, если какое дерево повыше попадется, слазим, проверим. Не хотелось бы в лесу ночевать.

Керт без лишних слов поднялся на ноги. Понятно, что надо идти. А выходить к людям прямо сейчас или нет — будет зависеть от того, куда именно нас занесло лабиринтом Ольрэна. Жаль, ботиночки Ким не слишком для лесных переходов приспособлены. Для прогулки в коляске надевались. Кто ж знал, чем все обернется? Набор туриста в крохотной сумочке горничной не заваялся.

Запах жилья, учуянный нечаянным оборотнем, давал надежду на скорое завершение лесной эскапады. Поэтому двинулись бодро. Дороги или тропинки нам не подстелили, ломились напрямик. Ноги спотыкались на корнях, руки отводили ветки. Хорошо не осень, начало летнего сезона на Фальмире, а то б еще в паутине напрочь запутались. Щитовики помогали: где через ствол упавший переносили, где руку подставляли, подхватывая под локоть, чтобы об корень не запнулась, ветки отодвигали. Без изощрения в галантерейных любезностях — просто потому, что так надо.

— Лошадь бы тут точно ноги переломала, а собакой небось было бы легче, — пропыхтел Кирт, уже с задумчивой завистью покосившись на напарника. Как быстро, однако, меняется общественное мнение под влиянием обстоятельств!

— Ага, а потом шерсть от репьев и клещей кто вычесывать стал бы? — скептически поинтересовалась я, не раз наблюдавшая лохматого пса, от души нагулявшего на свободе в пампасах. Даже в городской черте, на пустыре за домом, Макс умудрялся собрать на себя столько сора, что Мишаня самоотверженно возился с железной щеткой не один десяток минут. Пока я пыталась примостить ногу так, чтобы она не угодила в капкан двух поросших мхом корней, щитовики задумчиво молчали, не до конца уяснив суть проблемы. Выбравшись из корневой западни, я добила спутников информацией: — У нас расческа одна на троих, женский гребешок. Для густой собачьей шерсти не предназначена в принципе. Кто лохмы руками раздирать будет?..

Так, перебрасываясь отдельными фразами, пробирались мы на своих двоих с полчаса, пока не набрали на тропку, где кусты не стояли сплошняком и сушняк стало ощутимо поменьше. Очевидно, здесь в лес частенько хаживали люди.

Высокое дерево для осмотра местности выискивать не понадобилось. Кромка леса начиналась на холме, с которого открывался вполне пристойный вид на луговину и небольшую деревеньку, залитую солнечным светом позднего утра.

— Черепица красная, беленые стены домов, флюгеры на крышах. Скорее всего, мы в Валисанте или где-то близ ее границ, — наскоро прикинул Кирт. — Деревенька крошечная. Если трактира нет, может, в гостевом доме примут? Жрать охота страсть!

Керт сдернул с плеч аккуратно подштопанный мной плащ и свернул из него подобие заплечного мешка. Хитрая конструкция одежды позволяла такой финт. Кирт хмыкнул, одобряя действия брата. Ясно, с пустыми руками из леса только преступники и голытьба выходит, одной сумки на троих нам маловато для имиджа приличных людей. Приняв облик небогатых странников, мы двинулись вниз по тропинке, ведущей к деревеньке.

На склоне паслось стадо рыжих коз. Паренек-пастушонок при виде нас и ухом не повел. Будто тут каждый день народ пачками из леса вылезает. Лишь метнул быстрый взгляд, закатил глаза и продолжил наигрывать на дудочке что-то занудно-меланхоличное. В такт этому музыкальному шедевр, кажется, даже козы двигали челюстями. Может, потому пацан и

боялся отвлечься? Замолчит он, стадо решит, что концерт окончен, пора на променад до ближайшего леса. А там как в поучительной песенке про «рожки-ножки» выйдет. Взрослые же с пастушонка в итоге спустят шкуру!

Мы к музыканту лезть с вопросами не стали и тоже сделали вид, будто по десять раз на дню на экскурсии по деревням из леса выползаем. Благо недолгая прогулка по чащобе и скачки по деревьям не успели придать нашей одежде вид, присущий бездомным бродягам.

К счастью, трактир в деревеньке все-таки имелся, потому как западнее, за небольшой рощицей, пролегал торговый тракт, откуда порой сворачивали в Прилесную желающие передохнуть люди. Да-да, деревня звалась Прилесной без «т» и с первым «и». Название свое она получила не за красоту, а за близость к лесу.

О трактире нам поведала первая же кучка босоногой ребятни, занимающейся прополкой общественных грядок с местным овощем. Насколько помнила Ким, по вкусу он напоминал картошку, только был оранжево-желтым и сладил, как морковка. Да еще не распадался на мелкие клубеньки, а так и рос одним большим целым неопределенной конфигурации. Всплывшее в голове название заставило захихикать. Чудовоощ звался «репень».

Обнесенный невысоким, по пояс, забором, трактирный двор встретил нас заспанной девицей, выплескивающей помои в корыто поросячьего загона, запахом сбежавшего молока и ленивым вопросом хозяина. Почесывая объемистое брюшко через рубаху, плотный мужичок поздоровался и спросил:

— Будьте! Тоже принца ищете, лирты?

— Будь! А кто ж его не ищет? — находчиво ответил вопросом на вопрос Кирт.

— Так-то оно и есть. Золото лишним не бывает, — кивнул совершенно удовлетворенный владелец заведения общепита.

— И серебро тоже! Решили в исканиях маленький перерыв сделать, — подмигнул трепач, очень своевременно демонстрируя серебряную монетку в пальцах. — Комнат пару, помыться и завтрак-обед-ужин поосновательнее! Мы на денек остановимся. Спроворишь, хозяин?

— За пять серебряных, — с ходу начал торговаться толстопузый.

— Три, — снизил ставку наш трепач и отсчитал уговоренное.

— Идет, — не стал наглеть трактирщик, сцапал монеты и посторонился, пропуская гостей в нутро трактира. Попутно принялся зычно раздавать распоряжения. Какому-то Фиту велено было топить мыльню, а некоей Анис — бросать свиней и принести завтрак для

постояльцев.

Горячая вода в мыльне, еда, кровать — о, есть в жизни счастье! — примерно так я думала спустя пару часов, расслабленно валяясь на жестковатом, но чистом и без назойливых кусачих компаньонов, матрасе.

Гуляш с овощами, кружка местного напитка, похожего на квас, краюха хлеба — и мир снова заиграл красками. Я отдыхала. Пусть белый день на дворе, но утомленное тело настойчиво требовало покоя. Не хотелось даже шевелиться. Стук в дверь прервал медитацию на тему «как хорошо на свете жить». Явились щитовики и, бесцеремонно рассевшись на кровати, начали разговор.

— Значит, так, лапуля, я тут с толстым Пакиром за кружкой посидел, — провозгласил Кирт.

— И чего у нас плохого? — Я лениво приоткрыла один глаз.

— Ольэрэн с нами шутку знатную сыграл, — почесал макушку трепач. — Трактирщик как случайно обмолвился — я сперва ему не поверил, а все ж выходит, сейчас не цветовод года Стрелка, а цветовод следующего года, Копьеносца.

— То есть нас по лабиринту целый год носило?

Керт угукнул, а Кирт в утешение прибавил:

— Зато все, как загадывали в дороге, сбылось. Нас здесь и сейчас искать никто не должен. К тому же у всей округи новое развлечение. Младший радильярский принц из дома сдернул. Его ищут!

— Хм, Фиилор? — удивленно припомнила я нечто тонкокостное и одухотворенное, комплекцией сходное с покойным парнишкой-конюхом.

Ким видела высочество несколько раз, когда наследник Радильяра гостил в нашем королевстве. Кажется, его собирались со временем поженить с Симелией ради, как это официально говорится, «укрепления добрососедских отношений». А если неофициально, то «надо же куда-то в теплое местечко кровиночку пристроить». С принцессой младшее высочество близко общаться не рвался, лишь поглядывал издали и передавал через слуг надушенные свитки с неплохими виршами про морковь-любовь и тучки-летучки. Принцесса эти «шыдевы» в отдельной шкатулочке хранила и перечитывала под настроение. Лъстило ей внимание и благоговение на расстоянии. Но в разговорах с подружками язычок насчет Фиилора она поточить никогда не забывала.

— Сбежал принц, поговаривают, когда папаша вознамерился устроить его брак с младшей принцессой Валисанта — Марилией, кобылу мне в жены, сразу сбежал! — открыто заржал Кирт.

Эту особу благородных кровей, кстати, Ким тоже помнила по

портретам, и даже лесть художника не могла спасти положение. Прекрасной во всех отношениях девы было по-настоящему много. Пяток Симелий в нее вполне поместилось бы вместе с парой-тройкой Фиилоров для комплекта.

— Я бы на его месте тоже в бега подалась, — сочувственно констатировала я. — Жизнь дороже политических выгод. Она ж, корова, его в первую брачную ночь задавила бы.

— Можно и сверху, — не понял проблемы ухмыляющийся Кирт, числящийся еще тем ходоком по женской части.

— Она бы и там задавила, — не согласилась я, отстаивая право худосочного беглеца на жизнь. — Одно неловкое движение, и жених остывает.

— Теперь папаша блудного сына ищет, даже награду за сведения о нем и за доставку во дворец объявил в золоте. Все, кому легкие деньги глаза застят, на поиски ринулись. Но пока без толку. Парень как в воду канул. Может, тоже в лабиринт Ольрэна угодил?

— От такой невестушки куда угодно, хоть в омут с головой кинешься, — согласился Керт, посочувствовав беглому высочеству.

— Но как бы его побег нам боком не вышел. Слишком много ищущих могут случайно найти не только Фиилора, — озаботилась я правилами маскировки и провозгласила: — Значит, лирты, надо принять превентивные меры!

— Например? — склонил голову набок разговорившийся молчун, сжав в кулак и разжав в мои сторону пальцы, испрашивая совета.

— Например, побрить вас налысо!

Это я не из садистских побуждений такое предложила. Ничто так не меняет впечатление от внешности, как прическа. А уж отсутствие оной вообще человека до неузнаваемости переделывает. К тому же на Фальмире бытовал старинный обычай брить голову в знак важного обета. Поклонники старины, мужчины большей частью, им время от времени пользовались. Среди женского пола такой обычай, конечно, не прижился, а вот мужики его практиковали регулярно, убивая одним решением трех зайцев. Кроме публичной демонстрации принесения обета избавляли себя от необходимости мыть голову и расчесывать космы. Милое дело для путешественника! Да и приставать с расспросами о смысле данного богам слова было не принято. Побрил и побрил, значит, так надо!

— Хорошая идея, — одобрил Керт. — Про обет всегда помянуть можно!

— А вот что мне делать? Физиономию Симелии даже с белесыми

волосенками Кимей опознать могут. Пока ее лицо под мою мимику другими морщинками не обомнется, риск есть. В рыжий, что ли, покраситься, как всякая уважающая себя попаданка?! — теперь уже я принялась советоваться с щитовиками.

— Не надо, — категорично отмел вариант кардинальной «цветомаскировки» Керт. — Здесь не Край повелителей стихий, рыжих в Валисанте днем с фонарями не отыщешь.

— Может, хватит и того, что мы волосы сбреем? — неуверенно пошевелил пальцами Кирт. — Не тебе же, лапуля, их под корень резать.

— Как вариант. — Я не особо расстроилась. В жизни надо попробовать все, если оно, конечно, не вредит здоровью. За свой тридцатник с копейками я успела побывать всякой, от платиновой блондинки до жгучей брюнетки, с длиной волос тоже экспериментировала — от стрижки каре до длинных локонов.

— Не стоит, — решительно вступился за мою прическу Керт.

— Не стоит так не стоит, — миролюбиво согласилась я со вставшими на защиту моей девичьей прелести мужчинами. — Тогда просто волосы буду по-другому зачесывать, на пробор, это овал лица зрительно поменяет, и в одну высокую косу-колосок соберу. Уши открою. — Они у Ким в верхней части капельку топорщились, как у эльфа недоделанного. — Что еще? О, точно, Симелия веснушек как огня боялась, вечно под шляпкой лицо прятала. Стоило хоть лучику на мордашку упасть — пятнышки моментально высыпали яркие, как оранжевой краской нарисованные. Кимея их притираниями сводила в муках. После сегодняшней лесной прогулки конопушки и так должны выступить, но для подстраховки я на солнышке до вечера посижу.

Щитовики выслушали перечень маскировочных мероприятий и приняли их единогласно. Оставив меня у открытого окошка причесываться и ловить поцелуи светила, братья ушли кардинально менять имидж.

Приятно и легко иметь дело с мужчинами, не тронутыми вирусом метросексуальности. Телохранители принцессы вполне справедливо считали себя справными парнями, за особой красотой не гнались, потому и предложение по маскировке приняли на ура.

Так что местная мыльня после нашей серьезной беседы о методах изменения внешности подверглась вторичному нашествию парочки щитовиков. И что выдумаете, эти сверкающие лысинами, как коленками, бугаи снова явились в комнату хвастаться новыми прическами.

Когда солнышко ушло дальше, я снова принялась валяться, подпреывая вполглаза. Утомленное физическими и душевными муками, а

также непривычной нагрузкой, хилое тело настойчиво требовало отдыха. Противиться обоснованному желанию организма я смысла не видела, поэтому решила чуть-чуть себя побаловать. Так что парни вторично шлепнулись на кровать.

Все-таки к Ким телохранители относились с вопиющей фамильярностью, считая девушку кем-то средним между забавной зверушкой и младшей родственницей. Болтун Кирт как-то обмолвился наперснице принцессы, что она напоминает им троюродную сестренку, сгоревшую от водянки.

Эта редкая странная хворь начиналась с маленьких прыщиков с бесцветным содержимым по всему телу, заразной не являлась, но и никакому лечению не поддавалась. Подхвативший ее был обречен. Сначала прыщи, потом высокая температура и смерть в бреду. Кажется, мужики пигалицу любили и всю нерастраченную заботу вкуче с подсознательной виной за глупую смерть девочки перенесли на Кимею. Теперь эти чувства, опека и привязанность, как эстафетная палочка, достались мне. Заодно от Ким мне перешла и часть ее безоговорочного доверия щитовикам.

Разлепив очи, сонно ухмыльнулась, оценивая сверкание лысин, присела и звонко похлопала по ним ладошкой. Рассмеялась и похвалила визитеров:

— Красавцы! Ни в сказке сказать, ни пером описать!

Кстати, из-за разной формы черепа и ушей (Керт оказался несколько лопоух) щитовики окончательно перестали походить на близнецов. О чем я им и сообщила.

— Это надо отметить! — провозгласил Кирт и под мое ворчание: «Что, опять нет повода не выпить?» — практически поволок меня вниз, в трактирную залу.

Там жертв, исстрадавшихся на просторах мистических лабиринтов, ждал обильный обед, после которого я вместе с щитовиками прогуливалась у трактира и по деревне ради принятия солнечных ванн. Увы, одежных лавок в Прилесной не было, так что проблема пополнения гардероба осталась нерешенной. А вечером нашу оголодавшую команду ждал обильный ужин.

После вынужденного поста и фактически воскрешения я ничего против лишнего жаренного кусочка мяса на ребрышках не имела. Тушку Ким надлежало откармливать, как рождественского гуся! А уж мужчины... Когда они отказывались от еды и, увы, не от воды, а от выпивки? Нет, беспардонно напиваться щитовики, конечно, не стали, но местное пиво дегустировали от души. Даже я соблазнилась на кружечку. Ничего так, хоть

и горчит сильнее, чем малость. Все-таки красное вино и ликеры мне больше по вкусу.

Глава 5

НОВЫЕЛИЦА

Итак, сидели мы такие сытые, двумя третями команды лысые, одной третью веснушчатые. Старались не думать о будущем и потенциальных мутациях, щедро отсыпанных милостью Ольрэна, чтоб ему икалось от наших благодарностей. Короче, просто кушали, когда в трактир заявила парочка поздних клиентов, ничуть не походящих на местных мужиков, зашедших пропустить кружечку-другую на сон грядущий.

На двор въехала карета, запряженная четверкой явно породистых лошадей. Оттуда, как нам отлично было видно в окно, практически вывалилась тощенькая, изящная девица под вуалью, прикрепленной прямо к высокой прическе. Или к парикю? Чтобы так уложить живые волосы и не растрепать их в дороге, надо вылить тонну лака. На Фальмире такого средства нет, только если пивом смачивать, но тогда вся пыль и мошकारа тоже в волосах окажутся. Ким прически Симелии делала, знала, насколько хватает самой крепко собранной на шпильки и ленты «башенки». Три часа тряски без подходящей шляпки — предел. На балу подольше можно. Значит, у путешественницы точно парик!

Черноволосая девица в парике выпала на руки типу в серой хламиде с широким черным поясом. Жрец Первоотца — а так на Фальмире одевались только служители его культа — шириной плеч лишь немного уступал моим приятелям Керту и Кирту. Тьфу, надоело повторять, буду звать их Дабл-Кей.

Жрец оказался крепким мужчиной с вполне благообразным лицом и бородкой, напомнивши мне шерифа Ноттингемского из старого фильма о Робин Гуде, где еще звучали песни Высоцкого. Он осторожно поймал и практически внес на себе деву под вуалью через порог. Быстро огляделся и сдержанно потребовал у трактирщика две комнаты, еду и бадью для мытья в номер к высокородной лирге, коей негоже общей мыльной пользоваться.

— Эти что, тоже принца ищут? — мимоходом пошутил Кирт, возвращаясь к выпивке и ужину.

Керт и вовсе промолчал, лишь дернул плечом. Кто знает, может, и ищут. Принц — добыча хорошая. Пусть не женить на себе, так на приданое насобирать под присмотром жреца получится, если изловить и передать обратно в любящие руки отца и невесты.

Бедный Фиилор. Всем-то он нужен. Вернее, награда за него. А нужен

ли кому сам тощий романтик без своих политических дивидендов? Ой, вряд ли.

Симелия вон его тоже не слишком жаловала. Изысканные вирши и трепетное внимание высокородного принцессе льстили, а сам тонкозвонкий — дунь — переломится — жених, пожалуй, нет. Принимала как неизбежность и, кажется, если я правильно толковала намеки, оброненные в беседах с наивной глупышкой Ким, всерьез намеревалась завести после замужества любовников. Да-да, именно во множественном числе. Кого-то из дворян уже на примете имела и чуть ли не списочек заблаговременно составляла.

Вот так подумаешь, подумаешь и скажешь, что повезло принцу-романтику невесту до свадьбы схоронить. Огорчений море, зато в душу не плюнули, растоптав клумбу с возвышенными чувствами.

С такими философскими мыслями я укладывалась спать, а проснулась от грохота. Лунный свет от окна без занавесок (кто ж их в затрапезном деревенском трактире вешать будет?) щедро заливал сцену. На пороге комнаты, которую я на ночь, между прочим, запираю на засов, стоял он. Предмет, точнее, объект моих вечерних раздумий, обряженный в девичьи шмотки — кружевную пижаму со штанишками, подвязанными на лодыжках кокетливыми розовыми бантиками, и пеньюар в изобилии таких же бантиков. На сей раз ни вуали, ни парика не было, поэтому тощая фигурка и лицо юного блондина в неподобающих полу и титулу шмотках легко узнавались.

Вот так рояль — его самобеглое высочество лично явилось по мою душу и с порога, идя неровными пятнами яркого румянца, патетично завопило:

— Принцесса! Симелия! Суженая и судьба моя, сами Первоотец и Первомасть привели меня к тебе! Наконец-то я отыскал тебя! Я был прав, я не верил в то, что жестокосердная судьба разлучила нас навеки! Пусть ты исхудала в странствиях и волосы твои лишились золотого солнечного блеска, но дивно-совершенные черты твоего лица я узнаю среди тысячи тысяч!

«Влипла, не успела веснушек побольше на морду посадить», — мелькнула в сонной голове единственная заполошенная мысль.

— Мальчик мой, ты ошибся, эта девушка не твоя суженая, — вмешался пусть и с запозданием, но все равно вовремя, участливый баритон.

На выручку переодетому принцу прискакала кавалерия в лице жреца Первоотца. Поскольку тишком вытащить из моей комнаты

перевозбужденного парня возможным не представлялось, серохламидный вошел внутрь. Купируя разгорающийся скандал, он попытался затворить дверь. Ага, как же! Наконец-то почесались и мои Дабл-Кей. Примчались к шапочному разбору, полуголые (сверху), но зато при оружии.

— Я не мог ошибиться! — уперся всеми копытами переодетый принц. — Неужто не узнал бы я дивного лика своей суженой!

— Скажи правду несчастному, о исчадие Ольрэна, — приказал мне суровый жрец, осенив знаком кружка с черточкой. Ага, помню, щитом и мечом Первоотца.

В пыль, как вампир от кола, я не рассыпалась, огнем не занялась, даже чихать или чесаться не начала. Лишь с готовностью повторила:

— Я не Симелия, меня Кит зовут. Ты обознался, лирт!

Обзывать жрецу не стоило. Будь он полюбезнее, я, может, все как есть и рассказала бы. А так — фигу! Знак Первоматери перед грудью в воздухе нарисовала, чтобы розовеньким подсветило (честная я девушка, ироды полуночные!), и роток на замок.

— Точно так! И мы Первоотцом поклянемся, лирты, что девица эта Симелией никак быть не может, — вставил Кирт, делая знак Всеотца.

Керт отзеркалил движение напарника. Я присоединилась к щитовикам, вторично — лучше перебдеть, чем недобдеть, — засветив перед грудью розовый контур цветочка непорочности Первоматери.

— От исчадий Ольрэновых клятвы — что зеркало кривое, но в этом не солгали вы, — уже менее враждебно нехотя подтвердил жрец специально для принца.

Коллективная демонстрация символов местных богов, после которой не грянул гром и руки у нас не отсохли, благотворно подействовала на мрачного жреца. На шею он нам не кинулся, но настороженности во взглядах, бросаемых на наше трио, поубавилось.

Да уж, работенка служителю Первоотца еще та выпала: в ночи увещевать принца, у которого кукушечка макушечку изрядно продолбила. Вроде нормальные парни в баб не рядятся, если они, конечно, не актеры. Надо бы заранее щитовиков предупредить, чтобы спиной к нему не поворачивались, а то мало ли.

— Но я чувствую... — вконец растерялся Фиилор, зеленые глазки заблестели от навернувшихся слез.

— С чего ты нас всех исчадьями обзываешь, жрец? — встрял с озаботившим и меня вопросом возмущенный Кирт.

— Меткой Ушедшего вы клеймены, умеющий смотреть да увидит! Пусть и не совсем пропащие вы люди, коль способны знаки Всеотца и

Первоматери начертать, — угрюмо бросил жрец, понимая патовость ситуации.

С одной стороны, мы находились на относительно свободных землях Валисанты, где поклонение любому богу, даже забытому и неодобряемому, могло вызвать лишь личное неприятие населения и не вело к встрече с душевными людьми при кипящем котле и костерке. С другой — деньги ценились везде и всюду, а беглый принц — это золото на ножках. Если его, конечно, по нужному адресу доставить. Зато в родном королевстве беглеца — Радильяре — поклонников Ольрэна с распростертыми объятиями никто не ждет.

Жрец вздохнул, сунул в карман хламиды круг тонкой колбасы, который сжимал, аки меч карающий, в правой руке (видно, дебош принца отвлек духовное лицо от позднего ужина), и предложил:

— Поговорим начистоту?

Дабл-Кей переглянулись и синхронно сжали ладони в кулак, чтобы затем резко раскрыть пальцы в направлении жреца, демонстрируя готовность к диалогу и предоставляя первое слово служителю Первоотца.

Принц в смятенных чувствах был почти насильно усажен на единственный в комнате стул, щитовики плюхнулись на кровать по обе стороны от меня. Жрец остался стоять. Оглаживая аккуратную бородку, он начал разговор, осторожно избегая имен и титулов:

— Мой подопечный — не самый сильный маг. Но если он заявляет, что ощущает в меченной Ольрэном частицу своей невесты, признанной погибшей, то движет им нечто большее, чем взгляд, затуманенный внешним сходством.

— Так ты маг и дверь мою магией вскрывал?! — не зная, возмущаться или восхищаться, выпалила я.

Фиилору хватило совести смутиться и поковырять пол тапочкой, расшитой бисером, но он тут же снова упрямо вскинул голову в ожидании объяснений.

«Консультация специалиста — а жрец, углядевший метку чужого бога, может считаться таковым — нам бы не повредила...» — задумалась я, не зная, как быть. И хочется, и колется.

Вопрос решился просто: «шериф Ноттингемский», вообще не вдаваясь в подробности, чего они на захолустном постоялом дворе соседней страны, такие загадочные, делают, от себя и принца поклялся. Дал слово хранить доверенные секреты, покуда мы трое блюдем их с принцем инкогнито и зла не умышляем. Клятва, конечно, в свидетели которой призывался Первоотец, оказалась куда как замысловатее, но смысл ее был именно

таков.

Керт похмурился, почесал висок и первым, пока Кирт не наболтал лишнего, коротко признался:

— В тот день, когда прогулочная коляска рухнула в ущелье, мы очнулись на алтаре Ольтрэна. Безумный его жрец Йорд возносил молитвы Ушедшему над нашими телами. Мы выжили, исцелились, но подняться из ущелья не смогли. Пришлось воспользоваться лабиринтом Ольтрэна. Ушли в день катастрофы, вышли вчера днем в соседнем лесочке.

— Алтари Ольтрэна, лабиринт Ушедшего, безумный розыгрыш... — неодобрительно, но без ненависти фанатика покачал головой «шериф», огладив бородку.

Из глаз его исчезла большая часть подозрительности и недоверия. Если раньше нас могли подозревать в самых коварных деяниях с неясными мотивами, то теперь просто поставили диагноз или клеймо: «Балбесы, невезучие жертвы обстоятельств». Каким-то образом жрец точно определил правдивость слов Керта, и уровень напряженности в комнате окончательно вернулся к норме.

— Значит, все-таки ты моя суженая! — довольно встрял нетерпеливый принц. В женской пижаме и пеньюаре на бантиках парень смотрелся уморительно. Особого комизма добавляла его пафосная мордаха.

— Это не она! — возмущенным хором объявили Дабл-Кей.

Истовый огонь с примесью сумасшедшинки в очах принца вопли щитовиков и увещевания жреца ничуть не притушили. Блин, пора срочно кое в чем признаться, пока меня без меня не женили, то есть замуж не забрали!

— Сумасшедший жрец лепил меня на алтаре. Искалеченному телу Кимеи досталось лицо Симелии. А Ольтрэн вмешался и засунул вместо уходящей души служанки мою собственную, вам незнакомую. Я помню, что помнила Ким, но ничего не знаю о думах и чувствах Симелии, — настала моя очередь откровенничать в попытке достучаться до разума принца.

Все равно скрывать очевидное от жреца Первоотца мне показалось не то что бессмысленным — вредным. По слухам, порой их силы, призываемые молитвой покровителю, были немыслимыми. Кроме того, до зуда хотелось вывести бедолагу Фиилора из состояния влюбленной придурки если не физической оплеухой, так хоть словесным пинком.

— Ах вот откуда метка смерти рядом с клеймом Ольтрэна, — глубокомысленно покивал «шериф», заноса в мою графу еще один небольшой плюсик.

— Возможно, частично, — осторожно согласилась я, не став освещать общую теорию попаданства, панибратские отношения с типом при портфеле (вместо традиционной косы) и поневоле принятую должность с невыносимо пафосным названием Заступающая Последнюю Дорогу.

— Раз уж встретились, была на то воля Первоотца. Потому, думаю, следует вам кое-что знать, — задумчиво промолвил жрец и, не дожидаясь вопросов и уговоров, провел политинформацию.

Обломки коляски, рухнувшей в пропасть, и комок тел, в частице коего с трудом, но таки опознали по платью и волосам принцессу Симелию, нашли спустя несколько суток непрерывных поисков. Работали маги-поисковики со спешно выписанными из-за границы воздушниками Вадера на подхвате. Иным образом в отвесное ущелье проникнуть было невозможно. Маги определили, что в пещере призвали некую силу с неизвестными последствиями. Какую именно и кто, понять не смогли — к нашему счастью, пришли поздно. Самые явные следы успели рассеяться. Обстукивать стены так, как это сделали мы в поисках выхода, дураков не нашлось, поэтому знак Ольрэна остался сокрыт от розыскной команды.

Нас, пару телохранителей и горничную-компаньонку, еще тогда официально признали мертвыми без эксгумации, потому как разбирать комок трупов, слежавшийся после чародейской выходки Йорда и скромного мародерства щитовиков до состояния камня, никто не стал. Смысл? Кто мы были? Пусть доверенные и с отличными рекомендациями, но всего-навсего слуги. Потому коль поисковые заклинания показывали, что в пределах Фальмира никого из отправившихся на злополучную прогулку в живых нет, то нас записали в покойники.

Уф, откровения жреца просто камень с сердца сняли. Дабл-Кей тоже ощутимо расслабились. Одно дело жить, зная, что ты в розыске, и совсем иное — когда считают трупом. Можно и новую жизнь начинать где-нибудь подальше от старой. Не зря головы брили! Впрочем, вернемся к монарху покинутой страны.

Его ламильянское величество, получив окровавленные останки дочери, рвал, метал и искал виновных. Хоть кого-то, на ком мог бы отыграться за свою невозвратную потерю и отцовское горе. Что удивительно, таковые нашлись.

Жизнь порой выкидывает еще более жестокие коленца, чем смерть. Отыскали нескольких заговорщиков, среди которых оказались ближайшие родственники самого короля: его отец, сестра и пара братьев. Нет, родственники венценосца не покушались на корону и возлюбленную деточку. Все было гораздо проще, страшнее и глупее. Ее вдовствующее

величество королева Вилерия до печенок достала всех своим сварливым нравом и привычкой гостить, читай сживать со свету капризами родных в их же собственных владениях.

Зная любовь старухи Вилерии к утренним прогулкам в коляске, заговорщики подкупили нужных людишек, чтобы подпортить упряжь. Кто ж ведал, что капризнице Симелии вздумается «угнать» бабкину тачку для собственной прогулки? Словом, катастрофа случилась, да не с той особой королевских кровей, с какой полагалось. Кисмет, то бишь судьба, как говаривали мудрые люди Востока. В чужую ловушку вляпались и люди подневольные: кучер, Дабл-Кей и Кимея. А лошадки с песиком вообще ни за что ни про что пострадали.

Теперь-то все равно нет смысла переживать. Назад время не откатить. Надо пытаться устроить свою жизнь здесь и сейчас. Всех проблем — с загадочными метаморфозами разобраться. А то собака — она, конечно, друг человека, но остаться когда-нибудь навсегда псом самому Керту, уверена, ничуть не хочется.

Парни поблагодарили рассказчика за информацию. Тот принял признание как должное и сдержанно кивнул. Только тогда вмешалась я с сакраментальным вопросом: «А что делает в бегах принц и почему его прикрывает жрец Первоотца?»

— Я духовник и наставник Фиилора. Знаю его с детства. Не будь он крови владык, возможно, сам бы по стезе служения богам пошел. Порой принц чувствует мир иначе, чем прочие смертные. Дар его в дорогу погнал. Это пламя, а не малодушное желание утишить скорбь и избежать противного брака разглядел я, потому и стал соучастником бегства, — серьезно объяснил «шериф».

— То есть принц иной раз делает что-то, чего и сам не до конца понимает, но что оказывается нужным и важным? — переспросила я и, дождавшись согласного кивка (правда, на Фальмире кивали не вперед, а как-то вбок, по-птичьи), ощутила неожиданное сродство с этим худеньким нелепым юношей.

Почти пацан, и такая нелегкая ноша. Как он до сих пор не свихнулся-то окончательно? Небось только духовник и держит своей собственной силой и связью, потому как сам прочно стоит на земле, пусть и имеет выход на бога. В здешних краях жрец — не просто человек, исполняющий определенные ритуалы и берущий за это денежки. Жрецом без благословения самого бога и права на обладание частицей его силы не стать.

— Теперь ты сделал, что должен был? — любопытствовала я у

Фиилора.

Тот несчастно и немного неуверенно кивнул, вроде как на сто процентов не верил или до конца разобраться не мог.

— Вы назад в Радильяр теперь возвращаться будете или?.. — уточнил Кирт диспозицию.

Принц печально пошевелил пальцами, выдавая местный аналог пожатия плеч. Жрец задумчиво согласился. С одной стороны, он, как лицо, приближенное к богу, мог не слишком опасаться королевского гнева, с другой — от такой стихии наверняка не застрахован никто. Вон хоть только что прозвучавший рассказ про заговор супротив вредной старушки припомнить. Думаю, тогда если не головы полетели, то состояния, а у Первоматери и Первоотца прибавилось подневольных монахов. У монастырей в наших краях стены высокие, так просто за них не выйдешь. Это не воздушнику Вадеру служить, у того и стен-то возле обителей нет, ветер привольно гуляет.

— Поутру в путь, — решил за принца спутник.

А потом случилось то, что обыкновенно случается по закону подлости. На тощем высочестве и импозантном, невзирая на простоту серой хламиды, «шерифе» проступили черные пятна.

Промолчать и концы в воду? Как тогда насчет устной договоренности, благодаря которой я не в земле разлагаюсь, а ножками просторы Фальмира топчу? Признает Смерть сделку расторгнутой, объявит «незачет кармы» — и капец котенку, очередное дерево приголубит. Вздохнув, я объявила, как в прорубь махом кинулась:

— Вам нельзя ехать, погибнете.

— Откуда знаешь, лирта? Будущее пред тобой врата распахивает? — огладил бородку жрец.

— Нет, я другое вижу, — сварливо пояснила я. — Как ты, лирт жрец, метку, так я — знаки вероятной смерти. Вашей с принцем на избранной только что дороге.

— Тогда мы отправимся с вами, — просиял Фиилор, нахально делая выбор, который, вот зараза, заставил черные пятна на телах поблекнуть.

И что прикажете делать? Заявление принца донельзя «обрадовало» всех участников импровизированного ночного совещания. «В восторге» были все, кроме самого принца. Но подписывать смертный приговор своим отказом мы с Дабл-Кей тоже не могли. Подлостей и гадостей от Фиилора мы не видели. Досада, конечно, берет. Никаких тайн насчет смены ипостаси Кирта от таких спутников не сохранить. Или пусть? Жрец он или не жрец? Пусть на имя Ольрэна плюется, но на фанатика «шериф» не

похож. Может, какой ценный совет или идею выскажет, если выдавать нас ему не с руки? Смог же сообразить, что не по своей воле мы такие. Вдруг что дельное еще сообщит? Опять же, если он с нами будет, то никакие другие фанатики не страшны. При собственном жреце путешествуем, значит, благонадежны, невзирая на метки.

Что-то вроде моих соображений посетило и парочку щитовиков, поэтому с ходу возражать они не стали, лишь на «шерифа» покосились. Тот задумчиво хмыкнул, видимо оценивая решение подопечного на каких-то своих весах.

— Может, с нами до границы, а дальше в Радильяр к папе? — все-таки спросила я у восторженного тощего парня.

Хотя нашла чью внешность хаять. У самой телосложение проходит по старой поговорке: «Три кости и кружка крови». А Фиилор в принципе милый на мордашку. Блондинчик кудрявый, глазки светло-зеленые, ясные, реснички длинные, лик одухотворенный. Если свои завывания о бессмертной любви оставит, так и вовсе лапочка. Будто из аниме картинка ожившая. Но пока он на меня так жадно смотрит, мне слегка не по себе. Я же не Симелия, нельзя во мне ее черты искать, даже если сумасшедший жрец при попустительстве не менее чокнутого бога и присобачил на изувеченное лицо служанки мордаху вздорной принцессы. Если буду задумываться о том, что я — это не я, так и сама крышей поеду. Буду считать себя прежней, сменившей костюм, и точка! И нечего, принц, меня так глазами кушать, подавишься!

— Нет, в Радильяр я не вернусь никогда. Поеду туда, куда и вы, — упрямо повторил Фиилор, сверкнув светло-зелеными, как листья березы в начале мая, глазищами.

Что удивительно, отправится ли с ним жрец, его высочество даже не поинтересовался. Кажется, такого вопроса для него не стояло. И что еще более занятно, такого вопроса не стояло и перед «шерифом». Во всяком случае, настаивать на своем и возражать он не стал. Смотрела я на них и все более убеждалась, что для жреца Первоотца его подопечный — вроде живого миноискателя, ручку от которого надо крепко в ладони сжимать и водить по сторонам, но не бросать, чтобы ненароком не прослушать нужное «пиpip» и не взорваться, к чертям.

— Осталось выяснить, куда пойдем мы, — потер сзади шею Кирт.

— Предлагаю доспать ночь, позавтракать, а потом уж решать, — осторожно проронил Керт, беря паузу на раздумья.

Поскольку мне вообще ничего на Фальмире по собственному опыту, не заимствованному из памяти Ким, не знакомо (ущелье и полянка с

гадостями не в счет), я возражать не стала. Сон так сон, завтрак так завтрак. Надеюсь, поутру у трактирщика можно попросить молока и хлеба? А то пиво с мясом с утра — моветон, а кофе тут точно не найдешь. Эх, где ты, мой зеленоглазый герой, щедро дарящий бадейки с напитком богов? Пусть у тебя никогда не виснет «винда» или иная операционка!

Жрец и принц с разумным предложением щитовика согласились и наконец-то оставили мою девичью комнату. Когда за ними закрылась дверь, Керт предостерег:

— Осторожней со жрецом Первоотца, Кит. Не из простых он. Ходили слухи, что бастард брата короля радильярского. Рос как наследник, покуда в браке у того сын зачат не был. Воспитание и обучение получил — иному владыке на зависть. Но потом спланировали парня в монастырь Первоотца. Какая-то мутная история то ли с побегом, то ли со странствиями была. Однако ж не сгинул жрец, вернулся ко двору, уважением в королевском семействе пользуется. Не знаю уж, что его подвигло на помощь беглому принцу. Может, какие свои планы на него имеет или старые счета сводит.

— Не думаю, — поморщилась я.

«Шериф» не выглядел ни подлецом, ни записным интриганом, способным сыграть Фиилора втемную. Скорее действительно породственному, а не из далеко идущих политических интересов, пекся о юноше. Если и были у него на принца свои планы, то к земной выгоде никакого отношения они не имели.

Жрец на меня положительное впечатление произвел. Не классический красавец, не располагающая к себе смазливая няша вроде Фиилора, но зрелая импозантность, классическое благородство, воспитание и... да, именно одним словом — порода проглядывала в его облике, посадке головы, развороте плеч, в каждом жесте. Этого не скрыть скромному серому цвету и крою жреческой мантии.

Не зеленоглазый даритель кофе, однако ж... Пожалуй, не будь он жрецом, я не отказалась бы пригласить его на ночь в комнату, чтобы рассмотреть получше и пощупать, что прячется под серой хламидой с черным пояском.

Глава 6

НЕ ВСЕ ПЕСНИ ОДИНАКОВО ПОЛЕЗНЫ

Больше в комнату никто не ломился, поэтому выспаться удалось неплохо. К той поре когда Кирт стукнул в дверь, громогласно приглашая завтракать, я уже привела себя в порядок. Волосы снова разделила на пробор и косы заплела так, чтобы открыть топорщащиеся недоэльфийские ушки. Веснушки проступят поярче, и девушку в скромном платье никто с принцессой не спутает даже впотьмах и спьяну!

Внизу было шумно илюдно. Вчерашних выпивох не наблюдалось, зато Филя со жрецом и Кертом уже сидели за широким столом. К числу присутствующих прибавилась компания наемников (может, тоже из принцеискателей?) и сизоносый патлатый старике дутаром, мандолиной или иной музыкальной фигней. Короче, в проворных пальцах музыканта, взгромоздившегося на табурет у стойки, бренчало овальное нечто с грифом и струнами. Это нечто сейчас усердно заставляли издавать звуки и были под аккомпанемент. Наверное, зарабатывали завтрак или отпугивали посетителей. Вдруг в трактире больше нет мест и таким нехитрым способом кабатчик решил проблему с приемом лишних гостей?

Старикан терзал струны, а я под шумок договорилась с теткой-подавальщицей о молоке и хлебе. Все-таки отличная у Кимеи мордашка. Мне-брюнетке так жалобно поморгать ресничками, накручивая на пальчик прядку светлых волосиков, на Земле не светило. А здесь бабища сразу разжалобилась и взяла тощую девицу под крылышко. Притащила все, чего я попросила, даже хлебушек был еще теплый.

Я прихлебывала молоко и хрустела горбушкой, пока мужчины завтракали более основательно. Все. Даже Фиилор в девичьем обличье, при черном парике и кокетливом шарфике на шее, прикрывающем кадык, наворачивал кашу с мясом так, что за ушами трещало. Может, у парня глисты? Невозможно быть таким худым и столько жрать. Нет, конечно, трапезничал принц вполне интеллигентно, но с изрядной скоростью в его красиво очерченном рту исчезали вполне приличные объемы пищи. Или... тут я призадумалась, не в материальных глистах-паразитах дело, а в провидчески-магических талантах парня, которые его силы жрут как не в себя. Неужели и мне с «пятнозрением смертей» потолстеть в ближайшем

будущем не светит? Хм, надо будет проверить. И если оно так, утроить калорийность пищи. Я не я буду, а мясо на косточках Кимеи наращу, чтобы кавалеры не оцарапались.

Задумавшись, не сразу сообразила, что старый пропойца у стойки не только играет, а и поет. Причем не в скрипучем стиле несмазанного колеса, а вполне пристойным низким, хриловатым голосом. Это было что-то вроде баллады со слабыми рифмами. Но едва я уловила смысл — наплевала на художественную ценность и вся обратилась в слух. Да еще от души толкнула обоих щитовиков и кивнула в сторону сизоносого певца. Готова поставить свою годовую премию на кон, старикан пел об Ольэрэне!

Он ушел по-хозяйски, наш насмешливый бог,
На врагов наплевал и противников с грязью смешал,
Хохоча, пошутил, как другой бы не смог:
Со стола и с раздачи все карты собрал.

Захотели победы, хлебнули отравленной браги,
Горек путь победивших, лишенный веселой отваги.

Сами заперли мир, сами узникам стали подобны,
Он отмычки оставил, да пленники взять не способны.
Все ключи разбросал Рэн, с усмешкою злобной,
Не собрать ни богам, ни жрецам целиком или дробно.

А ключи-метаморфы пропитаны силою странной,
Их чужой не возьмет, не увидевши образ за рамой.
Лишь тому они в руки пойдут, кто захочет вернуть
То, что некогда было утрачено искажившими суть.

Коль решишься, иди без оглядки, собирайся же в путь,
Только веру в себя и друзей взять с собой не забудь.
Ради истинной сути своей ты ступай на дорогу,
Помни это, шагая вперед, и не жди ты особой подмоги!..

— Богохульник, — змеем прошипел рассерженный «шериф», не поднимая, впрочем, бучи в трактире, чтобы не привлекать внимания к нашей компашке.

Потребуй кто сейчас от принца знак Первоматери изобразить, что он-

парень делать будет? Если ты в бегах, то первое правило безопасности за завтраком — сиди и не отсвечивай.

Увы, эту сакраментальную истину Фиилор поправил мгновенно. Едва хлебнув местного аналога кваса, принц, обряженный в девичье платье, закашлялся, его глаза закатились, и с тихим стоном: «Ключи! Они сияют, жгут, ждут!» его радилярское высочество стекло со скамьи. На пол он не прилег только потому, что жрец подхватил и, возведя очи горе, поволок свою ношу обратно в комнаты.

Я торопливо дохлебала молоко и засунула за щеку последний кусочек горбушки. В трактире по-прежнему было спокойно, словно не откалывал коленца переодетый парень и не пел менестрель-выпивоха ничего еретического. Или его никто не слышал?

— Эй, старик, хватит брэнчать, спой чего-нибудь! — в доказательство моих невероятных предположений послышался из угла сиплый заказ от компашки наемников.

Сизоносый угодливо закивал и запел какую-то песню на два притопа, три прихлопа из жизни заказчиков. Дабл-Кей терпеливо дождались окончания похабной песенки и направились к старику. Разговор был тихим, но как отчаянно мотал головой старый хрыч, как крестился, то есть рисовал перед грудью круги с чертой — щит и меч Первоотца, я вполне уловила.

— Не помнит ничего о том, что пел, — хмуро пояснил Керт, досадливо поморщившись на опасливый взгляд менестреля-склеротика. — Не понимаю.

— Может, жрец знает больше? Спросим его. Заодно проверим, не окочурился ли после припадка принц, — предложила я новый план.

Мы вернулись наверх в комнаты. Постучались к высочеству. «Шериф» открыл почти сразу, не мрачный, но какой-то задумчиво-насупленный. Фиилор виновато шмыгал носом. Он сидел на кровати, нахохлившись воробышком, и кутался в одеяло. Сдернутый черный парик валялся на полу.

— Ты как?

— Холодно, — пожаловался принц. — У меня бывает: как накатит, потом полдня знобит, никак согреться не могу.

— Тогда тебе горячего надо поесть, — заметил Кирт.

— Не могу, в горло не лезет ничего, кроме воды, — еще разок шмыгнул носом принц и спрятался в одеяле, отчаянно краснея. А кому приятно выглядеть кисейной барышней, если ты не девица, да еще перед девушкой с лицом собственной невесты?

Мы сели где придется, то есть на лавку у окна и на сундук. Парни

доложили про провалы в памяти у менестреля. Жрец только фыркнул, не выказав ни малейшего удивления. Кажется, у него было что сказать по поводу услышанной баллады. Однако захочет ли? Ура, захотел!

Задумчиво поглаживая бородку, «шериф» промолвил:

— Такое случалось и все еще случается на Фальмире. Ольрэн был могущественным богом.

— Разве он умер? — подала я голос, ерзая на жесткой лавке. — Почему «был»?

— Был, потому что покинул наш мир. Не зря его именуют Ушедшим, — нехотя уточнил жрец. — Он ушел, но оставил некое наследство, которое порой всплывает вот так, казалось бы, ненароком — песней, древней книгой, сном, видением... Если верить старым легендам об Указующих Путь, а именно так некогда именовались барды-пророки Ольрэна, странствующие по Фальмиру. Для пробуждения спящего дара барда-пророка должны сойтись в одной точке мира сам Указующий Путь и все вопрошающие, то есть те, для кого должно прозвучать пророчество-указание.

— Кто родился в день воскресный, получает клад чудесный? — сыронизировала я, цитируя старую сказку Гауфа.

— От времени и часа рождения сие не зависит. Умысел Ольрэна не постижим смертными, впрочем, как и замыслы любого бога. Ушедший оставил следы, метки, то, что можно назвать кладами. Их не найдешь случайно. К примеру, я слышал, если встретятся Указующий Путь, в чьей крови течет кровь бардов Ольрэна, и те, на ком есть его метка, то кровь Указующего пробуждается и появляется песня-указание. Певец ее не вспомнит, как ни проси, а тот, кому она предназначена, сразу поймет важность и запомнит от первого до последнего слова. Знаете, что самое скверное? — завершил краткий рассказ вопросом жрец.

Мы синхронно помотали головами.

— Я, жрец Первоотца, и принц Радильяра ее помним.

Фиилор с готовностью закивал, подтверждая сказанное. Воробышек еще подрагивал, но теперь вдобавок почти выпрыгивал из одеяла-гнездышка, снедаемый любопытством.

— Так и мы помним, — не понял глубины трагедии Кирт.

— На вас метка Ушедшего, а я посвященный Первоотца, — огрызнулся «шериф», расставляя акценты.

— То есть эта историческая баллада — не информация из сферы общих знаний, а некое указание на нужный нам всем объект или вовсе призыв к действию? — присвистнула я, вернее, попыталась присвистнуть.

Ким, дурочка, даже этого не умела, поэтому получилось какое-то шипение проткнутого воздушного шарика. Буду тренироваться!

— Зачем нам какие-то ключи? Кобылу мне в жены! — выпалил Кирт. — Это богов касается, мы-то тут при чем? Если этот Указующий должен был путь указать, не мог конкретнее выражаться? А сейчас тот менестрель, пьянь сизоносая, ни слова не помнит о том, что пел, пои его — не пои.

— Он сказал все, что должен, — мрачно проронил жрец и очень неохотно продолжил, словно выдавливал из себя слова против воли или, напротив, не мог удержать их личной волей в себе: — Я читал в закрытых монастырских архивах обрывки легенды о ключах Ушедшего. Дескать, это одна из шуток Ольрэна. Если ей верить — боги не желали чрезмерных отличий среди своей паствы, они смешали кровь всех живых так, чтобы невелики были различия меж ними как внешне, так и в талантах. Ольрэна, обожающего разнообразие, последнее особенно разозлило. Поэтому, уходя, мстительный бог Фальмира выкинул шутку. Он захлопнул дверь в наш мир, закрыв в нем не только людей, но и богов, и сотворил ключи, которые одновременно отворят врата нашего мира и силу разума живых. Если собрать несколько ключей из числа оставленных, то можно изменить самого себя так, как пожелаешь. Только отыскать ключи, по замыслу Ушедшего, способны лишь те, кому они нужны по-настоящему, но не для службы богам, а для самих себя. Условие, изначально невыполнимое.

— Не сказал бы, — проронил Керт, уперев взгляд в собственную руку, которой вчера довелось побывать лапой. Опыт получился пусть и спасительный, но уж больно шокирующий. Хорошо еще Альт был именно псом, а не псицей.

— Вы поведали нам не все, — догадался жрец, прищурившись эдак по-инквизиторски. Эффектно выглядел допросчик наш.

— Безумный жрец Ольрэна что-то сделал с нашими телами, воззвав к силе своего бога. Вчера я не своей волей принял обличье пса. Пусть это спасло мне жизнь, гадать, не стану ли я снова собакой в любой момент, не желаю, — сумрачно ответил щитовик.

— Ага, там еще кучер и лошади были среди мертвяков. Не только пес, — вставил Кирт, передергивая плечами.

— Стало быть, вы — не жрецы и, конечно, не боги — заинтересованы в сборе ключей, — с ходу просек фишку «шериф», снова принимаясь оглаживать бородку.

— Надо проверить. Я сейчас. — Керт поднялся с кровати и исчез за дверью.

О причинах его отсутствия задуматься никто не успел. Может, мужик до ветру вышел. Пиша — она такая коварная штука, не только входа, но и выхода требует! Сама проверяла сколько раз! Но нет, вернулся Керт не с выражением тихого облегчения на лице, а с сизоносным музыкантом под мышкой, фактически внося старика в комнату.

Тот все продолжал лопотать:

— Лирт, я же уже уверял вас в том, что никаких песен о старинных временах нынче не пел, вам привиделось. Хоть Первоотцом, хоть Первоматерью поклянусь, могу даже гончими Дагонта Законника-Очистителя или всеми четырьмя богами-стихийниками!

— Да хоть богами, хоть своими старыми подштанниками клянись, старик, нам просто надо, чтобы ты нам про ключи-метаморфы рассказал.

— Что про них рассказывать? — шмыгнул носом старый пропойца. — Я все не в силах разглядеть отсель. Одни маячат рядом, иные далече, третьи и вовсе в невообразимых далях. Ближайший — в стене Кретаграта, второй — на площади Ральин, в тюремных стенах Ламильяна ждет третий, трон монарха Валисанты хранит четвертый, пятый венчает жезл Дагонтова псаря, шестой на кладбище Либара искать придется, а седьмой — в дозорной башне Пиковых Окраин. Все, не вижу дальше, хватит и того, коль в путь решишься ты пуститься и не бросят одного...

Не договорив, старик повалился ничком на койку, с которой едва успел прыснуть Фиилор. Бродяга-бард захрапел, точно был мертвецки пьян. Впрочем, свою роль пророк-алкоголик сыграл: едва мы собрались в полном составе и начали спрашивать, раскололся, как орех под щипцами. И пусть он опять ничего помнить не будет, мы-то склерозом не страдаем, даже не наслаждаемся. Захотим — не забудем. Жрец вызвал трактирного служку покрепче, приплатил, и храпящее вместилище откровений вытащили из комнаты. За пару монет чаевых даже оттранспортировали в собственную каморку барда, а не свалили в коридоре подальше от дверей.

— Я иду с вами, — снова вылез Фиилор, когда в комнате не осталось посторонних. — Так надо!

Жрец, оказавшийся в компании почти законченных еретиков, почти беспомощно глянул на своего подопечного и испустил тягостный вздох. Я припомнила недавний пассаж высочества про ключи, спровоцированный песней, и озадачилась:

— Эй, а принц у нас, часом, не Указующий Путь?

— Не в том смысле, как у бардов Ушедшего, — отмазал парня от дурно-еретической профессии «шериф». — В роду королей Радильяра иногда рождались подобные его высочеству. Это не наследие Ольэрэна,

Фиилор лишь видит нужную ему дорогу и на избранном пути способен на чудо. Он неосознанно открывает двери, способные привести его к цели. Попутные люди, вещи, артефакты видятся принцем слабо и не всегда. Такой у его высочества дар. Принц выбирает путь, которому желает следовать его сердце, и тем счастлив.

— Это все замечательно, но давайте к сути. Если мы каким-то образом сможем раздобыть несколько ключей Ольрэна, из тех, о которых говорил старик, то они смогут повернуть вспять ненужные изменения тела, так?

— Возможно, — развел руками «шериф». — Вас смущает обращение в пса или страшат перспективы иных, пока неизвестных метаморфоз?

— Всё, — честно и хором ответили Дабл-Кей.

— И особенно неуютно от туманных перспектив, — вслух принялась рассуждать я, снова ерзая на лавке. Ходила бы, да комната в трактире не была рассчитана на пятерых и свободу передвижений по совокупности. — У этого Ольрэна чувство юмора уж больно странное, как мне кажется, было и есть. С него тот ритуал, который безумный Йорд проводил, сталось бы вывернуть наизнанку. Если уж он мою душу в чужое тело сунул и чужое лицо к телу приляпал, что ему стоило смешать лошадей с кучером? Да как нечего делать! И будут у нас не телохранители-щитовики, а при новом переключении в критической ситуации — какие-нибудь кентавры. Часть от коней, часть от кучера, и не факт, что первое сзади, а второе спереди. С Ушедшего станется и наоборот начудить.

По мере того как Дабл-Кей внимали моим гаданиям на кофейной гуще, они становились все бледнее и бледнее. При общей смуглости хорошо загорелой кожи это стало очень заметно.

Потом настал черед жреца с его расспросами про превращения. Керт честно описал процесс оборота в пса и еще разок прибавил: хоть этот трюк его и выручил, но по мозгам дал неслабо. Оказывается, мужик еще полдня потом пытался определиться, пес он или человек. Ладно хоть лаять, задирать лапу и грызть косточку не полез, а то бы мы с Киртом заработали пакет незабываемых впечатлений.

Мои рассуждения и описание впечатлений жертвы метаморфизма произвели впечатление и на служителя Первоотца. От натуральных экспериментов он отказался. Или решил, коль они с Фиилором в отряд вливаются, наблюдать за щитовиками, так сказать, в естественных условиях?

Глава 7

ПЕРВЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ

Собирались в путь, раз решили ехать вместе, недолго. Даже записывать откровения пьяного менестреля не стали. Зачем, если все его слова отпечатались в памяти типографским шрифтом кегля двадцатого как минимум, да еще и красным цветом?

Играла я когда-то давно в «Дьябло», там таким цветом адские порталы полыхали. Словом, забыть слова про ключи Ольрэна нам не светило. А потому и маршрут сразу определился. Городок Кретаграт на окраине Вольных Пустошей стал первой точкой путешествия, куда каждый из нас стремился за своим «надом».

Бывшие телохранители ее покойного высочества хотели снова быть людьми без всяких превращательных фокусов, Фиилор и жрец Первоотца личных мотивов не раскрывали, а я... Дура, наверное, — размышляла о том, а не удастся ли этими ключами Ольрэна отпереть дорогу домой. Кимея любила Фальмир, спору нет, но я, вооруженная ее памятью, ничего особо примечательного в нем не видела. Слишком много условностей, но маловато комфорта, да и от фанатиков огрести можно. Если не домой, на Землю, то в какой-нибудь другой мир, более приспособленный для жизни слабых девушек с редким даром, я не отказалась бы переместиться. Можно даже к тому зеленоглазому красавчику. Видела его сегодня во сне, и так тепло на душе было от одной мысли о нем, — сама проснулась, как наивная малолетка, с бьющимся сердечком и чуть не треснувшей напополам от улыбки физиономией. Эх, что ж вы, красивые мужики, с девками делаете! Или это не в зеленоглазом незнакомце причина, а в доставшемся мне худеньком тельце горничной? У которой, возможно, впервые за всю жизнь начали просыпаться, стимулируемые мозгом попаданки, не романтические, а плотские интересы.

Нищему собраться — только подпоясаться, лавки одежной, как уже говорила, в деревеньке не имелось, нормальной, хотя бы по местным меркам, одежды прикупить тоже было негде. Мужики еще как-то выкрутились: перетерли с трактирщиком и на смену хоть по паре рубаш и штаны получили. Для фитюльки моей комплекции не нашлось ничего, не считая местного аналога сарафана с плеча дочки сердобольной подавальщицы. Вышитые по горловине и рукавам ярко-оранжевые птицы

произвели столь неизгладимое впечатление, что я объявила о невозможности лишить ребенка такой красоты и от покупки отказалась.

Хвала худющему Фиилору, проведав о моих затруднениях, добрый парнишка недолго думая предоставил в мое распоряжение весь свой гардероб. Оказывается, не такой уж не от мира сего, как пытался убедить нас жрец, в Радильяре принц вырос. Странноватый, конечно, зато эта его странность нас очень выручила. Высочество не только делами духовными интересовался, но и вполне светским театром. Он даже с успехом играл в дворцовых постановках. Причем играл лиц любого пола. При бегстве, замаскированном под ознакомительную поездку к невесте, Фиилор смог утянуть из дворца не только походный гардероб, прилагающийся к каждому лицу королевских кровей, но и изрядную часть театрального. Комплекцией же мы с высочеством оказались схожи. Поэтому в приличное светло-серое платье из неколючей ткани, представлявшей как раз костюм скромной наперсницы, я переодеться смогла.

Садись мы в карету втроем: я, жрец и Фиилор — «брюнетка под вуалью». Одному из братьев предстояло сменить получившего расчет кучера. Нанятый в соседнем городке, он ничего об истинном облике принца не знал, а если и подозревал, то, довольный расчетом и премией, предпочел оставить подозрения при себе. Второй щитовик собирался составлять компанию напарнику в привычной роли охранителя.

Поэтому оба мужика остались снаружи, разместившись на скамье-облучке. И правильно! Хотя карета особенной теснотой не отличалась, но добавьте в самую просторную коробку на четырех колесах мускулистую орясину, и сразу тесноту почувствуете. Идти по пути, проторенному анекдотом о еврейской семье, ютящейся в однокомнатной квартирке, и следовать методу «продай козла», я не собиралась.

Загрузили мы и несколько объемных корзин с припасами в короб на задку кареты. Тронулись в дорогу еще до обеда вполне благополучно, невзирая на настороженные взгляды, каковыми Кирт с Кертом окидывали четверку пятнистых, будто они собрались маскироваться на местности осенью, кобыл. Скорее всего, телохранители опасались возможности превращения при контакте с животными. Но нет, ничего не произошло. Животные спокойно позволили себя запрячь и на людей смотрели совершенно равнодушно до тех пор, пока у них в руках не появились морковки. Схрупав лакомство, кобылки вернулись к прежнему безразличному состоянию. Телохранители проверку на «братство по разуму» не прошли.

Тракт, шедший вдоль деревеньки и далее к Вольным Пустошам, на

асфальтированное шоссе, и тем паче на платную трассу, никоим образом не походил. Счастье, что на Фальмире уже изобретены рессоры. И с ними-то комфорт был минимален, а уж без них я бы и вовсе пешком двинула. Пересесть на лошадь верхом не смогла бы. Кимею немного учили держаться в седле в рамках общего девичьего образования, но скакать быстро она нипочем бы не сумела.

Ехали часа три, не меньше, когда мне срочно потребовалось сойти. Высунув нос из окна, я громко попросила:

— Лирты, зеленая остановка!

— Чего? — натягивая вожжи, озадаченно отозвался Кирт.

Мельком отметила, что в глазах «шерифа» и в больших очах принца понимания тоже ни на грош.

Я не из особо стеснительных, поэтому, раз уж обойтись без подробностей не удалось, повторила более прозаически:

— В кустики мне надо. Это у вас, мужчин, пару раз в сутки позыв бывает, женщинам нужно прогуливаться до зеленых насаждений чаще.

— А-а-а, — закашлялся телохранитель, до которого дошел смысл просьбы.

Фиилор же потупился и покраснел, как помидорка. Такой сорт еще розовым называют. Уй, лапка! Так бы и затискала, да боюсь, от моего мимимишного порыва у него опять романтик-клинч приключится. Не, не буду!

Карета окончательно затормозила, я удалилась за деревья и возвращалась вполне довольная жизнью, пока не разглядела Керта. На лбу его чернело очень характерное пятно. У Кирта пятен было побольше, но серого цвета. Вероятности судьбы еще играли с ним в пятнашки.

— Едем? — на всякий случай уточнил Керт, чуть занервничав от моего пристального взгляда и первым почуяв недоброе.

— Нет, надо разбираться. Опять пятна. У тебя — черное на лбу, у Кирта — серые, но много. Может, засада поблизости? — Я распахнула дверь кареты и изучила спутников. «Шериф» и принц пятнистыми не были, поэтому резюмировала: — Жрец и его высочество не покрашены. Скорее всего, пока вас будут кончать, успеют среагировать.

— Я на разведку сгоняю, — решительно прыгнул на дорогу Кирт, и я деловито поощрила добровольца:

— Так держать! Метки смерти светлеют! Ты только не шуми сильно!

— Я буду светлой тенью в неровном сплетении ветвей, — неожиданно поэтично пообещал болтливый телохранитель без обычного трепы про кобылу-невесту.

И, прежде чем ему успел возразить брат, жрец или принц, скользнул в лес, да так тихо, что я рот разинула. И куда делся тот медведь, который вчера ветками трещал? Нет, я и сама на индейскую пластику и сродство с природой не претендовала, но щитовиков в лесовики не готовили, а тут чисто разведчик или эльф, слился с природой и пропал. Пожалуй, такой действительно на разведку сгоняет без проблем: одна нога здесь, вторая там.

Керт глядел вслед брату, приоткрыв рот, потом почесал затылок:

— Когда наостриться успел?

— Не факт, но, может, ему дар от Тимаса достался? Тот как-то про свои прогулки рассказывал, хвастался, что его среди деревьев никто найти не мог, — выудила я из памяти Кимеи нужные данные.

Щитовик мрачно засопел, но хаять ценную метаморфозу не стал. Талант незаметно бродить по лесу куда безобиднее цельного превращения в пса. Смирившись с неизбежным, Керт остался приглядывать за обстановкой. Жрец же тихо отметил, приглядываясь ко мне уже не как к нечаянному исчадию Ольрэна, но как к потенциально выгодному ресурсу:

— Очень полезный у тебя дар, помогает прозревать опасности.

— Очень геморройный, — скривившись, поправила я. — Реагировать постоянно нужно и извилинами шевелить или не шевелить и считать трупы. Кроме того, на себе я пятен не вижу...

— Сложный, но полезный, — поправился в свою очередь жрец, оставшись при своем мнении. Он тоже вышел из кареты и сейчас прохаживался, разминая ноги.

Фиилор вылез, но бегать вокруг не спешил. Только пожаловался жалобно:

— Дорожные туфли мозоль натерли.

— Бывает, — философски согласилась я, давненько перешедшая на балетки и мокасины, чтобы не мучить ноги. Высокие каблуки только в качестве средства охмурения использовала под настроение. Оглядевшись, заметила и сорвала вездесущий подорожнику обочины. — На, разотри в ладонях и на мозоль шлепни. Все лучше, чем ничего.

Пытаясь залепить пятку прямо поверх чулка, Фиилор тихо прокомментировал:

— У вас, женщин, большей частью очень неудобная одежда и обувь. Даже дорожная.

— Точно, согласна с тобой на все сто процентов. — Я не стала спорить с очевидным. И дома-то подобрать одежду так, чтобы она была и красивой, и удобной, стоило немалого труда, а уж здесь, на Фальмире, и подавно! —

Выживем, давай собственный модельный дом откроем и будем такую одежду делать, чтоб ее в удовольствие носить было!

— Давай! — загорелся принц, и я, сделавшая подобное предложение в шутку, не нашла в циничной душе сил сказать, что всего-навсего прикололась. Кажется, здесь и сейчас, на захолустной дороге, у принца Радильяра родились цель и смысл жизни. Ну а что? Не всем же стремиться к великим подвигам или к стезе жреца, кому-то и поскромнее деяния суждены. Кто я такая, чтобы хаять мечту? Попаданка — подручная Смерти? Так это не дает права топтать грязными сапогами чужие планы. Главное, чтобы эти планы действительно были настоящей мечтой, а не действием из разряда «все равно куда, что и как, лишь бы с любимой».

Ждали разведчика мы объективно недолго. Хотя когда ждешь, вместо того чтобы действовать, каждая секунда минутой кажется, и вообще время резиной тянется. Вернулся Кирт довольный, будто кот, схарчивший трехлитровую банку сметаны и палку колбасы в одну усатую морду.

— Была засада, — доложил он тоном, до боли напомнившим мне сакраментальное «стреляли» из «Белого солнца пустыни».

— Была? — ухватил самое главное в докладе — прошедшее время — жрец.

— Была. Четверо разбойничков. Деревце подрубили, луки приготовили, ждали-скачали, — пошевелил пальцами Кирт, забираясь на козлы и перекладывая прихваченное с разбойников добро в свою дорожную сумку. Уверена, щитовик забрал с них все, что счел хоть сколько-нибудь полезным.

— Всего-то? Чего так мало? — фыркнул Керт.

— Ты вызвал их на бой и убил?! — восхищенно выпалил Фиилор, хвостом следуя за разведчиком и, сдается мне, вдобавок диверсантом.

— Убил, на бой не вызвал, — отчитался с недоброй усмешкой Кирт и даже сподобился пояснить: — Тому, кто готовился убивать и грабить тишком, незачем рассчитывать на честную дуэль.

— Логично, — поддержала я диверсанта, исполнившего главную задачу — защитить нас. К чему придирки, «каким образом»? От моральных терзаний о ценности жизни мне, ежедневно сталкивавшейся с метками смерти, избавиться пришлось очень рано. Иначе точно рехнулась бы от невозможности быть везде и всюду, чтобы помочь каждому. Я не Красный Крест, всего-навсего нопаданка с редким талантом, а потому склонна в первую очередь беречь жизнь собственную и, пожалуй, спутников, от которых эта самая жизнь и мое личное благополучие зависят. Зовите меня эгоисткой, плевать. Как говаривала моя прабабка, не солнышко, всех не

обогреешь. А терзаться от недостижимости недостижимого — прямой путь в психушку. Хотя сомневаюсь, что тут есть такие заведения, а если и есть, то мало отличаются от тюрем, вспомнить хоть наши древние дурдомы и их печальную историю. Словом, я вычеркнула проблему из списка и между делом уточнила, хоть и не видела больше пятен: — Дерево-то на дороге не рухнет?

Я на предметах — невольных орудиях смерти — метки кончины редко когда замечаю, они очень-очень слабо видны. Вдруг нашему кадиллаку на лошадиной тяге суждена скорая гибель? Тогда мы хоть и не помрем, но покалечиться стопроцентно сможем.

— Не-а, оно уже рухнуло, в другую сторону и на других, — хмыкнул Кирт.

— А мы ничего не слышали, — удивился Фиилор.

— Я старался потише и нужное местечко дереву указал, — небрежно ляпнул щитовик и застыл с открытым ртом: до него только сейчас дошла абсурдность сказанного и, самое главное, сделанного. Они с братом умели драться, но тому, что смог сделать Кирт, его точно не учили.

— Как я понимаю, мы сейчас услышали об одном из проявлений дара метаморфизма, изменившего не внешность, а часть истинной сути живого. И снова ради выживания, — серьезно отметил жрец Первоотца, ничуть не шокированный фокусами спутника или слишком хорошо скрывающий собственное состояние.

А может быть, «шериф» рассуждал с практической точки зрения: если чудеса творятся, хоть и с вмешательством Ольрэна, но ради выживания его самого и драгоценного принца, то пусть творятся. Не самая плохая позиция, если вспомнить старинное, оставшееся в веках с Альбигойского похода: «Бейте всех, бог узнает своих». Если поначалу «шериф» поглядывал на нас с тщательно скрываемой недоверчивой враждебностью, то нынче оставался лишь насторожен. Все-таки репутация Ушедшего бога и его адептов обязывала к подозрительности! У обычных-то людей шутки случаются злые, а если задело возьмется кто-то, отмеченный богом, чье своеобразное чувство юмора стало притчей во языцех, — не знаешь, чего ждать.

Наша-то троица лицезрением метаморфоз уже насладились. Способностью открывать для меченых оригинальные проходы (это я про лабиринт Ольрэна, если кто не понял) — тоже. А уж жестокие шутки бога на своих шкурах на алтаре в полной мере испытали. Не сказать, чтобы понравилось, хотя сказать, что оно нам во вред пошло, — тоже соврать. Лекарство часто горьким бывает. Однако желать пробовать его снова и

снова никто заставить нас не может. Все-таки от подобного лучше держаться подальше. Но как с этим «подальше» быть теперь, когда мы, взяв в компанию жреца Первоотца и беглого принца, собрались, следуя пророчеству менестреля-алкаша, искать ключи Ушедшего? Наверное, никак, и это пугает не только меня.

— Я не помню, чтобы у Тимаса способности к магии были. Ничего подобного он не выкидывал, — нахмурился Кирт, начиная вдаваться в детали.

— Возможно, способности были спящими, такое случается с магическим даром, и проведенный сумасшедшим жрецом Ольрэна ритуал их при передаче разбудил, — вслух рассудил «шериф». — Ты смог узнать, засада была на нас или любой поживы ждали?

— Карету или повозку без охраны ждали, чтоб пощипать влежку. Ребятки из Вольных Пустошей откочевали, подальше от конкурентов, да сразу нарвались смертельно, — хмыкнул Кирт. — Путь чист. Поехали, что ли?

И мы снова поехали по ставшей безопасной дороге. А грабители, которые должны были погубить щитовиков, остались в лесу насовсем в качестве наглядно-неприглядной иллюстрации старого постулата: «Кто к нам с чем, тот от того и того». До Кретаграта было еще дня полтора пути.

Больше нас никто ограбить не пытался, если не считать случай со счетом от трактирщика на следующем постоялом дворе. Но красноречие щитовиков и блестящие острые шутовины в их руках вернее увещаний жреца заставили хапугу сделать скидку. Фиилор хоть и бурчал о неудобстве женских шмоток, но в мужскую одежду переодеваться не спешил, только надоевший парик снял. Слишком хотелось юноше сорваться с крючка папаша и послать к Ольрэну его матримониальные планы...

Почему туда? Так чертей на Фальмире не водилось, и если хотели послать далеко и надолго, говорили просто: «Вали к Ушедшему». Компанией этот экстравагантный бог считался, мягко говоря, не слишком желательной, все равно что повелитель ада для набожной монашки.

Дорога, конечно, надоела до зеленых чертиков. Я и на авто на большие расстояния не любила путешествовать. Ногам слишком часто хотелось размяться и сидущка уставала. Никакие красивые пейзажи не радовали. Если что и выручало, так аудиокниги. Едешь, слушаешь, терпишь. Если хорошая история попалась, да в стоящей озвучке, еще и удовольствие получаешь.

На Фальмире на подобные развлечения рассчитывать не приходилось, не пьяницу ж пророка с собой тащить было? А тревожить задумчивого

«шерифа» капризным нытьем: «Расскажи, дяденька, сказку, развлеки, мне скучно!» — не комильфо. Все-таки служитель Первоотца, и хоть терпимо отнесся к меткам Ольтрэна в наших с щитовиками аурах, да кто ж его знает. Чужая душа — потемки. Вдруг это все до первого крупного города, где можно устроить показательное фаер-шоу? Впрочем, нет, он пусть и немногословный, но вроде не гад, хоть и обаятельный. Фиилору помогает, нас с ходу проклинать не начал, речи сизоносого менестреля слышал наравне со всеми. Значит, замешан в ключевом деле по самое не балуйся, и случись чего, гореть жрецу с нами на соседних кострах или плавать в кипятке поблизости. Кажется, мне недавно что-то про котлы с горячим маслом внушали.

Глава 8

ВОЛЬНЫЕ ПУСТОШИ: КЛЮЧ К КЛЮЧУ

На территорию Вольных Пустошей мы въехали без шума и помпы. Никакого пограничного поста или таможенного терминала не наблюдалось. Межевых столбов тоже не обнаружилось. То ли рухнули в непогоду, то ли украли на дрова, то ли страны вообще не считали нужным отмечать границу в мире материальном, им хватало меток на картах. Лишь в какой-то момент вполне себе ухабистый тракт окончательно превратился в трассу для экстремальных гонок по бездорожью и карета ощутимо сбавила ход. Будь иначе, наши макушки познакомились бы с крышей кареты, а языки — с крепостью зубов. Словом, лучше всякой метки сработало качество дороги, вернее, отсутствие этого самого качества.

Покосившийся указатель на Кретаграт мы таки смогли углядеть на одном из перекрестков спустя несколько часов тряски. А там и дорога стала чуток получше, и народу на ней прибавилось.

Сам город не впечатлял от слова «совсем». Крепостная стена полуразвалившаяся, одно название, ров вокруг города заплыл ряской и стух. Пока ехали, видели пару бревен, перекинутых через него вместо мостов, для умеренных экстремалов. Кому лень до ворот топать, мог воспользоваться переходом и пробраться в здешний «мегаполис» через любой из проломов-обвалов в стене.

М-да, и в этом убожестве нам предстоит разыскать первый ключ? Фу-у, скорее лично я сдохну раньше. О гигиене, канализации и других страшных вещах здешние обыватели знать не знали, ведать не ведали.

— Вольные? То есть свободные, и, полагаю, в первую очередь свободные от понятий о чистоте? — зажимая нос первым попавшимся надушенным платком Фиилора, прогундосила я, высунувшись из кареты.

— И от законов. Здесь нет последователей Дагонта Законника-Очистителя, и товар их ценный на Пустоши разве что тишком кто протащит. Только в землях, где бога не почитают, нет особой силы и вещам, сотворенным божественной силой. Быстро утрачивают магию, — хмыкнул Кирт с облучка.

— И-и-и? — не поняла я прямой связи.

— Вспомни, лапуля, как порой очистителей украдкой кличут —

навозники. Дагонт не только о законах людских, но и о чистоте телесной печется. А без его клейма не только шкаф одежный — просто коробка с вещами, а и любая ночная ваза — всего лишь горшок с нечистотами, которые надо куда-нибудь выплеснуть. И хорошо если не на голову соседу, — пояснил словоохотливый щитовик.

Я порылась в памяти Ким и припомнила... нет, не кличку «навозник» — для Ким, выросшей в закрытой среде, это было бы неслыханной дерзостью. Вспомнились мне чистенькие горшочки под мягонькими ободками-сидушками в пансионе и во дворце, из которых содержимое исчезало не задерживаясь. Вспомнила я сооружения попроще в трактирах, где нам останавливаться пришлось, и присвистнула. Это ж как церковь Законника-Очистителя на теме экскрементов нагрелась! Если последователи бога могут обеспечить чистоту без канализации, то это золотое дно. Хотя, конечно, репутация... Но если есть деньги, репутацию можно купить. А уж понюхав свободный город Кретаграт, я сама Очистителю помолиться готова и, судя по интенсивности запаха, молиться буду о глобальном очищении напалмом.

— Меня тоже тошнит, — нашел в себе силы мужественно признать слабость зелененький Фиилор. Мы с принцем обменялись соболезирующими взглядами.

— Но ключ-то там, — растерянно крикнул Кирт.

— Ключ в стене, если верить словам сизоносого, но не факт, что он внутри, а не снаружи! — осенила меня спасительная мысль. — Вечер скоро, давайте сделаем вид, что карета сломалась, отъедем с дороги и дождемся ночи. Вдруг впотьмах легче будет не только в ров с нечистотами навернуться, а и с ключом разобраться получится?

— Я хорошо вижу в темноте, — осторожно вставил принц. — Если бы знать, как выглядит ключ и что нужно искать...

— Судя по всему, чувство юмора у Ольэрэна своеобразное, — побарабанила я по стенке кареты. — Вид у ключа может быть любой: от камня в стене, не отличимого от других, до натурально ржавого ключа, вмурованного в кладку.

— Как тогда искать? — задал актуальный вопрос Керт.

— Вместе, — вмешался «шериф». — Если речь Указующего Пути слышали все, то и поиск, думаю, вести поодиночке не получится. Указание, как правило, тесно связано с целью и героями поиска.

— М-да, — протянула я, представляя идиотскую пародию на летку-енку в ночи. Как мы ковыляем, сцепившись в потемках, спотыкаясь и нащупывая пахучие мины дорожными ботинками. Если так воняет из

города, сомневаюсь, что под стенами будет чисто. Жаль, что жрец под Первоотцом ходит, воздушник бы нам больше пригодился. Или даже последователь Дагонта. Вдруг строгое божество, вняв отчаянным молитвам вляпавшегося в нечистоты жреца, снизошло бы до очищения окрестностей?

Увы, мы имеем то, что имеем. Надо с этим работать. Если у местных нет никаких идей по поиску, даже Фиилор-взломщик беспомощно хлопает ресницами, придется напрячь опыт предков. Как у нас издревле искали потерянное? Ничего, кроме рогульки, в голову не приходило. Ну попробовать недолго, надо только раздобыть пять пар высоких, желательного рыбацких, сапог. В ботинках я под стены не пойду, и не уговаривайте!

Еще чуток побарабанила пальцами и выдвинула единственную пришедшую на ум версию насчет рогульки и спецобуви. На что получила резонный ответ:

— Примут за лиходеев и со стены застрелят.

— А мы рогульку чем-нибудь замаскируем и сделаем вид, что пьяные! — внесла я корректировку в условия поиска.

Вот теперь мое предложение приняли за рабочую версию, хоть и крепко претило жрецу втягивать в подобное шоу принца и впрягаться самому. Но лучшей идеи никто не предложил. Фиилор, храбро зажмурившись, объявил, что он на все согласен. Жрец неодобрительно похмурился, посетовал на тяжкий жребий и позор седин, помолчал. Кажется, даже помолился мысленно, ожидая нечаянного божественного откровения. Увы, не дождался. Филя парой жалобных протяжных вздохов его дожал. «Шериф» сдался, и мы крепко задумались над реализацией моего гениального предложения. Спустя час примерный план действий был выработан. Мы отъехали от города и остановились в рощице неподалеку. Загадать ее еще не успели, потому как на ночь город не запирался и примыкающих к стенам деревень-курятников не имел. Все это добро с успехом содержалось и размещалось в городской черте. Брр!

В загашнике у «шерифа» нашелся небольшой шатер (а я-то гадала, что это за нелепая скатка на крыше кареты, похожая на надувную лодку, сварганенную из ковра). Устанавливался он быстро, щитовики знали, как обращаться с рулонишем. Наверное, в перечень обязательных навыков телохранителей это умение входило.

В шатре мы с принцем и разместились. Жрец нацепил на себя светскую одежду, став еще больше походить на шерифа Ноттингемского и заставив меня прятать руки за спину. Очень захотелось пощупать располагающий вид сзади. Телохранитель Керт ограничился сменой выражения лица. Превратил вполне приятную физиономию в тупую морду

«моя твоя охранять, ничего не понимать». Кирт остался приглядывать за нами. Пусть по рощицам у города никто не шарится, но мало ли...

«Шериф» и щитовик отбыли в Кретаграт с важной миссией, включающей в себя встречу с местным начальством с целью подкупа и посещение обувщика. Доработка идеи принадлежала жрецу и основывалась на одном из забавных обычаев Вольных Пустошей. Тут считалось, — вполне, кстати, справедливо, — что пока парень не переделает всех глупостей, мужчиной ему не быть. Потому пусть делает, только под приглядом взрослых, а те ему еще и чудить помогут, чтобы накушался чуди до отвала.

Именно такой обряд мы якобы и должны провести тут, а дабы нас не подстрелили по случаю ненароком, нужны были переговоры и некоторая умеренная (дашь мало — обидишь, дашь много — разбудишь жадность) сумма для покрытия возможных расходов.

Поскольку молодежь тут выделялась по-всякому, наши поиски под прикрытием точно не должны показаться чем-то выдающимся. Выпендривается малец, и взрослые его опекуны выделяются, так пусть, тем паче за все уплачено.

Вольные Пустоши — вообще земли странные. Тут не то чтобы богам в лицо плюют или плевали, но в них здесь изначально особо не верили, еще когда сильна власть Ольрэна была, а после, как он сгинул, местные небожители заполнить с ходу пустоту не смогли. Слишком пропитаны земли были духом Ольрэна, поэтому даже лучшие из жрецов оказались не способны сотворить нечто значительное, а уж у богов и вовсе снизойти до Пустошей то ли не получалось, то ли желания не возникло. Может, на них чужой дух как аромат скотомогильника действовал. Вот и остались земли пустыми. Ушедший ушел, Пустоши не заполнились. Поначалу местные, может, и переживали, а потом привыкли. Верить во что угодно никто им не запрещал, а что чудес нема — так на Земле без немедленных и ежечасных чудес масса религий процветает. Нам эта пустота Вольных Пустошей даже выгодна, внимания не привлечем.

Фиилор, наконец-то переодевшийся в мужское, умиротворенно вздыхал и нетерпеливо метался у кареты, то и дело поглаживая рогульку. Молодой гладкоствольный вяз на опушке расстался с небольшой высохшей веткой без возражений. (Покажите мне дерево, умеющее возмущаться, и я скажу, что либо вы много выпили или нюхнули не того, либо забрели к толкиеновским энтам.) Теперь принц привыкал к инструменту, принюхивался к нему и едва не пробовал на зуб.

Кирт чистил оставшуюся пару лошадок. Я вязами, дубами и осинами

не интересовалась, зато, обнаружив рядом малинник, с наслаждением принялась опустошать заросли. Проклятая юбка, конечно, здорово мешала, но кое-как справилась. Поглазев на мою блаженную физиономию, измазанную в красном соке, принц осторожно заткнул рогульку за пояс и тоже стал лакомиться ягодами. Руки немного поцарапал, зато быстро наловчился избегать колючек на ветках. После нескольких съеденных горстей он удивленно отметил:

— Вкусно, я такие ягоды во дворце ел, они куда кислее были. Их всегда со сладкими сливками подавали.

— Малина — ягода хитрая, ее надо есть с куста, если сладкой хочешь. Полежит сорванная, кислить начнет даже самая сладкая, а уж если на леднике побывает, то такая кислая станет, скулы сведет! — наставительно пояснила я принцу, приобщающемуся к правильному ягодному вкушению.

Закончив с лошадами, Кирт тоже пошел к нам в кусты. Задумчиво забрасывая в рот ягоды, чавкнул:

— Странно, город рядом, а ягод море.

— Нет веганов? — вяло пожала я плечами, дублируя привычный для себя жест местным шевелением пальцев. — Или тут местный лакомка нескромных размеров обитает, с которым связываться не хотят. В Пустошах крупные звери водятся?

— Не знаю, нападет — проверим, — рассудил Кирт почти беспечно, а когда я указала на вопиющую безответственность телохранителя, ткнул в лошадей, спокойно жевавших траву. Дескать, если коники врага не чувствуют, значит, и нам опасаться нечего.

Успокоил настолько, что я пошла в обход кустов к ягодкам покрупнее, а Фиилор вовсе побрел куда-то почти в недра рощи, туда, где редколесье начинало походить на лесок. Окрик Кирта высочество оставил без ответа, а когда щитовик догнал парня, беглец что-то шепнул на ухо преследователю. Телохранитель мгновенно отстал, даже вернулся ко мне и пояснил четко, наверное, боялся, что я тоже пойду выяснять причину прогулки:

— Это... как ты сказала, зеленая остановка парню нужна.

— М-да, в решении таких интимных вопросов свидетели не требуются, — хмыкнула я, возвращаясь к ягодному истреблению. Я вообще до свежих ягод жадная, без фруктов всегда легко обходилась, но ягоды — моя слабость, полакомиться вдоволь можно лишь летом, а уж если свежесорванных хочешь — и подавно. Поэтому как вижу — удержу не знаю, особенно со сладкими!

Пока наслаждалась малиной, раздался панический крик, треск, и юный принц, отлучившийся по важным делам, вернулся назад со

скоростью бумеранга к австралийскому аборигену.

— Та-та-та-а-ам! ОН! — выдохнул Фиилор, по-плебейски тыча рогаткой пальцев на запад.

В здешних краях невежливым считалось указывать направление к цели широко расставленными указательным и средним пальцами одновременно, эдакая горизонтальная «виктория» получалась. Забавно, что допустимый вариант выглядел так же, как на Земле, — стандартно простертая ладонь.

— Кто «он»-то? — заинтересовалась я, не прекращая объедать куст. Лошади спокойны, я тоже. Чего и всем желаю.

— Ме-ме-дведь, — промямлил принц.

— И что делает эта помесь овцы и хищного зверя в «та-там»? — продолжила я допрос.

— Лежит в овражке в грязи, спит илидохлый, воняет, — почти не заикаясь, выдал бледный от пережитого ужаса юноша.

— Да, чувствуется, — потянула я носом. Почему-то ранее не осязаемая вонь разливалась в воздухе могучей струей.

Миг, и от Фиилора стало возможно не только прикуривать, но и заправлять огнеметы. Он сменил цвет не на мило-розовый и даже не на красный. Парень стал багряным, как сентябрьский георгин.

— Это не медведь, кобылу мне в жены! — первым догадался Кирт, крикнул, подхватил виновника аромата под локоток и увлек к карете переодеваться и подмываться.

Я запоздало покашляла от легкого чувства неловкости. М-да, не сразу сообразила, откуда волна аромата пошла, и юношу запозорила. А может, к лучшему? Перестанет всякие романтические взгляды в мою сторону кидать. Задолбал малость. Ничего не говорит, но вздыхает! Так бы и врезала, если бы таким мимишным не был. И когда сообразит, что не Симелия я и никогда ею не стану, хоть обвздохайся?!

Спустя четверть часа мы отправились проверять случайно обнаруженного Фиилором зверя. О досадном недоразумении по молчаливой договоренности никто не заикался. Правда, его высочество продолжил краснеть сильнее обычного и избегал встречаться со мной взглядом. Кирт посмеивался в несуществующие усы, но открыто над оконфузившимся беднягой не ржал.

Оказалось, что под кабинет задумчивости принц выбрал самую густую часть рощицы. Вроде и небольшая в диаметре, здесь она была похожа на дебри. Промоина, полная неизвестно откуда взявшейся полужидкой грязи, — довольно узкая, метра полтора в ширину, но глубокая, —

скрывалась под роскошными зарослями местного шедевра, название которого мне-землянке ничего не говорило. Зато глаза видели обыкновенный лопух, вымахавший от радиации до размеров дерева.

Под его широкими листьями в грязевой яме нашел свой последний приют здоровущий медведь. Зверь был очень и очень стар, бурая шерсть давно уже стала клочковатой и седой. В тех местах, где его не заляпала грязь, это просматривалось четко. Следов крови и ран заметно не было. Очевидно, здешний патриарх, прежде нещадно распугивавший любителей малины, банально скончался от старости, а грязь сыграла роль плохонького консерванта, не дав вони распространиться дальше места погребения.

Поглазев на немаленькую причину большого недержания его высочества, мы вернулись обратно. Вытаскивать медведя, разумеется, даже не пытались. Старый, вонючий и грязный — пусть покоится с миром. Мы за его путь в страну вечной охоты еще малинки поедим.

Часа через полтора прибыли из города Керт и жрец в штатском, вооруженные мешком самой разной, в том числе и побулькивающей, продукции. Что отрадно, не забыли про высокие сапоги, которым городская грязь не страшна.

С нужными людьми они перетерли, о запланированном буйстве молодого да раннего, возжелавшего вокруг города ночью протанцевать с девицей, кого нужно предупредили. В число нужных вошел и тип, гоняющий городскую стражу. Заковыристое название этой должности я не запомнила. Так что стрелять без предупреждения или даже после предупреждения в нас не должны, а потому осталось только распределить роли, не забыть реквизит и поскакать в закат. То есть начать представление под стенами Кретаграта.

Маскарадные костюмы были заранее sprysnuty дешевым вином, рот — прополоскан. Теперь от нас за милю разило местной сивухой. Фиилор остался при своем костюмчике и рогульке, мне как ночной спутнице героя предложили наряд пофривольнее. Принц стеснялся отчаянно, для меня же все виделось обычным спектаклем, в котором роли не всегда выбирают.

Примерила. Вырез платья оказался до того глубоким, что пришлось долго соображать, чем и как набить корсет, чтобы придать отсутствующим формам Кимеи хотя бы видимость присутствия. Единичка с половиной — все, чем обладала наперсница Симелии, — устроить наших дотошных режиссеров не могла. По таким размерам может вздыхать только извращенец-педофил или совсем уж сопливый юнец, для которого пьянка и разврат развлечением не станут. Ничего, кое-как прелести героини я увеличила до соблазнительного третьего, пожертвовав несколькими

чулками из актерской коллекции Фиилора. Потом мы еще раз обговорили все детали, дождались, пока начнет смеркаться, и понеслось!

Карета о четырех конях лихо затормозила не у моста, а у мосточка в три доски, перекинутого через смердящий ров. Из недр экипажа вывалились покачивающиеся и горлающие непристойные куплеты пассажиры: три мужика, один юноша и разбитная девица. Пританцовывая, все они двинули к мостику, у самого края рва приостановились, перешли на другую сторону, а потом с громким хохотом построились цепочкой, схватились за бока друг друга и... Отплясывая летку-енку — танец, какого еще не знал Фальмир и каковой пришлось для начала немного порепетировать, — лихо поскакали вдоль стены. Под гогот и похабные комментарии стражников, сверху приглядывающихся к чудакам. Мужики громко и с чувством советовали непременно пропустить девицу вперед и держать ее не только руками. Дурацкая шутка началась!

Мы прыгали, чавкая по грязи, телохранители периодически издавали гогочущие звуки потревоженных гусей и звенели бутылками в руках. Фиилор размахивал рогулькой с нацепленными на нее ленточками и регулярно взвизгивал. Все оттого, что хорошенько схватиться за его тощие бока у меня никак не получалось, выходило, будто я не держусь за парня, а щекочу его. Поначалу я пыталась найти более удобную позицию, не беспокоящую принца, но решила, что издаваемые жертвой крики как нельзя более соответствуют имиджу веселящегося пьяного сопляка под контролем трех матерых олухов-опекунов.

Кроме того, Фиилор смог приспособиться к ощущению непрекращающейся легкой щекотки довольно быстро и сосредоточился на собственном таланте, помогающем ему чувствовать цель поиска. Таланте слабеньком, но нашел же он как-то меня в захолустной таверне? Горя желанием разыскать возлюбленную невесту, почуял же как-то ее частицу во мне? А до этого, руководствуясь толчками подсознания, смог улизнуть из дома и преодолеть несколько границ.

Сейчас далеко идти не требовалось, правда, и размер ключа был поменьше пропавшей принцессы. Ну да попытка — не пытка. Юный искатель скакал, вздевая замаскированную рогульку, и пытался включить интуицию. Мы скакали следом для поддержания имиджа. Городская вонь кружила голову вернее хмеля и любовной горячки.

В итоге на первой четверти часа чуткий нос его высочества, покрасневший так, что фонариком сверкал в подступающих сумерках, не выдержал. Фиилор принялся чихать, да так отчаянно, что сбился с танца, споткнулся и умудрился неловко завалиться на бок. Мы все едва не

рухнули в подсыхающую грязь под стены Кретаграта.

Фиилор же на очередном «а-а-апчхи!» мотнул головой так, что ткнулся лбом в стену, заскулил от боли и рухнул на карачки в грязь, где и остался, отчаянно чихая и кашляя. Рогулька при падении вонзилась рядом.

Когда же мы попытались оказать бедолаге первую помощь, он стал отбиваться как безумный. Отстали мы от принца только после того, как высочество смогло в перерывах между чихом и кашлем проскулить:

— Он где-то тут! Рогулька не зря воткнулась! Мне ладонь как углем жжет!!!

— Кострища не видать, — резюмировал Кирт.

— Бери его! — скомандовал жрец.

— Не могу, — растерянно пожаловался Фиилор. — Когда мы расцепились, я чувствовать перестал, даже когда за рогульку берусь, не помогает.

— Так цепляемся обратно, — оперативно предложила я, хлопая принца по бокам, тот тоненько взвизгнул.

«Шериф» и Дабл-Кей восстановили цепь, и принц, не подбирая рогульки, зашарил по земле ладонями, радостно пыхтя:

— Щиплется, где-то щиплется совсем рядом... Вот он!

Радильярское чудо снова радостно пискнуло и, не щадя маникюра, выковырнуло из земли небольшой, с половину моего кулака, камень.

— Бульжник мелкий. Это ключ? — не поверил Кирт.

— Только он жегся и до сих пор пощипывает руку, — недоуменно пролепетал принц. От ликования, секунду назад клокотавшего в душе, не осталось следа. Камешек и впрямь был совсем невзрачный. В груди щебня закопай — не отличишь.

— Давайте круг закончим для проверки, — предложила я, и мы снова поскакали, уже через силу буяня, фальшиво веселясь и размахивая рогулькой. Правда, камешек выбрасывать не стали, его Филя припрятал в свой кошель.

К той поре как круг почета (вернее, амеба — кто бы стену ровным циркульным кругом строить стал?) вдоль стен Кретаграта завершился, ноги ощутимо гудели. Вдобавок я сапогами стерла пятку на одной ноге и натерла большой палец на другой. Из-за запаха сивухи и амбре городских стен откровенно подташнивало. От глупых вопросов случайных городских зевак, упражняющихся в остроумии, хотелось материться. Но все оказалось напрасно. Ни в какую сторону Фиилора больше не потянуло.

До кареты мы уже скорее ковыляли, чем скакали. Стража хоть и глумилась над буянящими недоделками, за транспортом, похоже,

присмотрела. Во всяком случае, карету не угнали и лошадей не выпрягли. Скинув грязнушие сапоги прямо на землю, хотели их тут и оставить. Не тут-то было, домовитый Кирт сгреб благоухающее добро в мешок из рогожи и примотал сзади кареты. Ну и пусть его, только, чур, пусть сам моет, я к этой дряни не прикоснусь. Хочет «енот-полоскун» лишней работы — его проблемы. Мы загрузились в экипаж и покатали к медвежьей роще. Лучше один невоняющий дохлый медведь и ночлег на природе, чем такой город.

Камень решили не рассматривать впопыхах, все отложили на завтра. К тому же его высочество опять отличился. Его начало тошнить, едва карета тронулась по ухабистой дороге. (Откуда же взяться шоссейному покрытию на Вольных Пустошах?) Мутило юнца качественно, а потом начало выворачивать так, что он едва успел высунуть голову из окошка кареты, чтобы порадовать местность видом всего съеденного на ужин и, как оказалось, выпитого.

Сивухой этот непризнанный гений театра не только полоскал рот для запаха, а еще и сделал несколько глотков для пущей достоверности. Цыплячий вес, тряска — и много ли надо жалкой родовитой тушке, вкушавшей лишь тонкие вина? Вот и уболтало болезного. М-да, счастье Фиилора, что рядом находилась не Симелия. Если б его обожаемая капризуля-принцесса увидела и понюхала жениха, точно нашла бы способ вдоволь поиздеваться над бедолагой. Мы же, пускай и посмеивались украдкой, ему еще и сочувствовали от души. Мелкий, тощий, полный нелепо-возвышенных идеалов и уже успевший столкнуться с их частичным крушением! Радильярского носителя голубых кровей было жаль. Дождавшись, пока его кончит полоскать, дали напиток водички, обтерли и снова тронулись в путь.

Фиилор вымотался настолько, что заснул прямо в карете, используя жреца как подушку, матрац и одеяло. Я даже позавидовала. Кто бы меня так бережно обнял такими руками...

Принц не проснулся даже тогда, когда его выгружали в свежееустановленный шатер. Дрых без задних лап, и я последовала его примеру. Все равно в таком тельце и с такими навыками никто меня в караул не поставит. Если и спугну кого, то лишь ударной порцией визга. Но не факт, что начну вопить раньше, чем меня придушат, поэтому на фиг такую сигнализацию, лучше спать.

Глава 9

ОБ ИМЕНАХ, ТАЛАНТАХ И СКВЕРНЫХ СОВЕТАХ, ИЛИ В РАЛЬИН

Утро встретило меня дружелюбным потрескиванием костерка (не зря вчера дровишки таскала вместо зарядки в перерыве между потрошением малинника!), запахом дымка и вполне приличным ароматом каши. Что втройне удивительно — кашеварил «шериф». Заметив мой заспанно-удивленный вид, усмехнулся краем рта и пояснил:

— Я не с пеленок посвящение Первоотцу принял, довелось всякое испытать.

— Э-э, — приподняла я в удивлении брови и ляпнула прежде, чем хорошо подумала: — Так ты вроде наследником одно время считался.

— Как считался, так и обсчитался, — без горечи, философски признал жрец. — На дороге к Первоотцу всякое пришлось пережить. Одно время с наемным отрядом по Фальмиру бродил, там и готовить научился. Не всегда маркитантки с нами были или трактир. Животу-то все равно, есть что рядом или нет, он свое требует.

— То, что умеешь, навсегда с тобой, в отличие оттого, чем обладаешь, — со знанием дела согласилась я, оставляя тему прошлого, и прибавила: — Всегда уважала мужчин, умеющих готовить. Пахнет вкусно!

— Мудреное ли дело кашу сварить? — чуть заметно смутился «шериф».

— У меня бы и того не вышло, на костре не умею еду готовить, и, судя по тому, что нашим завтраком занимаешься именно ты, щитовики тоже в кулинарии ноль без палочки.

— Они колбасой, сыром и хлебом довольствоваться хотели, — без зазрения совести сдал отсутствующих жрец.

— М-да, не диетпитание! Принцу после вчерашнего для желудка понежнее пищу надо, — хмыкнула я, припоминая нервическую диарею и стандартный сивушный перепил его мимишного высочества. — Остальные от горячего вместо бутербродного голодания тоже не откажутся.

Кашевар весело фыркнул и помешал в котелке еду.

После завтрака мы собрались вокруг Фиилора, чтобы хорошенько осмотреть добытое вчера ценой унижительного представления сокровище. Разочарование внешним видом артефакта было полным. Серый, угловатый,

не блестит, не летает, искры не высекает, не гудит, не звенит — короче, самый обычный булыжник. Именно невзрачным камнем как был вчера, так и остался добытый ценный предмет.

— Камень как камень, — озвучил общее мнение Кирт, взвесив булыжник на ладони с явственным сомнением.

— Боги видят и думают иначе, — огладив бородку, задумчиво промолвил жрец. Он в находке не сомневался, видимо доверяя поисковым талантам принца.

— Вопрос, куда его вставлять, пока все равно неактуален, будем ломать голову ближе к делу, — согласилась я под дружный гогот Дабл-Кей, оценивших шутку юмора.

Усмехнулся и «шериф», а Фиилор шутки не понял. Зеленые глазки похлопали наивно и чисто. Как такое чудо умудрилось в королевской семье родиться и в грязи властной не извальяться? Неужели его «шериф» хранил? Вполне возможно. Иной альтернативы не вижу. Пусть самый младший, но ведь при дворе рос. Сейчас, кстати, перебирая картинки из памяти Ким, вижу, как во время визита Фиилора в Ламильян ненавязчиво мелькал на периферии тип в сером балахоне, на которого особого внимания никто не обращал. Положенное почтительное отношение к служителю Первоотца и никакого любопытства к личности самого служителя — это надо было себя так хитро поставить!

Что ж, какой-никакой, а ключ мы добыли мирно, бескровно и без особого напряжения. Птичка «перепил», посетившая юного принца, и наше личное унижение вкупе со страданиями от вони не в счет.

Дабл-Кей, кстати, с явным сожалением приняли возвращение Кимеи в прежний, бесчулочно-корсетный вид. Мне осталось только хмыкнуть. Ничего, были бы кости, мясо нарастет, девушка, то есть я, сейчас будет хорошо питаться и дергаться на порядок меньше, чем в бытность свою наперсницей вздорной принцесски, а значит, округлится непременно. Главное, среди скопления людей жмуриться почаще, чтобы пятнышки не разглядывать и не нервничать, сжигая калории, предназначенные для откладывания в стратегических местах. Цель пусть не девяносто-шестьдесят-девяносто, но хотя бы до восьмидесяти сверху и снизу откормить тельце надо, тогда и мерзнуть постоянно перестану.

Ральин — заштатный городок Вольных Пустошей, лежал южнее Кретаграта. Никто из нас там прежде не бывал, но щитовики немного о нем слышали от одного из собратьев по учебе. Папаша того парня дернул из Пустошей, потеряв голову от любви к проезжей девице. Что удивительно, история закончилась благополучно. Девица его ухаживания приняла,

родитель ее, которого прыткий влюбленный ухитрился героически отбить от тройки грабителей, махнул рукой на тощий кошель ухажера и благословил молодых. Я бы, конечно, поставила на то, что несчастный влюбленный сам нанял грабителей для инсценировки героического спасения тестя, но Кирт и Керт подробностей не ведали. Зато со слов паренька, наслушавшегося от папаши историй о Вольных Пустошах, знали о родном городе пришлого достаточно.

Ничем особенным из массы городков, разбросанных по Пустошам, он бы не выделялся, если бы не одно «но», ставшее причиной моего сдержанного ликования: в городе имелась канализация. Была она причудой кого-то из предков нынешнего барончика, сотворившего ее по старинным чертежам, обнаруженным в библиотеке. Да, без благословения Дагонта исполнителям причуды пришлось тяжело, но канализация работала, и в городе можно было жить не только обладателям хронического насморка.

Вообще, тут у меня с семантикой и предрассудками из головки Кимей несколько непоняток накопилось, которые пришлось выяснять окольными путями методом наводящих вопросов и невинного похлопывания ресничками.

Оказывается, Пустоши именовались так не в силу малонаселенности, а по двум причинам. Во-первых, пространства там воистину были немалыми и в сравнении с прочими небольшими королевствами — почти пустыми. Во-вторых, существовали и вовсе необитаемые специфические участки, куда людям ходу нет. Возможно, как раз из-за того, что когда-то давным-давно там здорово похозяйничал Ушедший. Симптомы пребывания на нехороших землях Ольрэна включали звон в ушах, тошноту и головокружение. Волосы, правда, потом не выпадали, зубы не вываливались и язвами тело не покрывалось, значит, не радиация. Но все равно жить даже в самом распрекрасном местечке, мучаясь таким набором проблем, никто не желал. Дороги и те старались не прокладывать по неблагополучным землям. Животные — не люди, их в дурной край глупыми посулами и тройной оплатой не заманишь.

Короче, Пустоши стали пустошами не по причине дефицита растительности и населения, а по прочим объективным причинам. Баронами здесь именовали всех тех, кто смог подгрести под свою руку и удержать хотя бы один город и замок. Одно без другого не котирировалось. Воевали ли здесь? А как же, люди везде воюют. Но период бешеного передела собственности миновал в стародавние постольрэновские времена, и теперь народ не столько грызся насмерть, сколько вяло перебрехивался. Когда против тебя дружат все кому не лень, периодически пытаюсь

устроить чистку силами воинствующих фанатиков и пограбить награбленное, тут уж не до глобальных противостояний. А там и дочери-сыновья-тетки-дядьки-племянники переженились, и оказалось, что, куда ни плюнь, всюду родня. Своих же резать как-то неприлично. Хочешь доброй драчки, всегда можно с соседями сцепиться или с очередной партией фанатиков.

Словом, по Пустошам мы ехали, если и опасаясь разбойников, то не больше, чем в той же условно благополучной Валисанте, где Кирт так удачно сходил на разведку. Даже «шерифу» дорога казалась в достаточной степени безопасной, чтобы он разрешал засидевшемуся Фиилору проехаться на заводной лошади.

Мне никогда не понять, чем путешествие в карете с рессорами хуже, чем отбивание седалища на коне, с которого можно легко свалиться, но если мальчику хочется, то флаг ему в зубы и билет на елку.

Когда принц поскакал вперед, весело смеясь, только головой покачала. Ребенок до игрушки дорвался. Я усмехнулась — каждый имеет право не только на «лево», но и иметь хобби, то есть сходить с ума как ему заблагорассудится. Верховая езда — вполне безобидное увлечение. Кстати, впервые за наше совместное путешествие мы остались со жрецом один на один в замкнутом пространстве без посторонних ушей. Я не преминула воспользоваться ситуацией и задать давно зудящий на подкорке вопрос, ответа на который в скудном умишке Кимеи не нашлось:

— Прости, а как твое имя, лирт?

— Принимая посвящение Первоотцу, мы оставляем прежние имена, лирта, — коротко, без превосходства или раздражающего поучительного тона проинформировал собеседник.

— Так что, «лирт жрец» — и все?

— Зови как тебе удобно. Часть моих братьев принимает новые прозвания, но я не из таких, — кротко улыбнулся мужчина.

— Тогда, если не возражаешь, я буду звать тебя Шерифом, — ляпнула я давно крутившееся в голове прозвище.

— Шерифом? — покатал на языке незнакомое слово жрец, слегка удивившись.

— В том мире, откуда дернули мою душу, в древние времена шерифы являлись в одних странах представителями власти короля, в других — занимались борьбой с преступниками, были законом и судьей в одном лице...

— Хм, — явственно поразился столь оригинальному прозвищу жрец.

— Ты очень похож внешне на шерифа, героя одной популярной

истории, таким, как его представляли у меня на родине, — постаралась объяснить я свою причудливую ассоциацию.

— Интересный персонаж? — не без иронии уточнил знакомец.

— Вот именно, какой правильный вопрос! — обрадовалась я, хлопнув ладонями по коленям. — Не хороший, не плохой, именно интересный, мне он порой побольше главного положительного героя нравился.

— Я же не мальчик Фиилор, чтобы стремиться к великим подвигам во имя милого личика. Да и ты на девочку Кимею, какой я ее помню, не слишком похожа.

— Знак Первоматери уже рисовала, проверку прошла. Уже говорено, и не секрет, — пошевелила я пальцами, — лицо принцессы, тело Ким, часть ее памяти, как библиотека с книгами на полках и набором картинок в рамках, а душа моя, которую ваш Ольтрэн из моего собственного, почти наверняка умирающего тела засунул.

— Расскажешь? — пытливо воззрился жрец, все-таки едва заметно поморщившись при упоминании Ушедшего, являвшегося идейным противником его собственного божественного шефа.

Что-то в голосе и участливом взгляде было такое, что я, наивная Дунька, взяла и рассказала практически все о пятнах, лысом типе с портфельчиком, грозе и злополучной ветке.

— То есть ты умерла, спасая ребенка, и получила это тело в награду? — подвел итог жрец.

— Какой-то сомнительный, честно говоря, приз, — фыркнула я. — Но лучше такой, чем гибель и новая жизнь с пеленок. Тот, на кого я работаю, счел это бонусом. Я пока до конца не определилась. Все равно претензии направлять некуда. Они таким, как Ушедший и моя Смерть с Земли, до фонаря. Буду жить как есть, хотя, если ключи Ольтрэна и правда способны метаморфозы контролировать, я бы не отказалась от прежнего облика. Лицо принцессы слишком приметно — раз, а тело Кимеи слишком худое — два, я в нем все время мерзну!

Жрец по-доброму рассмеялся, выслушав мои рассуждения, и разрешил:

— Можешь звать Шерифом, мне нравится, как звучит.

— Здорово, — улыбнулась я и еще некоторое время, пока Фиилор не накатался на лошадке, отвечала на вопросы о своем мире, о работе с пятнами и вообще о всяких пустяках, привычных мне и странных фальмирцу.

В хорошей компании дорога кажется недолгой и простой для тех, кто едет. Для тех же, кто везет, все может обстоять с точностью до наоборот.

Где-то три четверти дня мы ехали ровно, изредка слушая озадаченное бормотание Кирта и Керта, изучавшего редкие столбы-указатели. Но вот не遠деке замаячила деревенька. Тракт шел мимо — очевидно, проезжающие не видели толку в визите к крестьянам, но на обочине нам попался медленно бредущий дед. Кирт притормозил, чуток запылив прохожего, и выпалил:

— Будь, дед! Какая дорога на Ральин? И сколько ехать?

Старик поднял на кучера сумрачный взгляд, махнул рукой прямо и прошамкал:

— Дня полтора пути, ежели на ночь не останавливаться надолго.

— А чтоб покороче, пути случайно не знаешь? — крикнул щитовик.

— Вон за леском дорога для безумцев, — хекнул старче, раздраженно ткнув клюкой в нужном направлении, и сплюнул. Чем-то ему вопрос не понравился, может, какие воспоминания навеял, а может, он пыль не любит?

Кирт бросил деду монетку и прищелкнул языком, подгоняя лошадок.

За лесочком, вытянувшимся тонкой полоской, будто щетина зубной щетки, и в самом деле отделялась от относительно наезженного тракта едва заметная в разнотравье старая дорога. Если ею и пользовались, то очень нерегулярно. Но соблазненный словом «короче», Кирт направил карету именно туда, поясняя всей компании:

— Ничего, карета нетряская, колеса высокие, проедем и так! Дождей давно не было, на небе ни облачка, не завязнем!

Я лично опыта каретовождения не имела, поэтому возникать с советами не стала. Остальным, похоже, тоже было все равно, где и как, лишь бы поскорее в Ральин. Кажется, мы заразились фальмирским аналогом золотой лихорадки — ключевой. Нам не терпелось добраться до города с канализацией, очутиться на его площади и попытать счастья в розыске второго ключа.

Интересно, он тоже окажется булыжником и его придется выковыривать из мостовой или из стенки ближайшего здания? Я представила себе наши разрушительные потуги, стражу, пытающуюся арестовать компанию за вандализм, и тихо хихикнула. Да уж, веселый парень был, то бишь где-то там есть, этот Ольрэн Ушедший. Устроил знатное развлечение всем охотникам за ключами: квест из серии «ходилка-бродилка-добывалка». Хорошо бы в итоге ничего составлять из имеющихся деталей не пришлось. А то мы ни разу не ремесленники. Сделать щитовики могут только больно, Фиилор — стишок или истерику, а я — составить баланс. Жрец Шериф у нас, правда, еще по каше специалист, но вряд ли на

финальной стадии процесса предполагается варка каши из топора. Впрочем, имея за пазухой лишь один камень, рассуждать о результате рановато.

Я вздохнула и обратила внимание на то, что карету стало как-то слишком сильно и беспорядочно потряхивать, даже скорее поматывать, как недоработанную бетономешалку. Мы с Шерифом схватились за сиденья и за ручки на дверцах, а Фиилор — за кожаный мешок, привычным жестом выхваченный из-под сиденья. Прежде чем я успела задать вопрос о причинах, карету снова тряхнуло так, будто Дабл-Кей решили поиграть в шоферов КамАЗа с дровами, а юный принц склонился над мешочком и издал характерный звук.

— Эй, мужики, что там творится?! За нами погоня?! Фиилор уже завтраком хвалится! — выкрикнула я и сама едва удержалась в сидячем положении, настолько резко заболела голова, зазвенело в ушах и замутило.

На лбу Шерифа выступил пот, и смугловатый оттенок кожи ощутимо посветлел. Кажется, жрецу приходилось настолько несладко, что он даже возмущаться был не в силах, тем паче задавать внятные вопросы.

Щитовики ответили не сразу, зато нервно заржали, всхрапывая, как лошади. Наконец раздался сдавленный голос Керта:

— Кони почти обезумели или ослепли, словно дорогу не видят!

— Ага, хоть самим впрягайся, кобылу мне в жены! — прохрипел Кирт, а потом раздалось какое-то гроыхание, присоединившееся к общей какофонии звуков, и сердитое ржание.

Карета замедлила ход.

Керт торопливо рявкнул:

— Жрец, быстрее за кучера садись, или опять разобьемся, да так, что ни один бог по кускам не соберет! У нас Йорда-безумца под рукой нет!

Шериф, как бы скверно себя ни ощущал, взметнулся со своего места. Воля у служителя Первоотца оказалась сильнее личного недомогания. Я вывернула голову в сторону окна и обомлела — рядом с каретой гарцевали два новых, точь-в-точь похожих на пару свалившихся вместе с коляской с обрыва, вороных коня. Щитовиков видно не было.

Шериф ринулся к упряжке. Запряженные лошади бушевали, но каким-то чудом двум новым коням без упряжи удавалось сдерживать нервных кобыл: то ли личным примером, то ли гневным ржанием, то ли покусыванием. Наконец жрец занял место кучера и карета снова тронулась. Да, ухабы и тряска никуда не исчезли, но теперь кони без упряжи направляли бег испуганных животных в нужном направлении и немного успокаивали их.

Наблюдать, высовывая голову, было слишком рискованно, да и тошнило изрядно, пусть и не настолько, чтобы, как Фиилор, за мешочком прятаться. Парень же, из бледного и синеватого став зеленым, выкинул отработанный кулек в окно слабым взмахом, сполз на пол и просто отключился. К лучшему! Главное теперь — присматривать, чтобы его снова рвать не начало. А то захлебнется. Кое-как, при очередном потряхивании кареты, я тычком повернула его ногой набок и перевела дух.

Трясло, мутило, звенело и вообще было хреново, как после отравления, еще целую вечность объективной длиной где-то с час. Потом карета пошла ровнее и вскоре вовсе остановилась.

Привалившись к кожаной спинке диванчика, я ждала. Любопытство взяло отгул вместе с жаждой познания. Вылезать и разбираться, что к чему и как, ни сил, ни желания не возникло. Я просто ловила сладкие мгновения блаженства: перестало мутить, ушла головная боль, в распахнутое оконце вливался запах разнотравья и пыли, заглушающий запашок от невезучего принца.

Окно заслонила тень, дверь кареты распахнулась. В проеме показался Шериф:

— Как вы? Что с Фиилором?

— Его тошнило сильно, чуть ли не наизнанку выворачивало. Сейчас, кажется, спит. Дышит вроде ровно. А я познаю счастье, приближенное к состоянию «значит, вы умерли».

Шериф шутки не понял, пришлось расщедриться на вялый пересказ старого анекдота:

— Если вы проснулись и у вас ничего не болит, значит, вы умерли.

— Мы-то точно живы, — возразил жрец.

— А щитовики?

— И они. Снова в людей обернулись и повалились, где конями стояли.

— Значит, мне не примерещилось и они действительно в жеребцов превращались, — уже почти ничему не удивляясь, пробормотала я, пока жрец за подмышки ловко вытаскивал на свежий воздух спящего принца.

Особо он не осторожничал и бережностью также не отличался, пожалуй, иной крестьянин мешок с картошкой заботливее тягает. А-а-а, ясно, я за собственным приступом дурноты и не углядела, как извасюкалось высочество. Хорошо, где-то журчание слышно. Речка или ручеек имеется, отмоем. Вернее, кто-нибудь отмоем, не мне же с ним цацкаться, да и не дастся, со стыдухи скорее помрет. Бедный Фиилор. Вот так и рушатся девичьи мечты о дивных принцах! Радует то, что у меня таковых отродясь не водилось. Несчастному юному высочеству, когда он не

донимал всю округу печальными вздохами и проникновенно-робкими взглядами, я даже немножко симпатизировала и сочувствовала. Забавный он паренек, даром что принц.

Лошади шумно дышали, бока у бедных тварей так и ходили. Хлопья пены вроде не висели, но утомились кобылки изрядно. Их, наверное, распрячь надо и поводить, чтобы остыли после гонки, а то еще падут или нахлебаются ледяной водицы и болеть будут. Кажется, читала, что им такого нельзя.

Кряхтя, как столетние старцы, начали ворочаться на травке Дабл-Кей. Перекатившись на бок, Керт выплюнул вместе с клоком растительности, каким-то чудом оказавшимся во рту, фразу:

— Тьфу, ну старик, сволочь, дал совет!

— Если бы той же дорогой не возвращаться, я бы не поленился его кнутом протянуть! — выплюнул свою порцию угрозы и шмат сена Кирт.

— Вы ж просили короткую дорогу, а насколько она проходима и переносима — не заикнулись, — резонно заметила я. — Дед же сказал — дорога для безумцев.

— Я ж ему монету кинул, — еще раз сплюнул с вязкой зеленой слюной травинки Кирт и таки поднялся, чтобы побрести к пережившим испуг лошадям.

— А он дедушка Западло, — находчиво предположила я, тоже выбираясь из кареты и разминая ноги.

— О-о-о, — простонал Керт, полоща рот водой из фляги, — лучше десять раз псом, чем один конем! Эти твари вообще думать по-человечески не приучены...

— После них голова — как после десятка дядькиных именин, кобылу мне в жены! — поддакнул Кирт, отбирая у брата флягу, чтобы к ней присосаться.

Заинтересовавшись рассказом, я подошла ближе к упряжке и едва успела отскочить. Ближайшая кобыла чуть не съездила мне копытом по бедру. Ну их, скотин, у нас тут два телохранителя-метаморфа объявились, они с копытными теперь на «ты». Вот пускай выясняют, кто есть кто, и заботятся, братья по разуму!

Почему-то меня лошади явственно побаивались, оттого и бесились. Это меня-то, такую мелкую и ни одним копытом не вооруженную?! Хотя... порой у нас в сказках встречались оговорки, будто животные могут смерть видеть. Может, в этом причина? Лошади каким-то образом чувствуют, что я тесное знакомство с лысым типом при портфеле водила, оттого и шарахаются и копытами стучат в качестве самозащиты? Пусть их, не

очень-то и хотелось. Ногами ходить буду или в карете ездить, а не в седле попу отбивать.

Мое дело в отряде маленькое: приглядеть, чтобы черных пятнышек ни на ком не проступало. Сейчас, кстати, меток смерти не просматривалось. Их не было и тогда, когда карета съезжала на дорогу в космонавты. Почему туда? А как иначе обозвать эти мучения для вестибулярного аппарата? Понимаю, что никто нас в космос запускать не собирался и все страдания вышли исключительно добровольно-идиотскими, потому как срезать путь мы решили через одну из мертвых зон, тех самых, оставленных Ольрэном то ли нечаянно, то ли как напоминание и назидание потомкам. Зон, прозванных Пустошами, из-за которых местность и получила свое не особо поэтичное название.

До моих компаньонов финт моего восприятия тоже дошел в ближайшие полчаса. Кирт попытался было высказать претензии насчет непрозвучавших предупреждений. Дескать, чего не предостерегла? На что я огрызнулась: мучения смертельными не являлись, поэтому никаких знаков я не видела и предупредить никого не могла. Я ж детектор смерти, а не недомоганий. И вообще, страдала заодно со всеми и даже больше, потому как они здоровенные мужики, а я девушка хрупкая. Больше, чем мне, разве что Фиилору досталось. Он по жизни играет роль козлика отпущения. Вечно все шишки на себя собирает. То ли до сих пор к существованию вне стен дворца приспособиться не может, то ли сам в таких вышних эмпиреях витает, что его все невзгоды (кроме жмущих женских туфелек) не касаются. Беды стараются-стараятся, из шкуры вон лезут, донимают принца, а он встряхнется, умоется и дальше идет, сочиняет, мечтает, прожектерствует...

А лирты щитовики пусть варежки захлопнут! Клиент жив, претензии не принимаются! Кляня все и всех, а дурацкие шутки Ушедшего в особенности, телохранители заставили себя вплотную заняться лошадьми. Меня после неожиданной атаки копытом присоединиться к почетному обществу животноводов не позвали.

Фиилор, наскоро отмытый жрецом в ручье, отлеживался, а я Шерифу с костром стала помогать. Мы запалили огонек и согрели водички. Крепкий чай хорошо давление поднимает. Тут хоть обычного чая и не водилось, но сбор из трав, напоминавший по вкусу зеленый чай, имелся. Пришлось давиться им, чтобы поскорее оклематься, ладно хоть кусок пастилы выдали. Медку охота!

Позабывшись о лошадках, Кирт и Керт тоже приземлились у костерка в ложбинке и перекусили. Вернее, сожрали как минимум

трехдневный запас продовольствия. Видать, на операцию укрощения обезумевшей упряжки и смену обличья мужики прорву энергии потратили, и никакой травой, какую отплевывали после возвращения к внешности хомо сапиенс, дефицит возместить не получилось.

— Зато теперь у нас есть информация! — бодро объявила я мрачным после нечаянных метаморфоз людям.

— То есть мы не только люди, собаки, а еще и кони? — кисло хмыкнул Кирт.

— То есть превращение активируется не с бухты-барахты, а в критическую для носителя дара минуту! — прихлебывая чай, ткнула я щитовика носом в очевидное. — Вы же себя и нас спасали! Пусть не жизнь, но здоровье точно сохранили!

— Каково оно — себя, лошадью ощущать? — любопытствовал Шериф.

— Конем, — скрупулезно поправил Керт и перевел впечатления на почти литературный язык, пока Кирт давился здешним вариантом ненормативной лексики. — Странно сейчас. А когда случилось, словно только так и надо. Память о цели есть, но ощущаешь себя не человеком в шкуре жеребца, а конем с ошметками памяти человека. Больше память о конкретной цели ведет, чем человеческие мысли.

— Удобно, — рассудил Шериф, меряя щитовиков задумчивым взглядом.

Надеюсь, при этом он не прикидывал, сколько кубометров дров надобно для сожжения пары мужчин, оскверненных касанием Ольтэрна, или сколько литров кипящего масла понадобится для «водных» очистительных процедур?

Вроде на фанатика жрец не походил, и его неприязнь к Ушедшему, в чем я убеждалась чем дальше, тем больше, носила сугубо идеологический характер. Выражать явную симпатию противнику своего бога, от которого черпаешь силу, не полагается, так же как поощрять еретиков. Но кормить их можно и даже нужно, а то помрут раньше, чем убедятся, что Первоотец — лучший из богов.

— И вообще, вам повезло! — хихикнула я, чавкая пастилой.

— В чем, лапуля? — стал прикидывать Кирт. — Не будь мы конями, не смогли бы карету дорогой безумцев провести?

— Не-а, — прыснула я. — В том, что среди лошадок ни одной течной не было. Как бы вы себя после ощущали, а, если б инстинктам волю дали? Любимая присказка Кирта реальностью бы стала!

Щитовик заржал, похмыкали и Шериф с Кертом. Фиилор спал,

поэтому смутиться не мог.

Глава 10

РАЛЬИН: ПОИСК ПО ПЛОЩАДИ

Когда принц очнулся, день уже клонился к закату. Своим желанием сократить путь мы его существенно удлиннили. Не критично, конечно, но неприятно. Пусть нам график никто не чертил и сроков путешествия не закладывал, но получилось забавно. Практикой проверили присказку: «Самая длинная дорога начинается со слов: „Я знаю короткий путь“». Озвучила ее компании, и все вместе посмеялись.

Зато из-за срезания дороги устроились мы в таком неподходящем месте, что никто из проезжих присоединиться не пожелал. Или дело было не в расстоянии между пунктами, а собственно в точке стоянки? Может, мы, пока по Пустоши колтыхались, успели малость адаптироваться к тошнотворной невыносимости и сейчас не замечали ее привкуса, как не замечает бензинового запаха человек, чей дом стоит рядом с широкополосной дорогой? Не суть важно. Принц проснулся уже не голубым или зеленым, а чуть розовым со сна на свежем воздухе.

Кирт первым заметил и заботливо уточнил:

— Ты как, высочество, очухался? Не мутит больше?

Высочество смущенно улыбнулось и бочком-бочком поползло в кустики. Кирт крикнул и пошел проводить немощного. Надеюсь, до «подержать» у них не дойдет, а то принца так шатает, будто он во сне половину вчерашней сивухи выхлестал.

— Из-за меня вы задержались, — по возвращении виновато засопел Фиилор, продолжая разговор, начатый в лесочке.

— Не бери в голову, все равно упряжь проверить надо было и отдохнуть толком. Не одному тебе дурно в дороге стало, — утешил Кирт беднягу, кивнув в мою сторону.

Да уж, здоровый румянец вообще никогда не числился в достоинствах внешности принцессы. Она его и не стремилась добиться. Симелию вполне устраивала благородная бледность. Она ее загадочной и романтической считала, а не признаком анемии, как медики на Земле. Фиилор кинул на меня взгляд побитой собаки, я отмахнулась — дескать, было бы из-за чего страдать. А этот чудик вдруг подорвался с места и кинулся назад в лес со всхлипами.

Бежать следом? В платье по кустам? Щаз! Нашли идиотку! Это ведь не

городской парк! Здесь кто угодно водиться может. Разумеется, я осталась сидеть где сидела, давая радильярцу возможность пострадать вволю, остальные тоже не мешали принцу заниматься ерундой. Как говорится, почему бы благородному дону... и так далее и тому подобное. Жрец, правда, посмотрел на меня почти укоризненно (или все-таки вопросительно?), но приставать с глупыми предложениями не стал. Молодец! Все равно бы не уговорил. Может, высочество опять там рвет или несет, а я вяпаюсь. Мальчик-то он милый, никто не спорит, творческие планы лелеет, но его отходы не розами благоухают, факт. В одной карете посидели, точно знаю!

Кирт привстал было, глядя вслед пареньку, но с утешениями не помчался. Пусть юноша проревется, сбросит напряжение, лучше спать будет ночью.

Ага! Как же! Размечталась, одноглазая! Ночью меня снова разбудили завывания, раздающиеся вблизи нашего шатра-палатки. Были то вовсе не хищные звери, жаждущие свежатины, а очередная дурь, вступившая в голову Фиилору. Жрец и Керт дрыхли, а я проснулась от всхлипываний и жалоб. Кирт, изображавший нашу бдительную охрану, оказался единственным бодрствующим обладателем ушей, готовым проявить сочувствие и выслушать ранимое высочество. Ей-богу, даже Симелия так часто не истерила, хотя тоже королевских кровей и вообще девица, которой природой положено быть изнеженной и капризной. С другой стороны, покойница по дорогам не шлялась, ища приключений на свою, хм, скажем, голову.

Лежала я под одеялом, невольно прислушиваясь к стенаниям Фиилора. Если прикрыть глаза и представить, что за стеной телевизор с каким-нибудь нудным сериалом идет, может, получится снова уснуть?

Принц же гастролировал, накручивая себя и других, припадок набирал обороты. Все претензии парня к мирозданию сводились к недостатку личного мужества, физической формы и тому позору, каковой он ощущает, представ в столь неблагоприятном облике перед девой с лицом покойной невесты.

М-да, засранец переживает, что он засранец. Встать, что ли, пойти и сказать проникновенно, что физиологические проблемы — это фигня, а вот разбуженные в неурочный час и рассерженные девушки — это действительно неприятно, особенно если под рукой окажется тот котелок, в котором варили кашу на ужин?

Нет, лень, да и без толку. Заикаться еще начнет высочество или с перепуга дар наводчика утратит. Ох уж эти чувствительные вьюноши со

взором горящим! Им разборки с девами строго противопоказаны. Ладно, пока вместе путешествуем, у парня есть шанс убедиться, что я не Симелия и не фея, которая благоухает фиалками и радугой справляет нужду. Поглядит-поглядит, авось восторженность на нет сойдет и сам себя по-другому воспринимать начнет. Надо как-то показать, что ничего дурного в том, что происходит, нет и проблемы случаются с каждым. Пукнуть, что ли, напоказ? Или рыгнуть для начала? Решено, с завтрашнего утра начну операцию по деромантизации светлого образа Симелии. Главное, аккуратно действовать, а то высочество возьмет да и наложит на себя лапки от разочарования в высоких идеалах. Убиться, конечно, не убьется, но лечи потом...

Тихо загудел рядом со всхлипывающим Фиилором голос Кирта. Наш трепач кому угодно лапши навешает и незабудками декорирует, дай ему только волю. О... вроде действует! Всхлипывания стали реже, а потом и вовсе затихли. Послышался короткий всхлип, сопровождаемый тихим дружеским похлопыванием. Силу щитовик дозировал, а не то сломал бы высочеству хребет к такой-то матери.

Потом едва слышно звякнуло, стукнуло и булькнуло. Кажется, принца чем-то поили. Спустя пяток минут хлопнула тяжелая ткань шатра, и Кирт почти внес пошатывающегося принца, чтобы устроить на ночлег. Укрыл его заботливо, чуть ли не краешек одеяльца подоткнул. Запах, донесшийся до меня, четко подсказал, что если щитовик поил высочество чаем, то процент собственно чая в этом растворе выпивки был минимален. С другой стороны, много выхлебать принц точно не смог бы, и пахло на меня не сивухой, а чем-то благородным, вроде крепкого коньяка. Неужто ради Фиилора Кирт свою личную заначку вскрыл? Не знай я, какой щитовик по девкам ходок, точно решила бы, что за другую команду играет. Эх, циничный мир меня испортил. Один взрослый человек о другом позаботился, а я уже пошlostями сыплю. М-да, меня-то доброй давно никто не считает. Язвительность — неплохой щит, не дающий чужакам подходить ближе и забираться в душу. Широкая улыбка тоже порой помогает, но это для любителей компании, мне же с циферками спокойнее, пятнышек не видно.

Как бы то ни было, после беседы по душам и чаю с добавками отрубился принц быстро и даже не орал во сне, мешая отсыпаться другим, а если и дергался, то никто не заметил. Все-таки в шатре, которым обеспечил беглое радилярское высочество Шериф, впритык, но места хватало всем. А середина теплого лета позволяла не мерзнуть.

Я тут прикинула по сезонам, по географии и всему тому, что смогла

выкопать из небогатой на информацию головки Кимеи, и сообразила, что на Фальмире всего один относительно большой материк, очертаниями смутно напоминающий сплюсненную Австралию, и россыпь малозаселенных островов, слишком мелких, чтобы на них могло разместиться нечто крупнее рыбацкой деревеньки. На материке, расположившемся весьма удачно, — или это его так расположили местные боги, — погода ужасными потрясениями не грозила. Лютой зимы и иссушающего зноя не воцарялось, зато весь условно зимний сезон, месяца три, если на привычный календарь переводить, шли такие проливенные дожди, что все превращалось в грязь разной степени густоты. Народ тогда предпочитал отсиживаться по домам и созерцать буйство стихии из окон. Никакие плащи и зонты не спасали.

Не знаю, сколько времени отнимет наше путешествие, но если в треть года не уложимся, придется где-то подыскивать жилье и пережидать непогоду. Тащить куда-то хилого принца и тощую тушку Кимеи чревато, простудятся как пить дать.

Заспалась я после ночной побудки. Меня великодушно не будили. Фиилора-пьянчужку, кстати, тоже. Шериф с щитовиками варганили завтрак и тихо беседовали о вчерашнем инциденте. Это я так про превращение в лошадей. Шериф предполагал, что теперь мы имеем на руках если не всю, то большую часть палитры последствий ритуала от Йорда. Милостью, шуткой или проклятием Ольрэна (у Ушедшего одно от другого порой не отличить, хоть под лупой разглядывай) наши тела подверглись изменениям. Если со мной все точно ясно: такое завернули, что ум за разум заходит (душу, тело и память смешали!), то у Дабл-Кей все куда занятнее вышло. Их преобразовали неодинаково. Керт получил возможность превращаться в большого пса и лошадь, а Кирт к ипостаси жеребца добавил часть талантов, которыми обладал конюх принцессы, но не его обличье. Наверное, какой-то закон обратного сохранения массы работал и на Фальмире, поэтому щитовик не мог обращаться в настолько меньшую тушку одной с собой расы. Тимас-то был пареньком отрицательной комплекции. Как так? Да в сравнении с ним Фиилор казался высоченным жирдяем! Словом, Шериф порасспросил подопытных кро... хм, нет, пусть будут кобелек и жеребчики, и окончательно выяснил, что полного замещения сознания при метаморфозе не происходит. В любом случае щитовики оставались сами собой, менялись лишь частично восприятие, умения и/или облик.

Информация не то чтобы сверхценная, но смысл имела. Значит, к коням-оборотням и псу-Керту я по-любому смогу подходить спокойно, не

боясь, что меня стукнут копытом или цапнут пастью на рефlekсах.

Шериф осторожными расспросами все это уточнил дополнительно. То есть до меня ему особого дела не было, а вот дрыхнувшее подопечное высочество предполагало необходимость заботы, ибо само по себе вне сферы опеки существовать не могло. Неудобно, ну так за рыбками в аквариуме или домашними котиками тоже присматривать полагается, а толку от них куда меньше: одна релаксация и эстетическое удовольствие. Хотя убытки и проблемы тоже несопоставимы. Что может котик? Поцарапать мебель и сделать лужу в неположенном месте! Всего-то! Что может Фиилор? Да вообще что угодно. Этот мимишный мальчик за время нашего совместного путешествия уже успел один раз напиться в зюзю, один — обгадиться, а уж сколько раз его тошнило... Хорошо еще гардероб у принца изрядный и на постоялом дворе ему вещички простирнули (измазанное после в отдельном мешке ждало очередной стирки, не моими, разумеется, руками). Зато высочество явило и пользу: нашло ключ и готово к дальнейшим поискам, поэтому его нытье и скверное самочувствие можно терпеть. И вообще, он пушистый и миленький, как персидский котейка, на крайняк для релаксации и его погладить можно.

Ей-богу, мне кажется, из нас двоих носить штаны полагается мне. С другой стороны, Фиилор вон и в женском тряпье себя чувствовал неплохо, если не считать трущей обуви. Когда я вчера мимоходом похвалила его талант к маскировке, запросто признался, что у папы в королевском театре частенько девиц играл. Театрал, блин, дизайнер и актер! А тут тело вроде к шмоткам женским жестким привычно, а душа другого требует. Где, где мои любимые джинсы со стрейчем, лифчик и блузочки? Не-ту! Хлюп! И взять неоткуда, пойду съем каши с копченым мясом — и в дорогу. Вряд ли в Ральине найдется приличный магазин женской одежды, но портные-то небось имеются? Достали корсеты! Хочу лифчик на заказ и трусы, а не панталоны в стиле кружевных бермудов. У мужиков, кстати, та же конструкция, только без кружев. Нет, я в дизайнеры, в отличие от Фильки, не рвусь, мне бы сугубо для личных нужд.

И тут меня осенило: чего я торможу, про портных рассуждаю?! Это у Катки на Земле руки кривые всегда были, а Кимея-то шить умеет, надо лишь подходящую ткань раздобыть и инструмент, все сошью сама, идеи сливать не придется. Если только вон Фи ил ору... ай, надоело язык ломать, пусть будет Филькой! — секреты поведаю. Когда совместное, хи-хи, дело открывать соберемся! Итак, хочу в Ральин! Только, чур, по нормальной дороге, ухабы можно, но без тошнотворных Пустошей.

На сей раз дорогу мы выпрашивали скрупулезно, чтобы не влипнуть

по новой. Впрочем, чем ближе к городу — очередной цели нашего назначения, тем люднее становилось. Стадность, конечно, плохое чувство, но в данном случае именно массовость путешественников и наше следование за большинством служили гарантией наезженности и безопасности путешествия. Так что, не считая клубов пыли, вздымаемых парой-тройкой встречных и попутных групп, никаких особенных неприятностей не случилось. Разбойники и те здесь не попадались. Судя по суровым лицам нескольких отрядов вояк, составляющих разъезды, не зря лихие люди предпочитали держаться подальше от Ральина. Может, те самые, в чью засаду мы едва не вляпались, отсюда и откочевали на свою беду в поисках лучшей доли.

Ральин с виду на картинку из рекламного буклета не походил. Обычные серые стены, кое-где видны следы ремонта кладки, рва вокруг нет, но и нечистотами не несет нестерпимо — так, обычная вонь населенного города. Если в моем мире бензином и резиной тянуло, то тут — навозом и немытым телом. Лошадь-то — основной вид транспорта, а городская канализация не является залогом индивидуальной гигиены, коль Дангот не в почете.

Впрочем, у нас в общественном транспорте порой и не такого нюхнешь, даром что вроде как развитая цивилизация. Если бы за запах штрафовали, может, кто и почесался бы, а так не нравится — не нюхай. Общественный транспорт я не любила особенной любовью, проистекающей из восприятия мира через пятна. Там-то потенциальных смертников можно навидаться с избытком, а за пятнадцать минут езды до нужной точки попробуй обработай так, чтобы сбить с пути, ведущего к скорому финалу. А? Вот то-то и оно, сложно, хотя выкручиваться я привыкла, чтобы собственную, окончательно незачерстевшую совесть успокоить.

Одним из излюбленных приемов стала имитация громкого телефонного разговора. Кнопочку нажму, смартфон брямкнет, я трубку к уху и разоряюсь на нужную тему. Если какое заболевание вижу, то прямым текстом шпарю, якобы подругу просвещаю, как некто помер совсем не по-геройски, недуг по-глупому запустив. А если что непонятное, то уже диверсии в ход шли. Могла, если смерть от травмы физической видела, втихую толкнуть смертника на поручень или на выходе со ступенек. Лучше рассыпать синяков или даже перелом, чем деревянная квартирка. Первое пройдет, второе — насовсем. Часто помогало.

В очереди на въезд в город карета наша стояла недолго, основной поток утром схлынул, а для вечернего время еще не пришло. Лошади,

реагируя на жару, недовольно пофыркивали, мы стоически терпели. Хотя карету через крышу успело пропечь изрядно. Пирожок в духовке в сравнении с потной мной чувствовал бы себя мороженкой на леднике.

Когда в наше оконце заглянула небритая физиономия и дыхнула перегаром, равнодушно разглядывая въезжающих в Ральин, я вяло просканировала дядю на предмет пятнистости и почти не удивилась. Везет мне, первая же харя — и черное пятно на груди. На бандитов, что ли, нарвется? Нет, тогда пятно бы другой формы было, а тут явно все сердце очерчено. Что ж так душно-то... Черноволосый одышливый страж, проявив формальную бдительность, махнул рукой, не сочтя нас социально опасными. О, меня осенило! Подавшись к окошку, я торопливо выпалила, заморгав глазками так, как в прошлый раз, когда у подавальщицы молочка выпрашивала:

— Будь! Лирт страж, надел бы ты хоть капюшон от куртки и холодненького выпил, духота такая, что и быка свалит!

— И то верно, лирта. — Грубоватая, равнодушно-вялая физиономия мужика расплылась в неожиданной доброй улыбке, и он натянул на голову серый колпак от форменной куртки.

Пятно на груди исчезло. Мы еще не успели проехать, поэтому в отместку за совет наша компания получила список местных заведений общепита, в которых приличным девушкам (Фиилор еще на последней стоянке на всякий случай снова был обряжен в женское платье) можно остановиться.

Жрец спросил, какое из перечня поближе к нужной нам центральной площади города, и растроганный, не иначе как с похмелья, внезапной заботой страж просветил нас. Карета затряслась по булыжной мостовой.

Что сказать, может, с канализацией в Ральине все налажено, а вот с фантазией большая беда. Трактир так и назывался «На площади», хоть и выходил на нужную нам площадь лишь левым боком. С другой стороны, логической ошибки в названии не имелось. Часть заведения точно там, где написано на вывеске. Как вещал великий комбинатор: «Кто скажет, что это девочка, пусть бросит в меня камень».

Места в заведении без фантазии нашлись, а за мыльню непосредственно в здании, а не в пристройке где-то на территории, я простила владельцам отсутствие воображения. Практичность и предусмотрительность — тоже полезные качества, особенно в гостиничном бизнесе.

Комната нам с Филькой досталась одна на двоих, ибо свободных комнат нашлось akurat две и объяснить, почему мы, девицы-ровесницы,

не хотим селиться в чудесный номер с парой превосходных кроватей, чьи матрацы, набитые конским волосом, особо расхваливала хозяйка, возможности не представлялось. Мне-то что, кровати все равно разные. Фиилор же, пока мы обустривались, стал больше походить на помидор. Я распаковывала вещи, а он жалобно попискивал о приличиях. Достал! Плюхнувшись на разрекламированную кровать, я заговорила:

— Твое высочество, прекрати маяться дурью! Ты благороден достаточно, чтобы любая девица чувствовала себя в безопасности рядом с тобой, даже деля одну постель. За мои чувства не волнуйся — там, откуда я родом, одна комната в недорогом гостевом доме с двумя кроватями может перепасть совершенно незнакомым между собой людям разного пола. И никого это не смущает. Переодеваться будем по очереди, выйти в коридор погулять пять минут нетрудно. Не усложняй там, где можно решить просто!

Филя еще немножко покраснел, посопел и смирился. Остальных же членов компании охрана моей потенциальной девственности и возможное покушение на оную радилярского принца вообще не заботила. Их куда больше душевных переживаний Филя интересовал предварительный осмотр площади, где предстояло искать ключ.

Да, кстати, пришлось покопаться в памяти и с удивлением констатировать: девица Кимея — до сих пор девица. М-да уж. Имелись даже две причины. Субъективная — ожидание большой и чистой любви; и объективная — отсутствие личного уединенного пространства для развлечений. Все не то чтобы чрезмерно уважительные, но вполне ожидаемые.

В пансионе девиц держали в строгости, на службе у Симелии особенно тоже расслабиться и ощутить себя вольной пташкой не получалось, да и грубоватые заигрывания дворцовой ламильянской прислуги Кимею не вдохновляли на утверждение кандидатуры воздыхателя.

Был, правда, у нее один предмет, романтический и очень тайный. Ага, уже догадались? Нет, не принц Радиляра, а портрет в какой-то унылой книге про древние замки Фальмира. Эту пыльную хреновину Симелия порой заставляла Кимею читать ей на ночь. То ли принцессе и впрямь подобное нравилось (о вкусах не спорят), то ли под такое чтиво засыпалось быстрее. К каждому замку в книге прилагались не только легенды, овевавшие их создание, но и вклеенные цветные иллюстрации.

На одной такой, к древнему замку Ламильяна, был изображен (хотя скорее ударение в этом слове стоило поставить на буковку «а») некий

худощавый гладковыбритый шатен с тонким профилем, смешливыми глазами и необычайно обаятельной кривоватой улыбкой. Так не улыбаются придурки, считающие, что любят весь мир, такие улыбки должны доставаться лишь девушкам, к которым мужчина чувствует интерес. Не знаю уж, как такое получилось у иллюстратора, наверное, случайно, но Ким готова была зависать над картинкой часами. Удивляюсь, как не выдрала портретик из книги, чтобы хранить под подушкой и целовать на ночь. А так лишь украдкой и стыдливо чмокала предмет воздыхания в щеку. Кстати, кто именно нарисован на картинке — первый владелец недвижимости, кто-то из его родни, архитектор или вообще случайный прохожий, — книга стыдливо умалчивала. Лишь скупое поясняла, что портрет перерисован с изображения в центральном холле замка, доступ в который утрачен столетия назад. Люди видели прекрасное строение издали, но добраться до него и войти не могли. Карета, всадник или пешеход, двигаясь по дороге, рано или поздно неизменно оказывались в той точке, где начинали путь, или, что еще более забавно, совсем в другой точке Фальмира, вплоть до другого королевства материка или даже на островах. Загадочно, романтично, жутковато и прекрасно. Все как раз так, как нужно юной глупышке. Такая вот бумажно-картинная была у Кимеи любовь.

Понятно, что становиться преемницей нелепого увлечения я не стремилась. Нет, конечно, нимфоманкой я себя не числила, поэтому сугубо ради эксперимента бросаться на все, что шевелится, не спешила. Дабл-Кей мной вообще как нечаянно обретенные братишки воспринимались. Жаль, Шериф был жрецом, а так-то, может, что и выгорело бы. К таким уверенным и невозмутимым меня тянуло еще дома. Филька же, Фиилор, на создание, способное доставить партнерше удовольствие, и вовсе не походил. Посему решила я пока не спешить и присматриваться. Вдруг не сегодня завтра встречу подходящего кандидата в мужчины своей мечты? Исходя из моих скачков между мирами и прочих несуряниц, произошедших за последнее время, чудеса действительно случаются. Так почему бы им не случиться на любовном фронте?

Трактирщица при размещении с понимающей улыбочкой намекнула мужикам, что в мыльне вечером можно не только помыться, и удалилась, не одарив нас, «девиц», столь же приятным обещанием. Не то чтобы я собиралась снимать себе мальчика, но что за дискриминация?

Впрочем, нам было не до развлечений! Всем следовало отдохнуть с дороги, помыться, покушать и пойти прогуляться по площади. Вдруг ключик номер два на глаза попадетсЯ? Мыльню мы сняли на часок и от служанок отказались. Мне Филя благородно уступил первую очередь,

вторым худо-бедно, ибо за время бродяжничества наловчился, помылся сам, пока я вытиралась и обсыхала. Расчесать волосы, правда, бедолаге пришлось помочь, потому что сам он их не столько чесал, сколько выдирал, тихонько ойкая и поскуливая от боли. Сама же ему я и прическу сделала ручками Ким, привычными к такой работе. Парень довольно жмурился и улыбался улыбкой блаженного.

Так что на вечерний променад после ужина вышли трое мужчин и две девушки, с любопытством крутящие головками и щебечущие, щебечущие, щебечущие, чтобы у любого вольного и невольного наблюдателя не осталось ни единого сомнения в их тупости. У Фиилора в дамском обличье даже зонтик-тросточка с цветными ленточками имелся. Куда, вы думаете, мы рогульку должны были прятать?.. Нет, принц тощий, туда точно бы не влезло, да и искать при таком расположении поискового предмета было бы затруднительно. А так у зонтика ручка приобрела большую пышность и декоративность.

Мы медленно курсировали по площади. Местные стражи и правление находились на другой площади, побольше, но фонтана не имеющей, зато здесь чего только не было! Миновали еще один постоянный двор, несколько крупных лавок, где торговали всем, от продуктов до украшений, потом не то кафе, не то ресторан. Словом, на городском пятачке наличествовало все для умеренного развлечения и неумеренного облегчения кошелька.

Я, разумеется, не преминула протащить компанию в местечко, где торговали тканями, фурнитурой и прочей швейной мелочью и крупностью. Итогом осмотра лавки стала покупка. На пошив нижнего белья я выбрала отрез в меру тонкой и нежной, но без меры дорогой ткани — раз, всякие тесемки и пуговички за неимением резинок — два. И в довершение соблазнилась целым... ларчиком не ларчиком, шкатулкой не шкатулкой, в общем, ящичком, вобравшим в себя готовый набор с ножничками разного вида, иголками и прочей полезной дребеденью, без которой сшить даже самые элементарные трусики не представлялось возможным. Покупку, проделавшую изрядную брешь в моем личном мародерском (денежки-то с трупов сняты и поделены были) бюджете, отправили с мальчиком в трактир.

Со свободными руками и чистой совестью мы продолжили променад-осмотр, не привлекая особенного внимания. Приехали несколько человек, гуляют, покупают, и пусть себе. Нас, таких гостей города, небось немало. Не буяним, прохожих не задираем, кошельки местным торговцам пополняем, словом, не приезжие — мечта! Погуляв по брусчатке туда, обратно, вокруг, мы наконец присели якобы передохнуть на широкий

бортик фонтана.

О последнем следует рассказать особо. Тонкая струйка воды выплескивалась из раскрытого клюва птицы, формами нипочем не отличимой от курицы, сидящей в каком-то тазу, который гордо поддерживали трое мужиков. Какого рожна и куда они волокут плюющуюся птицу, не только для нас, но и для местных обывателей оставалось тайной, покрытой мраком. Вроде как изначально скульптура предполагалась в виде трех мужественных воинов, защитников города, которых осеняет благословением Первоматерь. Каким образом все это переродилось в трех типов с тазиком и насадкой, никто объяснить не мог. Я предположила было, что статую по дешевке привезли откуда-то издалека и выдали за выполненный заказ, но, исходя из местных накладных расходов, идея жизнеспособной не выглядела. Да уж, неисповедимы пути творческой мысли, не укрощенной приемочной комиссией и актами сдачи-приемки работ.

Примостившись в тени гнездотазика, мы украдкой взяли за руки и, замыкая контакт, составили поисковую цепь. Вокруг галдел народ, а мы ждали резолюции Фиилора. Тот пыхтел, сопел, потел, морщил лоб, нервно крутил зонтик и наконец прошипел:

— Кажется, чую.

— Где? — коротко бросил Керт.

— Там, — обреченно вздохнул радилярский наследник, указав мыском туфли и зонтиком одновременно на решетку слива, притулившуюся в паре шагов от фонтана.

Кто-то другой, может, и удивился бы, но не мы. «Экскрементальное» везение Фиилора под сомнение даже не ставилось. Лезть в канализацию прямо сейчас смысла не было. Мы вернулись в трактир «На площади», чтобы дожидаться подходящего времени суток. Самым подходящим был признан вечер — тот период, когда он балансирует на грани перехода в ночь. То есть та пора, когда почти все прогуливающиеся, торгующие и слоняющиеся бездельники уже разбрелись или начинают разбредаться по домам, а ночные работники ножа и топора выжидают, не спеша выбраться в бархатные сумерки.

Заодно, пока часики тикали, сели за выработку плана-перехвата ключа. Как достать ключ из коллектора на виду не успевшего разбрестись по домам народа и не вызвать ненужных подозрений? Ха, каких только нелепых идей не выдвигали Дабл-Кей, в том числе предлагали даже организовать шуточную потасовку, сдвинуть решетку и невзначай спихнуть кого-нибудь одного вниз.

Я молча слушала, занятая раскройкой-обметкой нижнего белья. (Славьтесь, ловкие пальчики Ким, на действия которых широко раскрытыми восхищенными глазищами смотрел Филька.) А потом внесла предложение, основанное на личных воспоминаниях:

— У меня как-то в детстве за подобную решетку ключи от дома упали. Отец орал как придавленный, а сосед, дядя Миша, быстренько сделал палку с проволочным крючком и достал пропажу. Может, нам тоже что-нибудь уронить для вида?

Идея пришлась ко двору. Но что ронять? Ключи, драгоценности и прочие мелкие ценные предметы отмели сразу. Уронить легко, достать — не факт, что получится. Перешли на предметы гардероба. Перчатки, туфли и шарфы забраковали, а вот шляпки... Да, к ним решили присмотреться внимательнее. У меня-то шляпки вовсе не осталось после падения в ущелье, зато у Фиилора их имелось целых четыре штуки. Причем три из четырех — как раз женские, из актерского багажа юного принца. Эти туалеты наряду с мужскими ухитрился вывести из дворца жрец-духовник Фильки при отбытии высочества с визитом к невесте. Шериф, как восхищенно поведал принц, организовал пожар в гардеробной, после которого определить, что увезли, а что сгорело, вряд ли кто смог бы.

Первая шляпка из коллекции походила на клумбу с россыпью ярких цветов и была забракована — не пролезет между прутьями, слишком высокая, вторая обладала полями, способными составить конкуренцию сомбреро, и тоже ушла в отбой. Зато третья, у которой поля оказались средними, высота — умеренной, а из украшений — лишь широкая лента-завязка и скромный розовый цветочек на тулье, пришлась ко двору. Именно в нее мы и решили обрядить Фиилора, то бишь Илору, как женскую ипостась нашего спутника обзывали на людях.

Выдумывать ничего не стали — решили, что пара глупых девиц надумает поменяться шляпками прямо над водостоком и случится беда. Для ее ликвидации доблестные кавалеры вознамерятся свернуть горы, но ограничатся подъемом решетки. Самый отважный полезет доставать пропажу, а все остальные будут его горячо поддерживать, чтобы организовать цепочку поиска. Замыкающим Фиилора сделать не получалось, но мы понадеялись, что близость нужного объекта, присутствие зонтика и наличие принца в общем контуре поиска помогут.

Ну что тебе сказать про Гондурас?.. Мы предусмотрительные идиоты. Было бы не так обидно, будь мы идиотами непредусмотрительными, а так... Ха! Сели в лужу. Впрочем, сейчас расскажу по порядку.

Для позднего ужина спустились в трактирную залу. Мы, безусловно,

старались на всякий случай сильно не наедаться, но такую свинину в горшочках проигнорировать было бы преступлением, причем подозрительным преступлением. Наелись изрядно, и барышни (то есть мы с Филькой) тут же устроили концерт на тему: «Лирты, нам необходимо пройтись перед сном!»

— После плотной трапезы ложиться вредно! — капризничала я, тишком ослабляя поясок на платье. Откармливать тельце Кимеи так откармливать!

Мяса было съедено много, жаль, сладких булочек в трактире не подавали, но я рассчитывала наверстать упущенное на площади, сделаю суточную выручку какому-нибудь припозднившемуся торговцу. Булочки на ночь — что может быть полезнее для уплотнения тощей фигуры? Правда, оставались небольшие сомнения насчет того, а не обзаведется ли тело горничной прыщами налице раньше, чем прыщи, заменяющие ей грудь, начнут хоть сколько-нибудь увеличиваться. Но я решила рискнуть!

Фиилор предложение о прогулке с готовностью поддержал. Мужчины для вида посопротивлялись и сдались. Пока дамы выбирали подходящие наряды, сгустились сумерки. Женщины ведь не способны одеваться быстро, правда? Так что время мы потянули с толком.

Выходили в сумерки при полном параде, слабо видном в тусклом свете местной голубой луны и золотистых фонариков, подвешенных по периметру площади. Столбы на ней никто не размещал. Нам же лучше!

Весело щебеча (вошедший в роль принц совершенно перестал меня стесняться и чирикал едва ли не более профессионально, чем я), мы плавно сместились к темно-несуразной глыбе фонтана, приобретшего милостью потемок сюрреалистические очертания. Булочек, кстати, уже не продавали, обидно, да!

Как бы невзначай, хотя до нас никому вроде дела не было, мы замерли рядом с решеткой и завели разговор про шляпки и примерку. Пышную шляпу-клумбу Филька стащил со своей головы легко, а вот я замешкалась. Эта зараза лишь с виду казалась гладенькой и легонькой, плетение внутри вцепилось в волосы так, что зафиксировало головной убор почище шпилек. Отчаявшись, я дернула раз-другой, а потом эта нехорошая конструкция на букву «п» выскользнула из рук, и нет бы спланировать как положено, между прутьями, — плюхнулась на них плашмя!

Филька торопливо присел, чтобы поднять шляпку, то же самое, чтобы оказать любезность «даме», поспешили сделать наши кавалеры и я. Головы столкнулись, руки перепутались, зонтик простучал кончиком по решетке. Словом, пусть и не так, как планировалось изначально, но цепь поиска мы

замкнули. Наш штатный радар и детектор в одном лице ойкнул, пискнул и растерянно ляпнул, комкая одной рукой шляпу, за которую схватились мы все:

— Нашел! Щиплет! Это он!

Голова принца склонилась, а подбородок указал на ржавый прут решетки, в которую парень вцепился второй рукой, отбросив зонт.

«Было время, слышала, воровали у нас канализационные люки, чтоб на металлолом сдать, но никогда не думала, что сама подобным займусь», — хихикнула я, пытаюсь сообразить, как мы упрям прямоугольник решетки, в который намертво вклепан нужный прут-ключ. Да уж, клептоманы-металлисты-мазохисты. Эту штукину без напряжения и не поднять, а уж тащить — пупки развяжутся. И, как назло, в Ральине нет ни одного резака по металлу. Что там в Ральине — такого инструмента во всем Фальмире не сыскать! А значит, что? А значит, нам придется следующей ночью воровать прут вместе с решеткой, предварительно подогнав карету. Такое, боюсь, втихомолку не осуществить. Сделают нас в чистом городе персонами нон-грата. М-да, стоило стать попаданкой, чтобы тырить решетки с канализации... Карьера та еще: от бухгалтера до вора-тяжеловеса. Я снова нервически хихикнула. Лица товарищей по несчастью счастливыми не выглядели. Тоже небось ломали голову, как спереть решетку. Губы Шерифа едва слышно шепнули что-то вроде «какой стыд». Да уж, жрецу, наверное, приходится тяжелее всех.

И тут Фиилор, все еще не в силах оторвать испачканную ладошку от железки, тихонько вякнул:

— Ой!

В пальцах принца остался ржавый прут, над добычей которого мы только что усердно размышляли. Первым среагировал Керт. Мигом сдернул с себя плащ и быстро намотал на руку. Как и когда щитовик успел в ткань завернуть прут, я вообще не уследила. Но он это сделал!

Подхватив зонт, шляпки и юбки, мы с достоинством Штирлица, бегущего за машиной и делающего вид, что он никуда не торопится, отступили в трактир. Снова закрывшись в комнате у мужчин, бывшей на порядок просторнее нашей, осмотрели добычу.

То ли артефакты-ключи ушедшего бога искусно мимикрировали, приспособиваясь к окружению, то ли Ольрэну было совершенно чуждо чувство прекрасного... К невзрачному серому камню из нашей коллекции добавился тронутый ржавчиной металлический прут с локоть длиной и толщиной в три больших пальца.

Кирт почесал макушку, смерил взглядом прут, покосился на худенькие

ручки Фиилора и озвучил общий вопрос:

— Как ты его выдрать ухитрился, кобылу мне в жены?!

— Не знаю, — растерянно заморгал принц. — Я только взял, подумал, что этот прут — ключ и он нам нужен, а он взял и оторвался. Сам.

— Может, твой дар открывать замки приложился? Филь, скажи, камень у тебя в это время с собой был? — уточнила я.

— Да, я его в кармашке ношу, — подтвердил принц, положив руку на кармашек в юбке, и серьезно объяснил: — Мне кажется, так правильно. А почему «Филя»?

— У меня на родине твое имя для простоты общения с друзьями обязательно сократили бы так. Но если тебе неприятно, больше не буду.

— Нет, мне нравится, — покраснел принц и тихо прибавил: — Ласково звучит.

— Значит, будешь Филей, — постановила я под снисходительно-понимающие смешки мужчин, а Керт констатировал, продолжая идею получения прута из решетки:

— Если камень был в кармане, гадать не о чем, подобное к подобному притянулось.

— Только не представляю, как нам всю коллекцию маскировать, если Филе ее все время при себе носить придется, — выпалила я. — Сумочку ему, что ли, завести?

— Ну да, — признал жрец, теребя бородку.

— Вся надежда на то, что следующий ключ из ламильянской тюрьмы не окажется цепью с ядром, а то наш искатель свою сумочку с таким грузом от пола не оторвет и с места не сдвинет, — присовокупила я и сладко зевнула.

За окнами окончательно стемнело, всякое желание строить грандиозные планы и совершать подвиги полностью сошло на нет, поэтому я жалобно попросила:

— Давайте по кроваткам. Завтра сообразим, куда поедem и как искать-добывать будем.

— Да уж, у нас в королевстве тюрьма не одна, — крикнул Кирт, потирая шею. — Способов угодить в любую достаточно, а вот выйти так же легко, как войти, проблема. Особенно с нашими узнаваемыми рожами. Такое на ночь глядя не решить.

Фиилор согласился с мнением большинства широким зевком, и на этом прения завершились. Нервное напряжение, сопровождавшее поиск ключа, спало, на смену ему пришла общая сонливость.

Глава 11

У НАС ЕСТЬ ПЛАН!

Утром мы завтракали в трактире под набор местных сплетен, которыми щедро делилась довольная трактирщица. Судя по переглядкам с Киртом и Кертом, причины довольства именно сейчас наворачивали толстые кусы мяса, вдвое превосходящие габаритами кусок, возлежащий на тарелке Шерифа.

Среди пестрого набора сведений о том, кто с кем подрался, напился, женился, сверкающим бриллиантом выделялась главная новость: какие-то пьяные дураки (а кто трезвый будет такое делать?) разломали решетку стока на площади у фонтана. Трактирщица грешила на свадьбу кузнеца, гулявшую третий день в соседнем квартале. Понятно, что никто из гостей, тех, кто стоял к утру на ногах, ответственность за варварское деяние на себя не взял. Но переглядывались мужики так гордо, что их вина стала очевидна для всех, пусть пропажу и не вернули. Нам оставалось только порадоваться удачно подвернувшемуся алиби и тоже промолчать.

Дольше оставаться в заведении «На площади» мы не стали, так же как и совещаться поутру в номерах. Слишком выжидающе поглядывала на щитовиков хозяйка и явно не собиралась давать им возможность побездельничать. Большое сердце лирты жаждало продолжения ночи любви.

Пришлось нам отправляться в путь сразу и устраивать остановку-совещание недалеко от города. Дабл-Кей пару-тройку раз опасливо покосились в сторону Ральина, но, видать, решили, что их ночной бабочке-бочечке не по силам погоня за героями постельного сражения, и спокойно присоединились к беседе.

Самой главной проблемой для нашей компании являлась географическая. Ламильян, где год назад пропали в результате катастрофы служанка королевы и два ее охранника, все еще мог случайно вспомнить своих героев и опознать их даже теперь, когда мужчины сверкали лысинами, а Кимея обзавелась личиком Симелии. Правда, глядя на отражение в тазике, я поутру констатировала, что теперь на принцессу не очень-то и похожа, вернее, похожа как дальняя родственница. Новая прическа изменила овал лица, веснушки россыпью по щекам, ушки умиительно топырятся. Да и вообще... Лицо — не маска, замершая в

неподвижности, тут большую роль мимика играет. А она у нас с капризницей-принцессой разнилась.

Фиилора и Шерифа в Ламильяне тоже знали не столь хорошо, но знали. Как быть? Как маскироваться, если традиции закрывать лица паранджой или полями сомбреро на Фальмире нет и аналога Венецианского карнавала ждать не приходится?

Если нас по случаю опознают, то самой светлой перспективой, коль не выбирать из котла и костра, станет пожизненная должность монашки Первоматери или Первоотца. Все-таки в Ламильяне даже с подозрением на ересь обстоит сурово. Это в Радильяре полегче будет, может, поэтому Шериф и терпим ко всему творящемуся безобразию, даже кое-как его покрывает. У них там более всего Первоотец почитается, чей лик днем милостив, а в ночи жесток. То есть бог один, а сферы покровительства по времени суток варьируются, отсюда и большая толерантность проистекает.

Между прочим, не зря о Шерифе нашем я так хорошо думала. Выход нашел именно он, послушав наши охи-вздохи о маскировке и мой вопрос ребром. Я четко спросила общество: «Кто и при каких условиях может на законных основаниях ходить с закрытым лицом, не вызывая подозрений и немедленного желания лицо рассмотреть?» После этого наш жрец поскрипел зубами и выдал на-гора ценное предложение:

— Странники Первоотца. Паломничество к любой из обителей. Идти придется пешком, но одежда странников — коричневый плащ с глубоким капюшоном — убережет от досужего любопытства. Нас пятеро — один жрец, четверо паломников, достаточно для малого путешествия-покаяния. И путь мимо нужной тюрьмы проложить можно.

— А нас твой покровитель молнией не шарахнет за кощунство? — выпалила я следующий вопрос, который, кажется, завертелся на языке у всех.

Жрец пошевелил пальцами, то есть пожал плечами по-местному, и ответил:

— Здесь, в Пустошах, я не могу воззвать к Первоотцу, молитвы не достигнут его слуха. Пространство между миром вещей и духовной сферой искажено так же, как дороги, отмеченные Ушедшим. Когда покинем проклятый край, буду молиться и испрашивать совета и помощи. Другого пути не вижу.

— Ты, когда молиться соберешься, предупреди, отойдем подальше, а то молнии с небес не всегда точно бьют, — брякнул Кирт.

— Обязательно, — хмыкнул Шериф, огладил бородку и подмигнул испуганно взирающему на духовника Фиилору.

«Если в сборе ключей боги, как они ни хорохорятся, тоже заинтересованы, то может выгореть. Помогать вряд ли будут, унинительно для них пойти на сделку с нае... то есть оставившим их в дураках шутником, но мешать не должны. Лишь бы степень кощунственности нашей задумки не показалась Первоотцу выше перспективной выгоды от результата», — подумалось мне. Озвучивать выводы я не стала. Все-таки спутники с рождения воспитаны в почитании к здешним божествам. Им мои циничные выкладки вряд ли по вкусу придутся. Меня же, признаться честно, больше всего заботил физический аспект пешего путешествия. Ноги-то не казенные и выносливость у девицы Кимеи никакущая, да и Филя ни разу не турист.

Решив самый насущный вопрос по маскировке, озадачились новым: откуда и как будем двигаться. Тут уж степень моей выносливости и физическую форму принца адекватно оценили все более тренированные члены команды. Паломничество наше планировали начать из Дильяры, самого восточного города Ламильяна, от которого в равной степени близко, а как по мне, одинаково далеко до всех тюремных достопримечательностей страны, которых насчитывалось ровным счетом три. Нет, Ламильян, к счастью, просторами России «с южных гор до северных морей» похвастаться не мог, но пешком — это пешком, а не на поезде или, на худой конец, в карете. Проблема хранения встала остро. Куда девать наше средство передвижения и вместилище немалого багажа, который обязательно понадобится в пути?

Команда принялась мучительно соображать, как и на елку влезть — паломничество маскировочное совершить, — и поверхностных травм нижней части тела не приобрести. Соображалось плохо, пока я не спросила Шерифа, как поступают с теми, кому до зарезу надо, а ноги не ходят: перелом или другая инвалидность.

Жрец посветлел лицом и оглядел собрание столь хищным взглядом, в котором явственно читался вопрос: «Кому сломать ногу?» — что компания невольно подалась назад. Оказалось, что любое правило, в том числе и «ножками, ножками и никак иначе», имеет исключения.

Они делались для глубоких старцев и... нет, не угадали, не для инвалидов. Тем предписывается: «Не можешь ходить — ползи и будешь в итоге исцелен. Или не будешь, если вера твоя недостаточно крепка». Второй категорией льготников оказались беременные женщины, которым вздумалось поклониться не только Первоматери, но и Первоотцу. Надо же, даже боги сражаются за клиентуру, не брезгуя акционными предложениями! Словом, кареты разрешались, но с тем условием, что

двигаться они должны не быстрее бегущего человека. Уже неплохо!

На старцев мы с Филькой не походили никак, зато в экипаже имелись подходящие подушки для придания фигурам нужных очертаний глубоко беременным особ. А уж что там и как на самом деле, никого не касалось. Заглядывать под чужой плащ считалось омерзительно дурным тоном.

Таким образом, карету удалось отстоять. Шериф погрузился в глубокие раздумья, даже вытащил из глубин серой хламиды не виданные прежде обществом черно-белые четки и принялся постукивать камешками. Наверное, подбирал аргументы и готовил оправдания перед Первоотцом за маскарад. Остальные рьяные противники пешего туризма воспрянули духом.

Фиилор тоскливо вздыхал, но против пузатой роли возражать не спешил. Помогла первая же десятка демонстрационных километров, которую он начинал с задиристым: «Я смогу, я пройду, как настоящий паломник, и никакие подкладные подушки мне не нужны», — а заканчивал с виноватым стоном, хромя на обе ноги разом и жалобно охая. Мы не жалели, подвезти не предлагали и советов не давали, позволяя принцу в полной мере прочувствовать все прелести пешего перехода. Потом Шериф, владелец местного аналога аптечки первой помощи, врачевал стертые в очередной раз и на совесть, до кровавых пузырей, ноги уныло-счастливого (унылого из-за неудачи, счастливого — из-за окончания мытарств) Фильки. Нотаций и риторических сентенций «а мы тебе говорили» избежали. Все и без слов понятно, зачем парня лишний раз макать в это самое, если он и так себе и в себя не очень верит?

В захудалом городке Дильяре на границе с Вольными Пустошами никакой стражи или пропускного пункта тоже не было отродясь просто потому, что тамошний бесплодный кусок отвратительной земли никому и никогда не приходило в голову назвать своим. Мы ненадолго задержались здесь лишь для того, чтобы купить коричневые плащи паломников. Светиться своими покойничьими и разыскиваемыми физиономиями никто из нас не стремился, за обновками ходил лично Шериф. Его-то лицо под картинкой «взять живым или мертвым» точно нигде не висело. Он же приобрел в продуктовой лавке еды в дорогу. Все прочие сидели в карете, пока жрец занимался шопингом. К тому же если кому и доверять покупку продуктов, то именно жрецу, потому что только у него выходило приготовить не просто «съем и не отравлюсь», а «вкусно, и даже очень вкусно». Поэтому, по общему соглашению, от некулинарных обязанностей нашего повара уже давно освободили и наслаждались нормальной пищей, когда остановиться в трактире не было возможности.

Я, освобожденная от готовки и присмотра за живностью, шарахающейся от «запаха смерти», тоже не бездельничала. Освоила активацию швейных умений Кимей и починила все вещи компании, нуждавшиеся в мелком и крупном ремонте. Да так мастерски, что отыскать следы этого ремонта без очень внимательного изучения не смогла бы и сама. Золотые руки были у девчонки, а что голова с ветерком и массой шаблонов, сквозь которые приходилось продираться, чтобы составить собственное представление о происходящем, — издержки возраста, воспитания и мира. И нечего мне было возмущаться. Жить здоровой все равно лучше, чем валяться под аппаратом где-нибудь в больнице или в деревянном ящике под землей. А еще я наконец сделала себе три комплекта нижнего белья и почувствовала себя человеком! Филя изучал комплектики и выпытывал подробности с такими горящими глазками, что я поверила: в парне дремлет будущий гениальный модельер, способный встряхнуть бельевую сферу всего Фальмира.

Итак, на территорию Ламильяна, граничившую с Вольными Пустошами, из Дильяры мы выехали во всеоружии, то есть при плащах. Жрец сидел на козлах, Дабл-Кей спокойно вышагивали рядом с каретой. Мужики выносливые, могли бы и побежать, но мы не настолько торопились, чтобы выбиваться из обывательских представлений о паломничестве.

Я заблаговременно подшила к платьям мелкие пуговички изнутри в районе груди, чтобы крепить мешки с подушками, к самим мешочкам приметала ляпочки. Хорошо, что пара моих коллег за прошедший год отправилась в декрет, как и что должно выглядеть, я помню. Фиилор украдкой вздыхал, но больше в бой, то есть пешком и по-мужски, не рвался. Стертые ноги окончательно утвердили его в здравом решении — вернуться на стезю актерствования. Умный мальчик. Вот только его благоговейный взгляд, порой устремляемый на меня, был откровенно не в кассу.

Припомнив свой план действий по деромантизации, я поднатужилась и от души рыгнула. Взгляд принца стал умиленным. А пускать ветры по заказу я, как назло, еще не научилась. Придется попросить Шерифа приготовить что-нибудь из гороха или бобов. А пока я звучно шмыгнула носом. Градус умиления во взгляде Фильки не понизился. Р-р-р! Он вообще меня небось не слышал, пребывая в своей стране грез, где исполняются мечты. Может, надо было сговориться с Дабл-Кей и прошлой ночью попытаться подсунуть принца любвеобильной трактирщице? Хотя парня жаль: не заслужил он такой доли — сбегав от одной крупногабаритной

дамы, пасть жертвой другой. Эх, Филя, Филя... Что с тобой делать, ума не приложу!

На ночлег мы снова останавливались в чистом поле, то есть у какого-то хилого лесочка, и вовсе не из нашего желания не встречаться с людьми. Просто дорога к Пустошам была на редкость безлюдной и сервисом похвастаться не могла. Зато, пользуясь отсутствием посторонних, откинули с лиц опостылевшие капюшоны. Правила паломничества позволяли находящимся в одной группе людям не таить лиц друг от друга. Иначе кушать-то как?

Кстати, об ужине. Его приготовление в этот раз Шериф, отправившийся молиться, скинул на наши плечи, руки и... что там еще планировали использовать Дабл-Кей в искусстве готовки. Голову — точно не собирались. Это я уяснила в ту минуту, когда Кирт собрался подсолить воду в котелке, вооружившись столовой ложкой и засунув ее в кисет-солонку. После столь вопиющего проступка умелец был отправлен строгать к ужину колбасу, сыр и хлеб, чем и занялся с удовольствием. Обращаться с ножом, в отличие от половника, щитовики умели.

Тушенки на Фальмире не водилось, макарон тоже, зато крупа вроде гречневой имелась. Эту кашку я и замутила, добавив для запаха и вкуса копченого мяса. Вроде неплохо получилось. У Шерифа, конечно, получше бы вышло, но наш главный великий кашевар нынче весь в молитвенном экстазе где-то в лесочке бился. Оставил нас без хорошего ужина, потому как дожидаться ближайшего храма не смог. А вообще-то правильно, лучше заранее о крыше позаботиться. Не отзовется Первоотец — сам виноват, абонента набирали. Правда, меня терзали смутные сомнения, что такая отмазка с богом прокатит, но лучше иметь хоть какое-то оправдание, чем не иметь.

Кашка прела, компашка наша глотала слюнки, ложкой по лбу я еще никому не врезала, потому как грабки к котелку под крышкой мужчины не тянули. А Шерифа все не было. Впрочем, молнии в той стороне, куда он удалился, тоже не били и раскаты грома не слышались. Шансы на то, что жрец мирно обсудит с Первоотцом нашу проблему, повышались. Они повышались, время текло, у меня в животе раздалось недовольное ворчание, поэтому я сдалась:

— Ужинаем! Только жрецу тройную порцию оставим!

— Чего это ему тройную? — удивился Кирт, ловко опрокидывая крышку на траву без всякой прихватки и разваливая по мискам кашу.

— Если ты его заменишь в молитвенной беседе с Первоотцом, клади тройную порцию себе, — хмыкнул Керт.

— Не, я столько не выпью, — честно отозвался щитовик и ойкнул. Прямо в лоб ему прилетел желудь.

Все бы ничего, но мы расположились под фальмирскими березами со светло-серыми стволами, поэтому желудю взяться было неоткуда. По веткам даже белки с бурундуками не скакали, задрав хвосты.

— Понял, сколько надо, столько и буду пить, — задрав голову вверх, исправился Кирт и получил в лоб уже шишкой.

— Молчи, убогий, — прошипела я, дергая трепача за рукав, — а то третьим будет кокос, и ты этого не переживешь!

Кирт открыл рот, покосился на «не березы», на меня, на небо, сурово хмурящегося брата — и захлопнулся. Вот и правильно, не стоит провоцировать приступы магической шизофрении. Это к тому, что, когда ты говоришь с богом, — это молитва, а вот если он тебе отвечает, то это уже она самая. Причем в мире магическом еще и в самой опасной для жизни форме — реальной!

Пока шипела наставления, мне на голову спланировал лепесток синего цветка крельта в качестве поощрения и, кажется, намек. На языке растений, изучаемом каждой девицей прилежнее каллиграфии, цветочек являлся символом скромности и тишины.

— Мы будем тихи, как мышки под веником, — клятвенно пообещала я небесам, за что получила еще один цветок — алую гвоздику, считавшуюся символом Первоотца так же, как белая хризантема являлась знаком Первоматери.

Вот так вместо прозаичной миски каши в моих руках очутились возвышенные лепесток и цветок. Дабл-Кей и Филя смотрели на меня так, будто не компаньонку по квесту «Добыча странных ключей из совершенно неподходящих мест» увидели, а что-то незнакомое, шагнувшее на полянку прямиком из древних легенд. Брр!

К счастью, разрушая противоестественную тишину, треснула ветка под ногой жреца, и он возник на опушке. Вид Шериф, перебирающий четки, как иной султан в задумчивости небрежно ласкал бы гурий гарема, имел скорее погруженный в размышления, чем мрачный. Не дожидаясь наших вопросов, жрец сказал:

— Чувствую, слышал меня Первоотец, но знака не подал.

— Скорее всего, осторожничает. Не положено ему знамения своим adeptам являть, чтобы не спалить перед коллегами участия своего человека в эскапде Ушедшего! — догадалась я. — Поэтому все знаки пришлись на нашу долю, условно незаинтересованную и непричастно-непосвященную!

И, не сходя с места, прямо до ужина Шериф получил занимательную

историю о вреде лишних слов и пользе условных знаков. Дополнительным наглядным подтверждением истинности моих слов послужили две шишки, предъявленные Киртом, и цветущая флора. Поразмыслив, жрец пришел к тем же выводам, что и я: Первоотец ничего против нашей затеи не имеет, только просит действовать очень осторожно. Да мы и сами пыль поднимать не собирались! Может, среди богов, как в той упряжке из басни Крылова, тоже нет согласия, и если кто чего ненужное пронюхает, то нам мешать примется? Не хотелось бы, ключи — наш единственный шанс привести себя в божеский, то есть изначальный, вид...

Обсуждение возвышенно-божественного закончилось. Раздумчиво помешивая кашу и вяло отправляя в рот ложку за ложкой, я думала не о богах и знамениях, а в очередной раз — о кулинарии и несправедливости. Вот как так у Шерифа получается? С готовкой впятеро меньше моего возится, а в итоге вкуснятина у него, а у меня — не более чем съедобно. Мужики, конечно, еду похвалили, и, наверное, если сравнивать со спартанским меню из крупы с кровью, каша с копченостями могла сойти за ресторанное блюдо. Однако я помнила то, чем нас потчевал вчера жрец, и слегка злилась на несправедливость мироустройства. А когда внизу живота неприятно потянуло, причины моего недовольства миром стали очевидны. Как некстати! Хотя... Когда «это» бывает кстати? Никогда! Мысленно застонав, я нахмурилась. Одно дело дискомфорт, другое — дискомфорт, способный разнести в пух и прах всю нашу маскировку. Я на запахи чувствительная, всегда могла точно определить, у кого из сокурсниц или коллег лунные дни нагрянули. И где гарантия, что нам на пути не попадется столь же остроносая особа, которая поднимет панику на тему: «У беременной паломницы кровь!»?

Глубоко задумавшись, я отставила кашу и машинально сорвала травинку. Повертела в пальцах так же, как мысль в голове, и едва не подпрыгнула! Выход есть! Ким этому учили в пансионате. От злоупотребления, правда, строго-настрого предостерегали, но в жизни каждой служанки случаются дни, когда непременно надо быть в форме. На этот случай имелся особый сбор трав. Вот только с собой у девушки его не было, так же как не было в здешнем лесочке лавки с порошками.

— Ты чем-то озадачена? — осторожно спросил Шериф, присаживаясь рядом, когда Кирт повел Фильку мыть миску к ближайшему ручейку. Да, оставлять наше горе луковое без присмотра, давая ему возможность свалиться в воду и ненароком потонуть, щитовик не желал.

— Мне нужны травы. Как выглядят сухие, я знаю, пропорции составить смогу, но в свежем виде никогда и половины не видела, —

раскрыла я причину раздумий. — Но травы нужны сегодня, край — завтра с утра, потом уже будет поздно. Или мы их найдем, или все наше паломничество придется отложить на пять дней и отсиживаться в роще.

— Тебе нужен путевой сбор?! — догадался прислушивающийся к беседе Керт.

Телохранитель был немного осведомлен об особенностях службы смежников. Или, смутно вспоминалось, в их заведении готовили еще и телохранительниц, а им такой сбор тоже требовался?

— Он самый. Литрица, крестовка, капельник, симеграш и улыпава, — перечислила я составляющие.

Крестовку у ручья видела, но другие травы, пока меня в них носом не ткнут, не узнаю, а если и ткнут, тоже не уверена, что с ходу признаю.

— Не совсем понял, для чего нужны эти травы, но литрицу и улыпаву я видел, — вставил жрец.

— Гхм, — замешкался Керт, не зная, как при девушке объяснить так, чтобы не обидеть и не смутить.

— Пойду посуду помою, — пришла я на помощь бедняге и свалила от костра. Вот уж не думала, что Керт такой стеснительный.

Пока я полоскала миску, мужчины успели уяснить суть щекотливого вопроса и даже изобрели способ его решения. Когда вернулась, меня ждали две охапки вырванной с корнями травы: литрицы и улыпавы. Крестовки, мелких голубых цветочков в форме крестика, я на всякий случай нащипала у воды сама. Пусть и не представляла, где искать симеграш, выглядевший в сушеном виде как плеть вьюнка-недоростка, и капельник, от которого в сборе использовался лишь порошок корня. Растение это, насколько помню, получило имя из-за интересной формы корня и запаха, который давала растертая в ладонях листва.

Как выглядят вживую пока не найденные растения, мужчины знали. Но где их искать и растут ли они в лесочке Лам и — льяна близ нашей стоянки? Ответить на этот вопрос предстояло Керту. Нет, козлом отпущения методом считалочки щитовика никто назначать не думал, просто вспомнили о том, что наш щитовик — не только двуногий телохранитель, но и большая собака в прямом смысле слова. Собачий нюх для розыска растений, одного — мелкого и второго — источающего своеобразный аромат, пришелся бы как нельзя кстати.

Поэтому Шериф и Кирт предложили щитовику превратиться в пса и заняться поисками. Керт на это только вздохнул и потер висок. Собакой он оборачивался только раз и в минуту смертельной угрозы. Как сделать это на заказ, не знал, в чем честно признался.

— Вспомни, как ты себя ощущал, будучи псом, что слышал, обонял, — мягко предложил жрец, а Фиилор уставился на щитовика таким восхищенно-выжидательным взглядом, словно здесь и сейчас готовился получить подарки от Дедушки Мороза за десять недоданных лет.

— Принц обожает собак, — снисходительно пояснил причины такого поведения Шериф. — И что удивительно, любые псы его привечают, даже самые свирепые.

«Ничего удивительного, — подумала я, не став озвучивать мысли, — наш Тимас тоже был тот еще собачник. Ни один пес его в жизни не куснул, да только не спас его дар при падении в ущелье. Клыки скал оказались острее...»

Не знаю, что помогло Керту больше: совет жреца или восхищенное терпеливое ожидание Фильки, но, промучившись с час, за который я приготовила из охапок сена очищенные стебли литрицы и листья ульпавы, щитовик сделал это. Превратился!

Сидел себе, сидел мужчина, лоб хмурил, рот кривил, и вот уже вместо человека нес на граве развалился. Принц восторженно взвизгнул, однако к животинке стремглав не бросился, вовремя вспомнил, ради чего превращение затевалось.

Коротко гавкнув, Альт-Керт поднялся на лапы и потрусил в лес, осторожно поводя носом и ушами.

— Какой он красивый! — выдохнул принц вслед псу, заставив того на миг обернуться.

— Породистый, — гордо подтвердила я. — Черный ламильянский улт лучших кровей.

Хотела добавить рацпредложение: если будем нуждаться в деньгах, сдавать песика на вязку, но снова промолчала. Мои шутки здесь вряд ли кто поймет, а поняв — обидится. Да и некрасиво язвить над тем, кто помогать взялся.

С собственным цинизмом, привитым с отрочества бесконечной чередой черных пятнышек, я ничего поделать не могла. Он стал моей броней, не дающей неудачам слишком сильно ранить душу. Но мне вполне по силам удержаться и не портить настроение компаньонам. Зачем зря злить людей? Не все приучены к тому, что всё фигня и всё можно исправить, кроме не смытой вовремя черноты.

Когда стебельков и листиков нащипалось с тройным запасом, я отложила остатки травы. Шериф здраво справился:

— Сезон сбора не важен?

— Важен, конечно, — вздохнула я. — Нужная пора силу большую

травам дает, как нам говорили. Но когда и какую рвать, я все равно не знаю или не помню. Одна надежда, что растения совсем свежие, поэтому обойдемся тем, что имеем.

— Рваф! — поддакнул Керт, выбираясь из кустов с чем-то зеленым в пасти.

Подойдя ко мне, пес разжал челюсти, и лопух, представлявший собой импровизированную сумку, развернулся, являя несколько плетей выюнка и выдранный с корнем куст капельника. Запах не врал! Трава пахла талой водой.

— Спасибо! — от души сказала я псу и чмокнула его в мокрый и влажный, а значит здоровый, нос.

Керт чихнул, отступил и, вернув себе человеческий облик, тяжело осел вниз, задумчиво бормоча под нос:

— Земля танцует, деревья кружатся, какие птицы большие полетели... нет, это рыба летит большая, цветами плюется, хвостом виляет...

— Бредит бедняга?! — озадачилась я, разбирая добычу.

— В Радильяре из симеграша готовят сонное зелье, снимающее боль и навевающее грезы, — удачно припомнил жрец.

— Кажется, если погрызть стебель, результат тот же будет, — справедливо оценил Кирт.

Он подхватил брата и под несмолкающее бормотание о летающих зверях отволол в шатер.

«Хороший у вас план, товарищ Жуков», — мысленно проводила я щитовиков фразой из старого анекдота и вернулась к разделке растительной добычи. Пока все свежее, надо сделать отвар и выпить. Если бурда, кроме нужного эффекта, какую-нибудь галлюциногенную побочку выдаст, как таблеточка диазолина, то пусть уж видения на ночь придутся и со сном смешаются. Хотя про такие последствия наставница Ким ничего не говорила. Возможно, другие компоненты сбора нейтрализуют глюк-эффект?

Глава 12

ПРЕВРАТНОСТИ ВЫБОРА

Утром Керт встал бодрым и ни о каких ночных фантазиях не вспоминал. Я, откушавшая горькой бурды для корректировки женского цикла, на видения и вовсе не жаловалась. Вышло как в анекдоте: мучают ли вас эротические сны? Почему мучают, я ими наслаждаюсь. Не знаю, какая из травок дала такой эффект, однако всю ночь мне снился тот самый обожаемый Кимеей шатен из книжки, периодически превращающийся в Шерифа. Был этот оборотень весьма жив и активен. Описывать дальнейшее, пожалуй, излишне.

Пока потягивалась, разминая залежавшееся тело, ни на что внимания не обращала. А как глазки продрала, заметила на бревне у разгорающегося костерка Филю. Радильярец смотрел вовсе не на огонь, а на меня, и с таким блаженным видом, что для признания высочества сбрендившим не хватало самой малости: сочащейся из уголка рта ниточки слюны.

— Чего? — Я свела брови и грозно нахмурилась. Ну ладно, грозно со светлыми бровками не получалось, но хоть какой-то эффект должен быть?

— Ты прекрасна, — протянул Фиилор и снова впал в оцепенение.

«Вот придурочный романтик!» — рассердилась я и, чтобы не наговорить мальчику разных непечатных слов, полезла к ручью умываться.

Жрец был уже у воды и плескался, скинув серую рясу и рубашку. Помня, насколько в быстром ручейке прохладная водица, я с уважением хмыкнула и чуть ли не причмокнула, оценивая поджарое ладное тело. Сон в руку оказался, не соврал. Хорош жрец, когда не прячет достоинства под серым балахоном.

После обмена приветствиями я решила спросить у Шерифа, как у лица, опекающего радильярское чудо природы, доколе Филя будет строить из себя идиота и возносить комплименты не по адресу. Пора бы уж твердо запомнить, что я и покойница Симелия — разные девушки, и перенести свою симпатию на более подходящий объект.

— «Ты прекрасна»! — передразнила я клекотание загнанного воробья по имени Филя Радильярский и всплеснула руками. — Чем он смотрит-то, чудак? Ладно мордаха миленькая, ну так ведь все прочее — просто суповой набор, способный вызвать интерес разве что у собак! Не его обоже, а он все вздыхает. Сколько можно-то?!

— У любви другие глаза, — мягко проронил Шериф, взяв меня за руку и бережно погладив для успокоения, чем вызвал эффект вовсе не успокоительный, а скорее схожий с видениями нынешней ночи. — Ты яркая, не похожая на всех, с кем принцу доводилось встречаться.

— Одинаковых людей вообще не бывает, даже близняшки внутри разные, — несколько нервно, будто прикосновение жреца разом из меня пар выпустило и запустило совсем другую программу, проворчала я. — И не надо о других взглядах на очевидное. Голову сломала, как его от себя отвадить. Отрыжка не помогает. Филька словно не слышит и не чувствует ничего, упрямый. Уже думала, может, щитовиков попросить за мной приударить, так с нашего заморыша станется пойти топиться или сильнее влюбиться из чистого мазохизма.

— Потерпи, — снова мягко попросил меня Шериф, вероятно, натренированный закидонами принца. — Фиилор был слишком разбалован во дворце. Сейчас он похож на птенца, выбравшегося из скорлупы и вылетевшего из гнезда. Мало что понимает, растерян, пусть и старается держаться с достоинством. Думаю, он ухватился за твой лик как за единственно знакомый, придававший смысл его побегу.

«Вот оно что», — призадумалась я, отпуская злость и досаду на пацана. Когда Шериф открыл мне глаза на состояние принца, разом ушло все возмущение. В самом деле, что я на парня взъелась? Сама же в аналогичной ситуации. Он сменил обстановку и изо всех сил пытается быть полезным и вписаться в жизнь других людей. Я делаю примерно то же, только еще и сама в чужой шкурке обживаюсь, нервничаю, а из-за этого настроение скачет. Никогда особой, исключительно приятной в общении, не была, а это попаданство меня еще и подпортило.

— Ты прав, — согласилась я с Шерифом. — Парень молодец. Выдует ему лишнее из головы, как с нами пошляется. Спасибо за объяснение.

— Спасибо, что нашла в себе силы понять и принять, — кротко поблагодарил в ответ жрец, и я в очередной раз пожалела, что он именно жрец. Такая неприятная профессия. В сравнении со служением богу никакое другое увлечение, в том числе девушкой, не котируется. Не конкурентка я Первоотцу.

Оставив умного человека закаляться и дальше, я храбро вернулась к костру и даже нашла в себе моральные силы улыбнуться мечтателю королевских кровей, кутающемуся в коричневое нечто. Плащ принцу был явно не по размеру, причем Шериф купил одежду такого фасона нарочно и перешивать запретил. Филью предполагалось маскировать. Вот и приходилось бедняге тонуть в метрах коричневого, утешаясь, что оно всего

лишь плащ, а не что-нибудь жидкое.

В путь мы тронулись после завтрака, как и было уговорено: я и Фиилор — в карете, Шериф — на козлах, Кирт и Керт — по обе стороны от упряжки, чуть впереди, чтобы не глотать пыль. Щитовики — народ тренированный, поэтому поначалу они и вовсе бежали ровной рысью, отмахивая километр за километром. Эх, мне бы хоть треть той скорости и выносливости на институтских кроссах, я б отличницей была! Но не дано!

Мы ехали-рысили часа три, не меньше. Путники, встречавшиеся на дороге, провожали нас, паломников, уважительными взглядами и осеняли знаками щита. Шериф милостиво дарил им ответные благословения.

А ближе к обеду случился он — перекресток дорог. Вернее, такая развилка должна была бы называться распутьем. Одна дорога делилась на три веточки. Так куда пойти-податься бедным паломникам?

Ответ пришлось искать в кювете. О нет, карета не сломалась, и Дабл-Кей все еще были полны сил! Зато в полный рост встала проблема выбора. Нужные исторические, то есть религиозные места поклонения Первоотцу разной степени древности без особого труда можно было отыскать в любом уголке королевства. В Ламильяне Первоотца почитали, пожалуй, лишь чуть меньше, чем Первоматерь, и значительно больше богов-стихийников, властителей тверди, ветров и вод. Лишь Дагонт стоял особняком, ему, как бы это поддипломатичнее выразиться, не то чтобы поклонялись, скорее восхищенно признавали несомненную пользу и немного опасались авторитета бога, искореняющего грязь в душах. Но нам-то нужен путь паломника, ведущий в тюрьму. И не в абы какую, а в ту, где Ушедший заныкал третий ключ.

Пришлось снова вручать Фиилору зонтик с замаскированной рогулькой. И вот уже принц в коричневом мешке, торжественно именуемом плащом паломника, встал на неизвестном перекрестке ламильянской земли. Вооружен и очень опасен (взглянешь — от смеха помрешь с гарантией) был наш искатель в робе, из которой выглядывали лишь прядки золотистых волос, тонкий носик и поблескивали напряженной готовностью зеленые глазки. Умилительный зонтик, изукрашенный цветными ленточками, дополнял картину, повышая градус общего абсурда.

Решено было для начала не хватать принца за конечности, водить хороводы, а постоять рядом. Вдруг телесный контакт больше не обязателен и два ключа, лежащие в мешочке на поясе, помогут Филе с определением направления? Мы расположились поодаль и все вместе, включая лошадок, с интересом наблюдали за процессом. Фиилор нервно покрутил зонтик в ладошках, покачал его в руках, как младенца, что при подкладной подушке

смотрелось жутковато. Будто свихнувшаяся девка принимает аксессуар за новорожденного ребенка. К счастью, сеанс кошмара быстро завершился. Принц, ухватив ручку зонтика-рогульки обеими лапками, храбро зажмурился для лучшей настройки на телепатические волны. Постоял, явно ничего не улавливая, вдохнул, шмыгнул носом и робко спросил:

— Может, мне того напитка глотнуть, как под стенами Кретаграта?

— Сопьешься, если каждый раз за сивуху хвататься будешь, — посочувствовала я принцу.

Мужчины задумчиво переглянулись. Шериф не хотел поить воспитанника, Дабл-Кей особого вреда от пары глотков не видели, ежели для пользы дела.

— Давайте для начала ему понюхать дадим. Может, не алкоголь в крови, а мерзкий запах режим поиска принцу врубил? Филе настолько захотелось найти нужное, чтобы больше ничего противного не нюхать, что он взял и сразу нашел... — начала рассуждать я.

— У тех стен много чем воняло, — хмыкнул Кирт. — Нам такого амбре нипочем не воссоздать.

Шериф вздохнул и разрешил понюхать сивуху. Керт вытащил из нычки под днищем кареты фляжку, извлек пробку и ткнул принцу прямо в нос. Филя честно вдохнул полной грудью, закашлялся, покачнулся, вцепился в зонтик, как утопающий в соломинку, и снова зажмурился. Поднял зонтик вверх, вытянул перед собой и поводил влево-вправо, влево-вправо.

Да, такого представления здесь не случилось отродясь! На столб-указатель приземлилась непуганая крупная серая птица и глумливо хохотнула-каркнула. Зажмуренный Фиилор вздрогнул, покачнулся и ткнулся кончиком зонтика вправо. Птица, сделав черное дело, шумно снялась с места, а принц распахнул глаза и неуверенно протянул:

— Кажется, потянуло в ту сторону, и словно огонек теплый в животе на мгновение зажегся.

— Сейчас тянет? — справился Шериф.

Филя снова перехватил покрепче зонтик, поводил им в разных направлениях и почти уверенно признал:

— Да, туда тянет. Первый раз едва-едва чувствовалось, а сейчас, как еще разок попробовал, сильнее потянуло. Как если бы ко мне волосок тонкий привязали и туда повели.

— Значит, нам в Исперскую кандадьню, — покумекав, определился Керт.

— Там страшные преступники? — с неожиданным азартом переспросил Фиилор.

Вполне возможно, он, как многие слабые нервами типы, обожал слушать жуткие истории, после которых и со здоровыми-то нервами заснуть проблема.

— Не особо, — разочаровал принца Кирт. — Больше те, кто познатнее, там срок коротают. Убийцы, конечно, тоже встречаются, но не такие, кому виселицу вечным заключением заменили, а скорее знатные из тех, кого удавить политические интересы не позволяют.

— Рядом с кандальней собор Кающихся, — припомнил Шериф, порывшись в памяти на предмет достопримечательностей сопредельной страны. — Но беременным в таком храме не место, лучше выбрать целью паломничества обитель Первоотца Милосердного. Она несколько дальше.

— Как скажешь. Значит, для всех чрезмерно интересующихся — мы в обитель, — пошевелил пальцами Кирт.

— Ты не понял, наша дорога в любом случае ляжет через обитель, — укорил охранника жрец. — Нельзя надеть плащ паломника и пренебречь молитвой в храме. Первоотец такого глумления над ритуалом не простит.

— Значит, совместим: поищем и помолимся, — снова подтвердил Кирт и получил на свою болтливую голову очередную шишку, прилетевшую с абсолютно чистого (ни облачка, ни деревца рядом!) неба.

— Судя по всему, нас слышали и одобряют, но в очередной раз предупреждают о пользе молчания, — перевела я суть знамения под одобрительную усмешку Шерифа.

Шишку он, между прочим, с дороги поднял и припрятал где-то в коричневых складках плаща. Правильно, нечего знамениями разбрасываться. Вдруг пригодится? Скажем, самовар растопить.

Выпивку в очередной раз спрятали куда-то под днище кареты, не дав Фильке ни понюхать вторично, ни лизнуть. Нечего молодежь спаивать, она и так живет как во сне романтическом, ладно хоть не страшном. Я и под дулом пистолета сивуху лакать не буду, вот если бы ликерчика предложили кофейного или хорошего красного винца... Эх, где ты, мой маленький бар, кому достался в наследство?

Но оставим мысли о вкусном и грустно-недостижимом. Мы, получив ориентиры, снова пустились в дорогу. Кое-кто бегом — вот же выносливые, как лошади, мужики! Или даже более чем лошади и куда как неприхотливее. Их после пробежки точно ни скребками чистить, ни поить аккуратно не нужно. Ну и всякое такое, для меня, по счастью, запретное (а то получу за доброту копытом промеж глаз!), делать не требуется.

На ночь пришлось остановиться в придорожном трактире, где, слава Дагону, ни насекомых в кроватях, ни мерзких запахов нечистот не было.

Кимея, глупышка, не понимала, а я уже давно сообразила, что здешний бог, несмотря на возвышенное прозвище и вершащуюся его именем непримиримую борьбу с всякими отступниками, в большей степени главный по СЭС. Очень полезный бог! Практически повелитель всех умывальников и сортиров Фальмира! Кстати, политически верный ход: пока Первоматерь и Первоотец сражаются за души людей, Дагонт давно прибрал к рукам их тела. Приучил к гигиене, чистоте и относительному (для меня, жительницы изнеженного технического мира) комфорту. Вроде бы бог не на первых ролях, но он везде, и без него людям, привыкшим к лучшему, враз хреново становится!

Ужинали мы, понятно, в комнатах. Паломникам светить капюшонами в общем зале не полагалось, что помогало против лишнего любопытства. И все было у нас замечательно, то есть спокойно, мирно, тихо и просто лепота, до тех пор, пока ночью — ну а когда же еще — в коридоре не раздался грохот. Ну... грохот и грохот, мало ли кто и чем гремит, может, ударник-любитель потренироваться решил и сейчас получит от поклонников по барабану. Так нет, грохот сопровождался характерно-знакомым паническим воплем. Сразу захлопали двери рядом, раздались встревоженные голоса, и очень быстро дверь в комнату, которую я уже традиционно делила с принцем, распахнулась без предварительного вежливого стука. Вошли Шериф и Кирт, внесли Фильку.

Толстая свечка-ночник, которую пришлось оставить у дверей, — Филя боялся полной темноты, а ночи царили безлунные, — выхватила кусок бледного, искаженного страданием лица, а потом, как Кирт повернулся, еще и неестественно вывернутую и опухающую прямо на глазах лодыжку высочества.

— Упал с лестницы, — крикнул Кирт, сгружая тушку в маскировочном плаще, который Фиилор не снимал даже ночью, на свободную кровать.

Вопроса: «Как?» — у меня даже не возникло, зато на языке вертелся другой: «Какого черта?» — который я заменила на более вежливое:

— За каким х... лядом его понесло в коридор?

Филя в ответ стал немного розовым и засмутился.

«Сортир искал, а нашел проблемы, как обычно, — догадалась я. — А все потому, что ночной вазой в одной комнате с девушкой пользоваться постеснялся. Воспитание не пропьешь, а неприятности наживешь».

Шериф между тем ощупал лодыжку подопечного и бесцеремонно дернул, возвращая ноге нужный вид. Филя вскрикнул подстреленной птичкой и упал в обморок.

Кирт снова досадливо крикнул, намочил в кувшине для умывания

чистую тряпицу, оставленную тут за полотенце, и уместил на пострадавшую лапку парня. Жалел он Фильку, и если я ему сестренку напоминала, то кого радилярский принц — ума не приложу. Может, любимого щенка или котенка? С такими-то глазищами!

— Теперь все равно отек будет, даже если забинтовать. — Я недовольно цокнула языком. — Интересная методика самострела.

Жрец только согласно вздохнул и полез в вещи принца, чтобы вытащить скатку бинта — местного аналога, конечно. Обычная узкая и длинная тряпочка без всякой эластичности. Где ж тут найти современный материал? Даже Дагонт — по гигиене, а к медицине касательства не имеет. Сняв нагревшуюся мокрую тряпицу, Шериф забинтовал ногу принца.

— Чего вы парня самострельщиком обозвали? — удивился Кирт. — Каждый может на лестнице споткнуться, я, если выпимши, не раз падал.

— Просто так, без мотива и повода, на Фальмире ничего не случается, друг мой, — покачал головой жрец, включая режим проповедника. — Боюсь, юный принц так мучился необходимостью, как ему подспудно казалось, обманывать бога, что невольно сам послужил для себя причиной падения.

— Это ты к тому, что парень ногу поранил, чтобы в карете честно ехать, потому как ходить теперь не сможет? Кобылу мне в жены! — изумился щитовик, а когда Шериф кивнул, признавая нелепость мотива, с неподдельной жалостью глянул на принца.

Да уж, повезло нам с живым ключеискателем, прямо скажем, очень условно повезло. Нет, работать-то он работает, но чинить, как и любой прибор, его приходится регулярно, даром что живой.

Посетовав на Филю, народ разошелся, а утром... Конечно, встать и побежать принц не смог. Сопел виновато и кидал полные раскаяния взгляды на нас. Может, боялся, что мы ему к вывихнутой ноге еще и перелом второй (или сразу шеи) добавим?

Калечить принца больше, чем он себя изувечил, разумеется, никто не стал. Жаль только, вмиг вылечить его тоже возможности не имелось. Наверное, моментальное исцеление боги считали непедагогичным, поэтому скоростное целительство травм, магическое или жреческое, на Фальмире распространения не получило. Вернее, дело обстояло примерно так: некоторая сила у жрецов все-таки была, и они могли поспособствовать выздоровлению пациента, но не враз и за минуту, а постепенно. Серьезно поранившихся порой вообще относили в обители Первоотца или Первоматери, где за ними (небесплатно, конечно) ухаживали, и больные на ноги поднимались быстрее, чем если бы валялись дома без жреческого

пригляда. Молитвами ли недужных поднимали или каким-то иным методом, Кимея не интересовалась. Ее догадки о неустанных молениях усердных служителей богов я на веру принимать не спешила.

После завтрака Кирт подхватил смущенного Фиилора на руки, посильнее натянул на глаза ему и себе коричневые капюшоны маскировочных плащей. Шериф поправил съехавшую набок подушечку в районе живота принца, и мы двинулись на выход.

Какой-то то ли не в меру религиозный, то ли просто излишне деятельный юноша подскочил к лестнице и, тишком пытаясь заглянуть под капюшон Фильки, принялся настойчиво предлагать помощь паломникам.

— Помолись об успехе нашего пути, — великодушно дозволил Шериф под тихое рычание пытающегося пройти с ношей Кирта. — И о своей скромности помолись, лирт, пусть отсыплет тебе ее малую горсточку Первоотец.

Смазливый повеса отвел глаза от нарядной туфельки Фиилора, выглядывающей из-под убогого рубища, и покраснел, отступив. Больше никто ни мешать, ни помогать не рвался. Керт заплатил за постой (кстати, паломникам полагалась скидка!), и мы продолжили путь.

Глава 13

ХОЧУ В ТЮРЬМУ!

Дорога наша, как уже было оговорено, лежала в Исперскую кандальню со специфическим контингентом. В тот же день до обители мы не добежали и не доехали, стало совестно беспардонно гонять щитовиков. Поэтому они порой бежали, порой переходили на быстрый шаг, и карета катила вполне неспешно. Узнавания под развесистой маскировкой мы не боялись и двигались спокойно.

По прикидкам мужчин и указателям, до тюрьмы оставалось несколько часов езды в нашем темпе. На ночь мы разместились в очередном трактире с очередным поэтичным названием «Придорожный». Я поймала себя на мысли, что эдакая безыскусность начинает не столько надоедать, сколько вызывать подозрения.

Тут у народа фантазия вообще не работает? Порылась в памяти Ким и с ужасом констатировала: и впрямь не работает. Как ушел Ольрэн, эффектно хлопнув дверью, так и стал угасать творческий пыл людей. Фальмир выцветал, становясь серой посредственностью. Да-а-а, интересно, и чья в том вина? Божественный дар творить был тесно связан с шутником Ольрэном и покинул мир вместе с богом или же Ушедший таким образом отомстил всем оставшимся, обрекая их в конечном итоге на вечную (для бессмертных-то богов) скуку?

Я не стала делиться своими соображениями со спутниками. Кимея слишком мало знала сама. Возможно, творчество отнюдь не в загоне или загон ему создан искусственно служителями богов при попустительстве или с подачи небожителей? Пожалуй, стоит с Шерифом для начала поболтать, а общий разговор о вдохновении пока отложить. Филю под оханье молодой и тоже пребывающей на сносях хозяйки трактира вынесли из кареты, я выбралась сама. Ее деловитый муж вместе с парнишкой-конюхом торопливо занялся лошадьми и вещами. На сей раз нашлось аж четыре свободных, чтобы всем разместиться с комфортом, комнаты.

Ужин в отдельный малый зал, где сидели лишь мы, паломники, принесла сама хозяйка вместе с парой служанок. Квохтала и суетилась так, будто мы были ее потерянными в младенчестве детками.

Я отхлебнула местного чаю и чуть не подавилась. Горячим или мерзким на вкус напиток не был, зато в очередной раз со мной в западло

решил сыграть дар. На хозяйке «Придорожного» прямо у меня на глазах проступали черные пятна. Одно как раз на животе, где зрела новая жизнь, и еще два поменьше — на ногах.

Когда гостеприимная хозяйюшка весело спросила, не нужно ли лиртам паломникам еще чего, я с тяжким вздохом отставила кружку и сказала:

— Нужно. Знать. Скажи, лирта, ты сейчас куда-то лезть или спускаться собралась?

— В погребе надо колбасы пересчитать, — растерянно отозвалась симпатичная пухлая молодка, распахнув в изумлении блекло-голубые глазки.

— Не ходи, сегодня-завтра не ходи, а лучше попроси кого-нибудь из мужчин проверить, все ли там со ступеньками в порядке, — посоветовала я и облегченно перевела дух.

Чернота выцветала. Люблю работать с доверчивыми и поддающимися стороннему влиянию людьми. Как с ними просто! Даже давить и призывать на помощь авторитет Шерифа не понадобилось.

— Ла-ла-ладно, — непонимающе пробормотала хозяйюшка и бочком-бочком коlobком выкатилась из залы.

— Пятна? — односложно уточнил Керт.

— Были, — кивнула я, принимаясь за тушенное с овощами мясо. Не картошка — репень, но ничего, пойдет.

— Ты достойно несешь тяжкое бремя, — в очередной раз поощрительно констатировал жрец.

«Хоть ты, Исаич, не подкалывай», — мрачно засопела я, не зная, как объяснить Шерифу свои отношения с даром. Наверное, больше всего подходило «чемодан без ручки: нести неудобно, а выбросить жалко». Привыкла, что ли? Или лестно было хоть такую особенность, выделяющую из толпы, иметь? Детально никогда не анализировала собственные ощущения, а потом новое стало настолько привычно-досадным старым, что и желание разбираться сгнуло.

А сейчас... Не знаю. Поставь меня снова перед тем зеркалом и скажи: «Заглянешь — встретишь Смерть при портфеле, зажмуришься — дар мимо пройдет». Самой любопытно, что бы я выбрала теперь, находясь в мире, где есть место волшебству? Думаю, лишиться дара и стать совсем обычной не захотела бы.

Ужин почти закончился. Я специально выжидала, чтобы серьезными темами не портить людям нагулянный аппетит. Дабл-Кей, понятно, ничто не смутило бы, но Шерифа я пожалела. Человеку и так в последнее время досталось изрядно: с еретиками бок о бок путешествует, в руках себя

держит, не шпыняет никого и покаяться не призывает. Филя, опять же, натура утонченная, заботы и внимания неотлучно требует.

Шум за тяжелой дверью послышался такой, будто к нам прорывались с боем. Мужчины насторожились, руки щитовиков скользнули под плащи к оружию. А в залу ворвался, бешено вращая глазами, трактирщик и с ходу, плюхнувшись на колени, пополз к столу, захлебываясь бормотанием:

— Сам Первоотец вас к нам послал! Ступенька сгнила! Моченое яблоко упало! Не заметили!..

Пока мужчина пытался подергать каждого из нас за плащ, мы уясняли: в погребке в самом деле могла случиться трагедия, потому что «Аннушка уже пролила подсолнечное масло». Одна из ступенек прогнила достаточно, чтобы подломиться под весом раздобревшей хозяйшки, а стоило ей ступить на следующую, так и вовсе оскользнулась бы на оброненном служанкой моченом фрукте.

Но поскольку в подвальчик после панического лопотания жены отправился сам трактирщик с хорошим фонарем, то все эти дефекты-ловушки обнаружить смог без членовредительства. О чем теперь в красках, пребывая в состоянии крайнего возбуждения, норовил нам поведать. Жрец пошевелил пальцами, встал и, подхватив взволнованного мужика, повел прочь. Вот так обломалась я с разговором. Хоть поужинала без докучных изъявлений благодарности. Не знаю, что уж там Шериф втирал трактирщику, но к нам тот больше не рвался. Зато Филя благоговейно-восхищенными взорами достал. Будь я более восприимчива, давно бы подавилась куском от такого.

Какое же счастье, что у нас нынче отдельные комнаты с щеколдой! Я сбросила надоевший плащ и еще более надоевшее платье с подушкой и, накинув халатик, выделенный Фиилором в мою личную собственность, с наслаждением плюхнулась на кровать. Эх, еще бы книжку хорошую, да кто ж даст-то? И взять самой негде.

Стук с одновременным голосом Шерифа раздался минут через десять блаженного лежачего одиночного безделья.

— Лирта Кит, мне показалось или ты искала беседы?

— Искала, — согласилась я даже без стопа сожаления и впустила гостя.

Шериф — не Филя, играть в стесняшки не стал, прошел и сел спокойно на стул, сдержанно улыбнулся, огладил бородку и чуть подался вперед, демонстрируя интерес.

— Мне мысль одна неприятная в голову пришла. О Фальмире и Ушедшем. Я помню все, что помнит Ким, но через призму ее восприятия

анализировать сложно. Скажи... — Я вздохнула и спросила в лоб: — Мне кажется или вместе с Ушедшим из мира сбежало само истинное вдохновение? Как ушел Ольрэн, так постепенно стала угасать жажда творчества людей. Ким, к примеру, не помнила ни одной по-настоящему новой песни или стихотворения. Да что там искусство, я как вспомню названия трактиров, меня на нервический смех пробивает! «На площади», «На перекрестке», «Придорожный»... Ха!

— И как бы ты назвала этот трактир? — осторожно уточнил Шериф.

— Да как угодно! После сегодняшнего его вообще можно переименовать в «Пять плащей и жрец», «Ступенька и яблоко», «Место для чуда» или «Предсказанному — верь»! Интригует, и все спрашивать будут, почему так, глядишь, на постой встанут, — всплеснула я руками.

— Я понял, что ты имела в виду, пусть и не замечал очевидного сам, — медленно прикрыл веки жрец. — Боюсь, ты права. Мы не умеем думать иначе. Возможно, разучились с уходом Ольрэна.

— Тогда понятно, почему так злятся на Ушедшего здешние боги. Они же наверняка привыкли развлекаться, наблюдая за людьми, а теперь никакого веселья нет, одна сплошная скука с рутиной остались...

Шериф задумчиво промолчал. Соглашаться со мной вслух означало бы критику того, кому служишь, с другой стороны, возражать жрец тоже не спешил. Аргументы говорили не в пользу Первоотца и компании. Пожалуй, молчание было воистину не только золотом, но и лучшей дипломатической тактикой.

За постой с нас не взяли даже минимальной платы, да еще продуктов в дорогу напихали, как в голодный год. И, выглядывая из кареты, я видела, как снимал вывеску с трактира хозяин.

Вопросительно глянула на закрепляющего дверцы, чтобы не распахнулись при движении, жреца. Неужто он подсказал идею о замене? Шериф усмехнулся, и я не выдержала:

— Какая?

— Они пока сами не определились. Увлечлись, спорят, — ответил тот.

Наши спутники мгновенно заинтересовались сутью вопроса. На этот раз я уже не стеснялась и озвучила во всеуслышание проверенную на Шерифе мысль об угнетении творческой мысли на Фальмире. Заставила компанию призадуматься, удивиться и согласиться с идеей проклятия. Но ничего прямо здесь и сейчас для развеивания «эффекта тупицы» мы предпринять не могли, поэтому тему вынужденно оставили. Потом еще минут двадцать развлекались спором, какое из названий лучше.

Практичным щитовикам нравились «Ступенька и яблоко» и «Пять

плащей и жрец», а Фиилор склонялся душой к волшебным названиям. Но, и это я отметила как должное, никто не предложил новый вариант названия, пусть даже совсем неудачный. Этот факт лег в копилку еще одним доказательством.

— А как мы в тюрьму попадем? — озвучил на обеденном привале наивный вопрос Фиилор, аккуратно обкусывая жареную птичью ножку.

— Подкупим охрану, — пошевелил пальцами Кирт. — Ухо в заклад положу, в кандальную частенько родственнички заключенных наезжают. Если хорошо заплатить, можно устроиться неплохо даже там. Еду, вещи, девочек заказать, разве что выйти нельзя. За этим точно следят бдительно. Стоит хоть слуху о побеге проскользнуть, охрана тепленькое место потеряет, как бы не вместе с головой. Помнишь, Кирт, у нас Лире учился? Он к дядьке-махинатору, что за фальшивую чеканку туда угодил, ездил. Проведывал. Надеялся, тот его в завещании упомянет. Несколько золотых извел, а только зря, все короне отошло. Не простил величество посягательства на свое право. Если бы дядька ее величество того-этого на кровати, может, и простил бы, а чеканку — нет.

— К кому будем проситься с визитом мы? Есть идеи? — уточнила я у Дабл-Кей как у самых больших знатоков контингента кандальной. — Или на месте определимся, когда вы за бутылкой чего-нибудь вдохновляющего с местными стражами перетрете? Тюрьма же не в чистом поле стоит? Там какая-нибудь деревенька по соседству есть?

— Есть, — хохотнул Кирт и в ответ на мой недоуменный взгляд пояснил: — Она так и называется — Прикандальная.

— Я не удивлена, — хмуро констатировала я и попросила: — Порази меня, скажи, что трактир называется не «Прикандальный»!

— Не поражу, — сожалея, цокнул языком трепач.

— А как иначе-то? — наивно спросил обделенный искрой творчества Фиилор, не увидев ничего странного ни в одном из названий.

— Как угодно. «Не тюрьма», «Кружка для стражника», «Предпоследний приют»... — начала я выдавать пулеметной очередью версии, глядя в изумленно распахивающиеся глазищи принца. — Ай, да как угодно!

Я отмахнулась и замолчала, откинувшись на подушки. Пока не обращала внимания на здешнюю ограниченность, привычно глядя на все глазками Ким, меня ничто и не царапало. А как своими взглянула — словно пелена маскировочная упала и шаблонная узость начала бесить.

— А почему «предпоследний»? — заинтересованно подал голос с козел Шериф.

— Возможны варианты, — хмыкнула я. — «Последняя остановка перед кандальней, перед кладбищем, перед возвращением домой под око поигрывающей сковородой жены».

Щитовики дружно грохнули хохотом, оценивая последний перл. Так могут смеяться лишь свободные, не примеряющие на себя неприятную ситуацию люди. Им вообще по контракту запрещено было жениться, пока состояли в охране принцессы. Чем парни с успехом и пользовались, развешивая лапшу на ушах всех готовых к знакомству девиц.

Деревенька Прикандальная медленно вырастала слева от дороги, справа восставала она — Исперская кандаля, больше похожая на волшебный замок, чем на тюрьму, — с необычайно белыми толстыми стенами, сложенными из крупных блоков. И верно, зачем рубить мелкие кирпичи, если недалеко горы, а в них когда-то был каменный карьер. Белый камень, не мрамор и не ракушечник, наверное, а что-то наподобие известняка. Хотя я не припомню, чтобы на Земле мне он встречался в настолько белом виде, скорее в серый или желтый отливал. С другой стороны, много ли я повидать успела?

Трактирная вывеска с очередным обезличенным названием вызвала у Дабл-Кей очередной приступ веселья. Местная прислуга озадаченно косилась на радостно похрюкивающие коричневые плащи и понять не могла, над чем таким угорают паркующиеся паломники. Но, наверное, слуги решили, что веселье как-то связано с благородным путем к Первоотцу, и с комментариями не полезли.

Очень любезный трактирщик обрадовал нас наличием свободных комнат и едва не довел до греха смертоубийства кучей уточняющих вопросов о дополнительных услугах. Интересно, когда его убьют за настойчивость? Я даже специально пригляделась, но черных пятен — меток смерти — не заметила. А жаль! Сейчас бы промолчала и даже совестью не мучилась. Всегда терпеть не могла навязчивый сервис!

В зале двухэтажного трактира, тоже, кстати, сложенного из белого камня, как и почти все домики аккуратной деревушки, было темновато. Окна имелись, но нарочно задерживались какими-то тяжелыми занавесками. И зачем? В темноте не так заметны мухи в подливке и мошара в пиве? Или стражникам с клиентами кандаляни в такой атмосфере встречаться удобнее? Темнота — не только друг молодежи, но и посредник между жаждущими свидания клиентами и стражей?

А что, вполне может быть. В левом углу, как раз там, где темнее всего, двое мужчин в серо-коричневой форме цедили пиво и с аппетитом употребляли что-то сочащееся жиром и мясное. Длинное, как сосиски, и

толстое, как сардельки. А-а-а, не угадала, это оказалась чесночная колбаса! Ударивший в нос запах успешно подтвердил версию.

— Я на переговоры с этим ароматным однозначно не пойду. Филю тоже пускать нельзя, его же сразу стошнит, и все наши договоренности пойдут прахом, — прошипела я из-под капюшона, усаживаясь за свободный стол рядом с Кертом. Шериф, Филя и Кирт сели с другой стороны стола.

Еда появилась на столе едва ли не быстрее, чем мы заняли места.

— Не торопись, найдем как договориться, — прочавкал Кирт, легко сходявшийся с людьми. — Поставим ребятам кружку-другую-третью, порасспросим, о каких грешниках Первоотцу помолиться особенно следует, может, попросим на этих самых грешников глянуть, чтоб, значит, точно знать, о ком перед Первоотцом словечко замолвить.

Или я ничего не понимаю, или наш щитовик только что на коленке соорудил весьма подходящий план. Повисшее за столом после его слов молчание подсказало, что я не брежу и остальные тоже поражены дельным предложением.

— Говоришь, мы творить и выдумывать разучились? — подколот меня Керт, озвучивая свежепереданную версию.

— Говорю. Оттого и удивляюсь. Или нашего друга так на приступ вдохновения пробило, потому что рядом с Филей сидит, а оба ключа неотлучно при нашем добывайке болтаются?

Шериф задумчиво огладил бородку и кивнул, признавая за версией шанс на существование.

— А я-то думал, чего мне в бок упирается? — озадаченно пробормотал Кирт.

— План хорош, — одобрил жрец. — Стоит заняться им сразу после ужина.

— Ага, пока те мужики еще способны языком ворочать, — ухмыльнулся словоохотливый щитовик.

Глава 14

ВОЖДЕЛЕННАЯ ЭКСКУРСИЯ

Щитовики поели быстро и отправили нас с Филей, как пол слабый и в литрболе сражаться не способный, по комнатам. Ходить, пусть не бегать, даже не сильно прихрамывая, принц уже мог. Отек с ноги спал еще утром, вправленный вывих заживал, и если ногу не нагружать, то потихоньку передвигаться наш самострельщик мог и сам. Но осторожничал, за стеночку держался, за перила лестницы. Из-за широченного плаща подпрыгивающая манера его передвижения не бросалась сильно в глаза.

Сами щитовики с религиозной поддержкой в лице Шерифа отправились знакомиться со стражниками.

Фиилор, сбросив в пустом полутемном коридоре надоевший капюшон, тишком спросил у меня, как думаю, пойдём ли мы завтра в кандальную. На что я честно ответила: завтра — вряд ли, во всяком случае, не с утра. Стражам проспать надо, с тем главным, кто разрешение на экскурсию дает, потолковать, аванс поделить так, чтоб ни самих себя, ни начальство не обидеть...

— Поскорей бы, — мечтательно вздохнул принц, топчась перед дверью в свою комнату.

— Не терпится оказаться в тюрьме? — изумилась я.

Радильяское высочество хихикнуло и шепотком поделилось:

— Очень хочется посмотреть, какой третий ключ будет. Любопытно!

— Почувствовал вкус к приключениям, Филя? — снова удивилась я.

— Я... мне нравится, что я могу сделать нечто такое, что никому другому не под силу. Я больше не парадная статуя, которую отцу так удобно выставять, предъявляя всех сыновей толпе. Может, я слабый и не храбрый, но я принадлежу самому себе и собой являюсь. Когда смотрят на меня, теперь видят именно меня, а не младшего неудачного принца Радильяра. Мне еще поэтому так нравится новое имя. Оно на старое не похоже.

Вывалив на меня весь этот сумбур, Фиилор прижмурился, наверное, ожидая вала негодования, мол, как это ты посмел усомниться в своем предназначении — следовать воле короля Радильяра ради процветания родины?! Или, быть может, парень жаждал одобрения? Дескать, правильно, Филька, шли всех лесом и решай сам за себя, как взрослый пацан! Но я не

оправдала надежд, только сказала:

— Как бы жизнь ни повернулась и куда бы тебя ни забросила, для нас ты точно навсегда будешь Филей.

— Спасибо, — заулыбался принц и таки ухромал спать.

Я тоже ушла, не дожидаясь результатов попойки. Утром расскажут, если проспаться успеют.

Рассказали. Ближе к обеду, потому как проникновенная беседа паломников и стражей, одобренная пивом, а затем и другими, более горячительными напитками, длилась пусть не до утра, но до глубокой ночи точно.

Но стражникам врученный задаток вкупе с намеком на его утروение жег карман больше, чем похмельный синдром — горящие трубы. Они заявили в трактир уже поутру и пригласили к кандальне Шерифа. Нашего жреца в переговорщики выбрали как самого представительного и располагающего к беседе с властями предержащими.

Комендант тюрьмы любил поспать. Решать с ним дела следовало не раньше завтрака. Поэтому наш жрец, провожаемый предупредительными (как только могут быть предупредительны жаждущие благодарностей в звонкой монете люди) стражами, был препровожден к лирту Бегмору часиков в одиннадцать. Первое лицо кандали как раз успевало утолить голод к той поре и пребывало в благодушном настроении.

Шериф озвучил коменданту нашу легенду о благой идее, которая втемяшилась в головки парочки молодых паломниц, находящихся на его попечении. Вместе с лиртом Бегмором повздыхал о странностях женской логики и предложил скромную плату за помощь в организации экскурсии по кандальне. Даже не обязательно с посещением какого-нибудь не очень опасного заключенного. Это уж как левая пятка паломниц пожелает. То есть, конечно, речь шла не о пятках, а о душевных порывах беременных глупышек, но комендант все понял верно. А пузатый мешочек примирил его с необходимостью немножко нарушить правила. Впрочем, они и так частенько нарушались. Сейчас же не требовалось ничего передавать заключенным, а на наличие нескольких гостей в кандальне лирт Бегмор был готов закрыть глаза. И вообще, молитвы Первоотцу — дело благое, ему за помощь, может, зачтется где-нибудь, когда-нибудь там... наверху.

У кого другого порыв парочки дам, возможно, и вызвал бы подозрения, но лирт Бегмор являлся счастливым обладателем пятерых отпрысков и, что такое причуды беременной женщины, знал не понаслышке. Нам в очередной раз по-мелкому повезло.

Вернувшийся Шериф порадовал нас разрешением. Паломниц ждали в

тюрьме, как я и прикидывала, исходя из скоростей Фальмира, не раньше чем в обед. Комендант планировал лично провести двух лирт с сопровождающей охраной по коридорам тюрьмы.

Карета с жаждущими острых ощущений паломницами, сопровождаемая двумя выносливыми молодыми и лысыми, как коленка, охранниками, подкатила к белокаменной тюрьме. Подъемного моста и рва в заградительных мерах строение не числило. Ворота охранялись из часовой башенки, снаружи никто не топтался, нарушая эстетический вид. Все-таки этой кандальне, как я еще раз подумала, куда больше подошло бы звание дворца, но, увы, при выборе профиля сооружения со мной никто не посоветовался.

Ворота открылись, стоило Кирту в них немножко подолбить и поорать о договоренности с лиртом Бегмором. Мы с Филькой не успели выйти, как во двор вышел мужчина в том кургузом нечто, которое ламильяңцы считали парадным военным мундиром. Забавный момент: ширина отложного воротника эдакого чуда портняжной мысли грозила переплюнуть длину одеяния. Синий цвет с красным кантом совершенно не шел полноватому мужчине с по-женски пухлыми и чуть изогнутыми губами. Однако темные глазки под тяжелыми веками поблескивали внимательно. Пожалуй, несмотря на полноту, я назвала бы лирта Бегмора симпатичным, если бы не особо выдающаяся часть его облика — нос, напоминающий о сорокалетию туристическом походе в поисках места без нефти.

— Будьте! Приветствую вас в стенах вверенной моему попечению Исперской кандали, паломники, — скромно поздоровался главный по тюрьме.

— Будь! Пусть Первоотец благословит тебя, лирт, за доброту, — прощептала я. — Не каждый был бы столь снисходителен к женской просьбе!

Филя молча закивал. Его тенорок хоть и звонок, но мы решили не рисковать и попросили принца говорить поменьше, чтобы не навевать лишних подозрений. Лирт Бегмор расплылся в довольной улыбке и предложил поведать нам об ужасных и не очень ужасных преступниках, заключенных в стенах сооружения, за чашкой чая. Именно так лирт запланировал отработать частично оплаченный заказ. Не тут-то было! Мы уперлись рожками и настаивали на прогулке по тюрьме. Причем наш детектор нашептал на ушко жрецу кое-что очень любопытное. Фиилор, пока мы переминались с ноги на ногу во дворе, успел почувствовать тягу. Все-таки я оказалась права в своих предположениях о притяжении

подобного к подобному. Это, наверное, как с магнитами. По одному было совершенно незаметно, а как два в кармане (то есть под юбкой и плащом в сумке у Фильки) оказалось, так все заработало! Принц почуял, куда его тянет, без хороводов и живых цепочек. Разумеется, потянуло парня не как всякого непорядочного джентльмена — налево, а направо и вниз.

Потому Шериф и Кирт остались развлекать болтовней Бегмора. А мы с Филей и Кертом, к великой, пусть и тщательно скрываемой радости коменданта, не потребовав его лично в сопровождающие, отправились проникаться духом места и настраиваться на будущую молитву Первоотцу за преступников.

Темный-темный коридор, перемежающийся нерегулярными пятнами света от светильников, подходящим местом для прогулок не выглядел, но раз уплачено... Четверка стражников — двое во главе, двое позади — громко топала подошвами сапог, мы шествовали между. Двери в камеры закрывались специальными ставенками, открывавшимися снаружи. Поэтому усладить свой взор созерцанием камер и жестоких злодеев не получалось.

Фиилор сосредоточенно пыхтел, шлепая и почти не хромая. Парня, словно по натянутой незримой веревочке, тянуло к спрятанному в стенах исправительного учреждения ключу. Я уже начала гадать, что делать, когда и если принц достигнет точки «икс» и окажется перед дверью камеры, где таится ОН, наш ключ. Удастся ли нам уболтать стражу на свидание с узником? Или все-таки повезет и искомое найдется в коридоре?

Что вы думаете? Закон Мерфи вечен! Западло случилось-таки. Филя за очередным поворотом коридора второго подземного этажа кандальни свернул направо и чуть не врезался лбом в закрытую дверь камеры. Оглянулся быстро на нас с Кертом и лихорадочно прошептал одними губами:

— Там!!!

— Эй, лирты! — мгновенно среагировал щитовик, становясь развязно-бодрой интонацией похожим на своего родственника-трепача. — Чего это у одних камер ключ рядом висит, а у других нет?

— Так это... — красноречиво ответил левый задний стражник, кажется, один из тех двух, с которыми вчера буха... э-э... договаривались наши щитовики. Правильно, чем ближе к заказчику, тем вероятней окончательный расчет. — Ключи от дверей только у лирта Бегмора хранятся, ежели в камере постоялец сидит.

— А как же кормить? — подал наивный голосок Филя.

— На то дверца внизу, лирта. А все прочее в камере есть. Прогулки же

тем, кто на нижних этажах обретаётся, не положены.

— То есть сейчас в камере никого? — уловила я главное.

— Никого, лирта, — подтвердил стражник.

— А можно нам туда на чуть-чуть зайти? — с придыханием попросил принц, Керт как бы невзначай брякнул монеткой о монетку в кармане, многозначительно прибавив:

— Лиртам-паломникам надо настроиться для молитвы Первоотцу.

Стражники поскребли в затылках и согласились. Никаких инструкций по поводу того, что гостей нельзя запускать в пустые камеры, не существовало. Люди как-то чаще пытались покинуть стены кандаляни, нежели настойчиво стремились в них угодить.

Потому с двумя придурочными беременными паломницами, которым что-то желтое и жидкое вступило в голову, спорить не стали. Дверь со скрипом, помучившись минуту-другую с заедающим замком, отперли и широким жестом пригласили располагаться и чувствовать себя как дома. Даже аккуратно дверь за нами прикрыли для пущего антуража.

Мы бочком-бочком вошли и огляделись. Факел, опять же магический, как и все его собратья в кандальне, света давал ровно столько, чтобы не наткнуться на стенки впотьмах и не нырнуть в канализацию. Грязи внутри полутемной коробки не оказалось. Дагонта в Ламильяне чтити! В помещении имелось четыре стены и... и все. Присесть даже негде. Матрас и прочие аксессуары в камеру, по всей видимости, поставлялись одновременно с обитателем и выселялись с ним же.

«Где тут наш ключ?» — задала я мысленно сакраментальный вопрос и еще разок огляделась. Нет, ничего не упустила. В камере пусто. Неужели Филя ошибся? Я глянула на принца. А тот ни на кого не смотрел, он медленно, как сомнамбула по карнизу, шел к факелу. Тоже мне мотылек нашелся. Ну и пусть себе идет, все равно сгореть не сможет. Здешний светильник — не обогреватель, заключенных центральным отоплением никто баловать не собирался.

Филя маньяком-лунатиком дошкандыбал до стены. Глаза его были широко распахнуты, но казались слепыми. Принц смотрел не вперед, а куда-то в глубь себя. Так, созерцая неведомые дали или близи, юноша взялся рукой за один из двух вмурованных в стену держателей светильника, представлявшего собой немного приплюснутый конус, закрепленный на штырях. Ухватившись хорошенько, дернул железку.

С легким хрустом нижний держатель вышел из стены и остался в пальцах хрупкого принца. Светильник не рухнул — ему для равновесия хватило второй опоры. Несколько цементных крошек рассыпалось по полу,

и все. Переведя дух, юный вандал ликующе улыбнулся, задрал на себе плащ, юбку и сунул скобу от факела в мешок, подвязанный к поясу. Скоба, соприкоснувшись с камнем от стен Кретаграта и железным штырем решетки с площади Ральина, бумкнула с глухим торжеством.

Мы переглянулись и не сговариваясь дружно запели гимн Первоотцу. Как-то вот вдруг захотелось, да и миссии надо соответствовать. Пусть слышат, как мы надрываемся, и проникаются! Голос у Ким был тихим, но мелодичным, мелодию я вела ровно, не фальшивила. Филя тоже распевал гимн звонко и чисто. Заслушаться можно! Так мы, в качестве компенсации богу за то, что совершили, прикрываясь его именем, допели песню и вежливо постучали в прикрытую дверь.

Нам охотно открыли и не без облегчения выпустили. Все-таки немного опасаются здешние стражи беременных женщин. Небось выучились на жене коменданта, потому и обращаются как с гранатами, у которых чеку выдернули. У супруги лирта Бегмора, по словам щитовиков, сейчас шестой на подходе, последнего она прямо во дворе едва не родила, поэтому стражи знают, чего опасаться.

Мы опасений не оправдали, вели себя жуть до чего прилично, не буянили, в обморок не падали, демонстраций в защиту безвинно посаженных преступников не устраивали, рожать вот прямо сейчас не рвались. Вообще вели себя, как обещали Первоотцу, точно мышки, затихарившиеся под веником.

Великая миссия — вызволение ключа из застенков — увенчалась неожиданно скорым успехом. Нам даже Кирта и Шерифа, развлекающих скучающего коменданта, пришлось ждать. Бегмор так истосковался по цивилизованному обществу не преступников и не просителей, молящих об облегчении участи преступников, что никак не хотел расставаться с собу... собеседниками. Шериф еще ничего, а вот Кирт и сам комендант, вышедший проводить нашу карету и выслушать порцию благодарностей, покачивались заметно. Расчувствовавшийся лирт все норовил облобызать жреца и раз за разом приглашал его в гости, дескать, будете у нас на Колыме — заходите! Собеседник ловко выворачивался, избегая конкретных обещаний, и в ответ советовал посетить храм Первоотца.

Наконец мы выехали с тюремного двора, и Филька нетерпеливо задрал юбку, чтобы выпростать из-под нее мешочек. Распустил завязки и достал металлический, то ли вырванный, то ли выпавший из каменной стены держатель. Третий ключ более всего походил на согнутую буквой С металлическую пластину шириной в палец, длиной с ладонь. К нему прилагались два толстых гвоздя, что болтались в креплениях. Как уж

тощему принцу удалось вывернуть добычу из стены, не знаю. Если только с божьей помощью. Или его дар открывать, читай отдирать, все, что на пути к цели встречается, сработал?

Мы с принцем покрутили в руках очередной ключ, опять на ключничуточки не похожий, и, переглянувшись, синхронно пошевелили пальцами. Да, эстетической стороной ключетворения Ольтэрэн пренебрегал нарочито. Маскировал артефакты или издевался над сборщиками — теперь уже не угадать. Вряд ли где-то сохранились рабочие записки бога на этот счет. Зато такие, похожие на откровенный мусор, предметы прятать не надо. Если только от уборщицы восьмидесятого уровня, чтоб на помойку не отправили.

Мы совсем не удивились, когда в окне кареты замаячила любопытная физиономия Кирта, изнывающего от нетерпения.

— Где? Покажи! — потребовал щитовик.

Оглядел скобу, присвистнул и со смешком констатировал:

— Ха, кобылу мне в жены, ну и хлам! Одно хорошо, в краже такой ерунды нас подозревать никто не станет!

— Точно, — поддакнул Керт.

Жрец на облучке промолчал, потому как артефакт пока не рассматривал. Я же в очередной раз задумалась над причудливостью мышления Ушедшего. Кем надо быть, чтобы вытворить артефакты в виде эдакого безобразия? Разве что именно им, Ольтэрэном, жестоким шутником, покровителем метаморфоз. Если он и в обычной жизни вел себя с собратьями-богами столь затейливо, то я ничуть не удивляюсь их желанию избавиться от эдакого оригинала при первой же возможности. Порой те, кто не похож на нас, невыносимо раздражают своей непохожестью, а уж если они не конченные тупицы, то раздражают втройне. За таким и хотелось бы подняться, а не получится никак, потому и возникает завистливая злость. Или у богов все по-другому? Не знаю, если на Земле люди «по образу и подобию» творились, то и здесь вряд ли иначе случилось.

Глава 15

ЗНАМЕНΙΑ И ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

И что вы думаете? После добычи третьего ключа мы сразу развернулись на триста шестьдесят — или сколько там полагается — градусов и поехали за четвертым артефактом, спрятанным где-то у трона? Ха! Не угадали. Жрец не забыл недавнего разговора-договора. Мы все отправились завершать паломничество как полагается. Обитель Первоотца Милосердного, отстоящая от Прикандальной деревни на день пути, стала новой целью путешествия. Хорошо еще, что именно от обители лежала неплохая дорога на Валисанту.

Ладно, Шериф велел — мы поехали. В конце концов, Первоотцу мы и в самом деле немного задолжали. Или не немного? В пункт назначения прибыли под вечер и вместо немедленных молитв получили ночлег. Удивительное дело, жрецы обители Первоотца Милосердного оказались совсем не настолько истовыми фанатиками, чтобы пинками, приказами или укоризненно-фанатичными взорами гнать паломников в храм. Нас, особенно меня и Филю, развели по каме... нет, по кель... и снова нет, скорее по комнатам — спать. Причем кровать «в номере» была именно умеренно мягкой кроватью, а не лавкой или жесткой аскетичной подстилкой в уголке на полу. Интересно, всем такая радость выпала или для будущих мам даже суровый бог позволял размещение с удобством?

Я не успела додумать ценную мысль. Тело, растрясенное дорогой и умиловителенное плотным ужином — каша, но каша с мясом и густой подливой, — запросило баиньки. Умывшись и не снимая плаща (кто знает, может, тут камеры, то есть глазки наблюдений, понатыканы?), я хлопнулась на кровать и отключилась. Все, нет меня, встретимся завтра утром.

Вроде напиток с галлюциногенным плющом я не пила, однако во сне видела издали какого-то сурового чернобородого дядю богатырских статей, задумчиво разглядывающего меня и хмуящего чело. Хмурился дядя не зло, больше отвечая своим мыслям, потом покачал головой, едва заметно улыбнулся и одобительно кивнул.

Утром мне пощекотал нос мягкий лепесток и запах гвоздики. На подушке лежал цветок, как ответ на намек на личность того, кого я разглядывала ночью. И суровость Первоотца я тут же для себя оправдала:

попробуй с людьми помягче, тут же осмелеют, сядут на шею и свесят ноги. Мы такие, мы наглые и ленивые. Нам только покажи слабину, замучаем бесконечными «дай».

Мчаться сию секунду на поиски Шерифа и рассказывать о своем видении я не стала. Мне же ничего передавать не велели. Так, просто приснились в качестве то ли намека, то ли стимула. Дескать, я знаю, слежу, жду.

Интересно, а Шерифу тоже сегодня Первоотец снился? Он же вроде бог, так что ему раз плюнуть хоть ко всему населению Фальмира в сновидения заглянуть и с каждым побеседовать о чем-то своем.

Я умылась, поправила плащ и вышла из комнаты. Завтрак пока не несли, в трапезную не звали, ной над душой конвоем не стояли. Потому я решила немного прогуляться. Гулким коридором, где факелы в держателях встречались почаще, чем в кандальне, я прошла до приоткрытых массивных дверей, изукрашенных растительным барельефом. Скользнула внутрь и замерла в тени у порога, зачарованная, пораженная и придавленная завистью. Шериф был здесь, и он молился в молчании. Губы беззвучно шевелились, шепча известные слова, умиротворенное лицо буквально светилось таким искренним светом истинной веры, что становилось больно и чуть-чуть обидно, что так никогда никто не будет сиять для меня.

Громадный храм-зал с лесом колонн оказался столь велик, что в нем заблудилось бы и эхо. Икон в привычном понимании тут не имелось — все стены были расписаны сценами жизни Фальмира: бытовыми, военными, семейными, праздничными и скорбными. Нарисованных людей было множество, и каждый из них, занятый своими делами, устремлял свой взгляд вверх. Туда же смотрел творящий молитву Шериф. Невольно задрала голову и я, уставившись на уже знакомое бородатое лицо.

«Как же в тебя и тебе искренне верят, Первоотец, — подумала я, — мне даже завидно. Когда сталкиваешься с такой беззаветной верой, поневоле проникаешься». Но самое восхитительно-страшное и странное, что я почувствовала в этот миг: не только человек, жрец, верил в своего бога и своему богу, еще и он, Первоотец, платил Шерифу той же монетой. Может, поэтому и не спешил раздавать знамения, которые мне, чужачке, были столь необходимы.

Их в храме всегда было двое: жрец и бог — вне зависимости от того, сколько народу толпилось под сводами и искало милости Первоотца. И в других местах ничего не менялось: всегда он, бог, был рядом со жрецом. Расстояние не имело значения. Исключением стали лишь Пустоши, где

слишком сильно потоптался Ушедший, но и они не смогли поколебать веры Шерифа. Снова пришли на ум слышанные когда-то и не понятые слова: храм в сердце. Да... для Шерифа все было так. Он полагался на Первоотца, и Первоотец тоже рассчитывал на своего жреца. Мы, множество людей, всегда нуждались и будем нуждаться в подтверждении: знамениях, наставлениях, правилах, Шерифу же оно обыкновенно не требовалось. Поэтому он так задумчив и почти растерян был недавно в лесу, запрашивая прямые указания к действию.

«Хорош...» — в очередной раз подумала я, отступая за колонну в тень, откуда можно было еще полюбоваться молитвенным свечением Шерифа и четким профилем его лица так, чтобы он не увидел меня.

Чуть слышно скрипнула дверь, в храм вошел Кирт, поозирался и двинулся к жрецу. Тот пока ничего не замечал. Полуприкрыв глаза, витал в эмпиреях... и допытывался. Прямо из воздуха над пегой от белых волосков в каштановых прядках головой мужчины возникло свечение и упали два лепестка насыщенно-золотого цвета. Упали и запутались в волосах жреца. Он не ощутил, зато Кирт увидел и тихо поздоровался:

— Будь! Жрец, а ведь тебя благословили.

Шериф удивленно повел плечами и повернулся к щитовику:

— Будь!

При движении золотые лепестки слетели с головы и закружились в воздухе, очень неохотно приближаясь к полу. Жрец протянул руку и спокойно поднял их.

— О, брачное благословение. Ничего, что ты жрец? У вас вроде не часты союзы.

— По собственной прихоти — никогда, по воле Первоотца, соединенной с зовом сердца, — да, — загадочно ответил Шериф, словно что-то цитируя.

— Когда ты лапуле скажешь? — не удержался от любопытства Кирт, почему-то даже не усомнившись в выборе.

— Зачем? — мягко улыбнулся жрец, вновь полуприкрыв веки. — Золотые лепестки хизаля — не приказ, а лишь дозволение. Я не чувствую в лирте сердечной склонности, спит ее сердце, спрятанное за высокими стенами душевного льда. Ни к чему сейчас лишние тревоги. Главное у нас — общее дело.

— Ну-ну, — хмыкнул Кирт. — Смотри, уведут!

— Если моя — вернется, нет — пусть будет счастлива с избранником, — по-прежнему мягко, но уже с прохладцей, отозвался Шериф, пусть и признавая право на увод, однако четко показывая,

насколько ему не по вкусу такой поворот событий.

— Эк у тебя просто, кобылу мне... — осекся Кирт, проглатывая любимое присловье.

— Все действительно просто. Порой больно, но просто.

— Не всегда так бывает, — думая о чем-то своем, мрачно возразил щитовик, однако развивать спор не стал.

Оставил жреца в покое и пошел бродить по храму в одиночестве, не нарушаемом присутствием местных жрецов. Те, как нам объяснили, стекались сюда после обеда, чтобы дать с утра паломникам возможность побыть наедине с богом. Носители коричневых плащей, которым требовался посредник или консультация, могли явиться в храм позднее. Мы трое, независимо друг от друга, оказались единственными ранними пташками. Другие паломники в обители были, но утром изволили почивать. Наверное, придерживались старого правила: кто рано встанет, тот весь день зевает.

Я еще постояла, прокручивая в голове нечаянно услышанный разговор. Симпатия ко мне Шерифа, конечно, радовала. Покажите мне ту женщину, которой будет неприятно знать, что она привлекательна! Даже если не любим сами, знать, что любят нас, всегда отраднее. Корябало другое. Горения неистовой страсти в жреце не чувствовалось. Задевало осознание того, что мне, даже если жрец и сподобится сделать признание, а я на него отвечу, суждено всегда быть второй после служения Первоотцу. Оно мне надо? И зачем это надо Первоотцу? Чтобы пригрести под себя девицу, видящую печати смерти? Затем и цветочки раздавал? Ответа на вопросы пока не находилось. Может, прав жрец, ледышка я, отмороженная смертью и черными пятнами, потому и идет все так, а не иначе...

Из храма я вышла лишь через десяток минут после того, как его покинули жрец и щитовик. Показываться им на глаза не хотелось. Ненужные подозрения, вопросы, выяснения... Для чего, если можно тихонько уйти. Мало ли где я бродила. Может, вообще заблудилась, пока искала кухню или трапезную. Обитель — местечко простое, тут блюда в номера не разносят, все сами, ножками-ножками и ложками-ложками.

Поскольку в компании имелся собственный жрец, донимать нас душеспасительными беседами местная братия не стремилась. Все прелести общения с коллегами выпали на долю Шерифа. Он как ушел после завтрака общаться, так его продержали (или сам продержался) аж до позднего обеда.

За это время мы обошли храм, все храмовые постройки, постояли на невысокой, метра два, стене, окружавшей обитель, даже понаблюдали за повседневными трудами жрецов и всех тех паломников, которые решили

пожить здесь долее дня или в обители свое паломничество завершали. Такие должны были своим трудом или звонкой монетой, а лучше и тем и другим, отметить ради процветания обители Первоотца Милосердного. Мы работать не рвались и уехали сразу после «экскурсии».

Глава 16

АХ, КАКИЕ НОЖКИ!

Отбыв обязательную туристическо-божественную повинность, наша компания взяла курс на Валисанту. Плащи паломников на всякий случай не снимали до самой границы, чтобы не давать пищи слухам. Конечно, нас могли и не опознать спустя год, да и внешне мы теперь не очень походили на служанку принцессы и ее щитовиков, но береженого Бог бережет. Таиться мы перестали, лишь миновав таможенный пост Валисанты. Там Шериф совершенно честно объяснил скучающим стражам, что мы возвращаемся из паломничества, скромно умолчав о том, что к коренным жителям Валисанты мы никакого отношения не имеем. Все-таки здорово, когда нет засилья бюрократии. Паспортов, подорожных и прочей макулатуры для того, чтобы проехать из одной точки Фальмира в другую, никто не требовал. У жреца документами были «усы, лапы и хвост» — то есть его хламида с пояском и четки, у щитовиков — медальоны телохранителей, у Фили — родовой перстень, которым, разумеется, юный принц светить не собирался. У Кимеи знаком служебного соответствия являлась татуировка на запястье какого-то магического толка, которая за время нахождения моей души в чужом теле выцвела до едва различимого состояния. Наверное, мне объявили служебное несоответствие. И то правда, какая из меня служанка? Не приучена я перед кем-то прогибаться, никому бы собой так, как лапуля Ким, помыкать не позволила.

Хорошо еще для пропуска через пост хватило пары слов жреца и наших плащей. Никто не разглядел в нас великих злодеев, злоумышляющих против короны Валисанты. И правильно, мы ничего против короны не имели, нашей целью был, если помните, трон и только трон. Причем в самом буквальном смысле этого слова, ни одно седалище, его занимающее, не должно пострадать. Это по идее. Пьянчуга-менестрель сказал о том, что ключ хранился в троне. Вряд ли Ольэрэн превратил в нужную нам вещь весь царственный предмет мебели. Слишком извращенная шутка юмора даже для него. Негабарит, опять же, к коллекционированию плохо приспособлен. Но чтобы понять, какая часть трона нам нужна, следовало для начала на него поглядеть, а лучше пощупать. Оставалось надеяться, что нам не придется, как Бендеру с Воробьяниновым, варварски потрошить ценный царственный стул или

кресло.

Найти свободную комнату в столичной гостинице в канун праздника нечего было и мечтать, будь ты хоть три раза принц радильярский инкогнито и девица с лицом ее высочества Симелии. Поэтому пришлось довольствоваться двумя комнатухами «Пригородной». Эти-то с трудом выцарапали у хозяина харчевни, стоящей в получасе езды от столицы. Трех комнат, бия себя пяткой в грудь, мужчина дать не смог. Не помогли ни глазки Фили, ни грозно хмурящиеся щитовики, ни увещевания Шерифа. Комнат просто не имелось в наличии. Дороги были забиты, страна бурлила. Нет, намечалась тут не революция любого оттенка, а ежегодный большой праздник — День Цветов, отмечаемый в честь Первоматери по всем городам и весям Валисанти.

В этот день каждый житель страны старался превратить свой двор, дом и самого себя в цветник. Живые цветы в горшочках, вазонах, на клумбах, на коврах газонов, на плащах, шляпах и одежде дарили повсеместное ощущение праздника.

Сия флористическая феерия была нам на руку. Столица Валисанти, носящая одноименное название, тоже праздновала с размахом, купаясь в цветах. Шляпы и плащи, превращенные в передвижные клумбы, будто нарочно создавались для сокрытия любых лиц и прятали оные не хуже коричневых плащей паломников. А уж если присовокупить к этому манеру валисантицев и гостей праздника расписывать физиономии красками в цвет букетов на одежде, то узнать друг друга без труда не смогли бы и родственники. Этот бедламный антураж идеально подходил для поиска ключа. Оставался суший пустяк — подобраться к трону так, чтобы не оказаться потом в тюрьме, и найти нужный артефакт. Пустячо-ок-с...

Именно над тем, как добраться до царственного стула, произвести столярные работы и не угодить в лапы стражи, мы и ломали головы до вечера. Особых идей не было, поскольку не хватало информации. Проникнуть во дворец под видом слуг или торговцев? Пробраться под покровом тьмы тайком? Подкупить стражу? Перспективы и обстоятельства были туманны.

В тяжких раздумьях спустились мы к ужину. Стоило занять место за столом, как к нам, о чем-то перетерев с замученным наплывом клиентов трактирщиком, нахально подсел какой-то прыщавый юнец в довольно дорогой путевой одежде.

— Будьте, лирты! Прошу, выслушайте и помогите! Я готов выкупить ваши комнаты в трактире по цене вдесятеро большей, чем вы заплатили! — набросился на нас Прыщик.

— Нет, — хмуро проронил Шериф.

— Вы не понимаете, лирт, я готов заплатить свою цену немедленно, мою сестру снедает тоска, лишь надежда на то, что радость святого праздника Первоматери пробудит в ней радость жизни, привела меня сюда! — продолжил горячиться юнец, косясь на бледную девушку, жавшуюся в уголке за столиком у окна.

— Вы ей лучше вместо веселья грамотную травницу организуйте или уж сразу о повитухах позаботьтесь, — вставила я свои пять копеек в беседу, пока щитовики не ринулись бить морду лица нахалу. — Тогда и с весельем проблем не будет.

— Шшто-о-о?! — взревел раненым ослом Прыщик.

— Я подробностей не знаю, с кем из ваших друзей она настолько, хм, подружилась, чтобы сейчас печалиться, — пошевелила я пальцами, чувствуя себя в полной безопасности под прикрытием Дабл-Кей и жреца.

Филька ойкнул испуганным зайчиком, когда до него дошел смысл моих слов. Прыщик покраснел, следом побледнел так, что россыпь алых гнойничков на лице стала еще более яркой. Он открывал и закрывал рот, на несколько мгновений утратив дар речи. Из горла после ослиного рева вырвалось лишь:

— Хр-р-р!!!

— Не ярись, лирт, прежде побеседуй с сестрой, — мягко посоветовал Шериф, опуская руку на плечо нахала. Рука с тонким запястьем придавила рвущегося в бой юнца чужунной тяжестью.

— Вот-вот, вы б этот вопрос поскорей решили, пока сестричка сама скинуть ребеночка не решилась да не померла по глупости, — завершила я раздачу добрых советов и ткнула двузубой вилкой в котлету из рубленого мяса, ставя точку.

Дабл-Кей переглянулись, слаженно встали, зафиксировав с двух сторон Прыщика, и вежливо отнесли за столик к сестре, где Кирт начал беседу жизнерадостным:

— Будь! Ты, лирта, не бойся, брат про ребеночка знает, поможет!

Лирта открыла рот, выронила кружку, которую держала на весу, и, издав облегченный всхлип, кинулась брату на шею.

— Судя по всему, больше на наши комнаты никто не претендует, — умиротворенно констатировала я. — И девица целее будет.

Черные пятна на ней исчезли, да и других резких-дерзких, готовых переплатить за комнаты, до самого праздника более не объявлялось. А мы готовились! Для начала решили попытаться провести разведку боем на местности. Пробраться к дворцу, а может, и во дворец под прикрытием

праздника.

Порылись в необъятном гардеробе Фиилора. Там, в актерской его части, отыскиались не только цветные ленты и искусственные цветы, упакованные так хитро, чтобы поделки распушались, стоило их несколько раз встряхнуть, а еще и коробочка с гримом.

Праздник наша компания встречала во всеоружии и при боевом макияже. Неожиданно таланты к натальной живописи обнаружились у Керта. Заложил его Кирт, пришлось братцу-рисовальщику поставить дар на службу коллективу. Никто иной приложить руку к коробке с гримом и сотворить не мечту Хичкока, а маскарадную раскраску оказался не способен.

Таким образом, в день «икс» Филя стал маргариткой, я — белой розой, Керт — васильком, Кирт — колокольчиком, а Шериф, понятное дело, — гвоздикой. У случайного разносчика еще цветных лент прикупили вдобавок к имеющимся у принца. Ловкие пальчики Кимей, вооруженные иголкой, накрутили на шляпах и плащах такого, что нас, не раздев и не отмыв, теперь не узнала бы и родная мама.

В День Цветов мы получили холодный завтрак, потому что из трактира в столицу уже успели сбежать почти все слуги. Настолько не терпелось народу начать бух... эх, пусть будет «праздновать»!

Карету и лошадей волочь в город, где и яблоку вскоре негде будет упасть, никакого смысла не было. Потому мы нахально воспользовались щедрым предложением хозяина «Пригородной», чувствовавшего толику вины за приставучего Прыщика, и подъехали на его возке. Свой «лимузин» трактирщик планировал оставить у шурина. Болтливый мужик и его племянник не закрывали ртов, расписывая нам все прелести праздника. Стоило лишь этой парочке узнать, что мы никогда не бывали на Дне Цветов, и понеслось...

Тархтели они без умолку, и, о чудо, в водовороте чепухи нам удалось выловить самое важное слово — ТРОН.

— Эй, погоди! — встряхнулся Кирт, будто пытался выбросить из головы чудовищное нагромождение лишних фраз. (А-а-а, теперь-то поймет, как себя другие чувствуют под ливнем из слов!) — Ты хочешь сказать, на площадь перед дворцом настоящий трон выносят?!

— А как же, праздник-то какой великий, благослови его Первоматерь! — энергично закивал, сворачивая голову набок, племянник. — Трон весь в цветах стоит на помосте, ее величество вместе с народом гуляет!

— А принцесса? — дернувшись, насторожился Филя, проясняя шансы

на случайное столкновение с невестой.

— Не, то нет, Марилия не любительница танцев! Принцесса в храме поутру поет в общем хоре гимн во славу Первоматери! Я в прошлом году слышал, — похвастался трактирщик под тайный вздох облегчения принца и то ли похвалил, то ли покритиковал наследницу трона Валисанта: — Голосище аж до печенок пробирает! Королева же наша — та больше танцевать любительница! Не девочка уже, трех принцесс родила, а талия — как тростинка, своими глазами видел. Чашу с вином подымает, празднует! К вечеру даже в общем хороводе танцует и поет!

«Какая демократичность, — цокнула я языком с умиленной улыбкой, испытывая приступ несказанного облегчения. Вторжение во дворец отменялось. — Или к вечеру после пары-тройки чаш ее величество доходит до такой кондиции, что ей уже все равно, с кем петь и танцевать. Впрочем, нам это только на руку!»

— Ее что, не охраняют?! — заинтересовался Керт, пока Кирт выпытывал у племянника трактирщика технические подробности водружения трона на площади.

— Так стражи-щитовики вместе с королевой в общем хороводе идут, — добродушно усмехнулся в усы трактирщик, понукая привлеченную кустом у дороги кобылу. — И это же кем надо быть, чтоб в День Цветов, Первоматери посвященный, злое замыслить? Кому ж охота проклятие на себя взять?

«Это смотря сколько заплатят», — проскользнула в голове циничная мысль, которой я, разумеется, ни с кем делиться не стала. Вдруг и впрямь чего стрясется нехорошее, а тут я со своей ляпнутой версией — готовая кандидатура в соучастники-покусители.

Словом, нас довезли до столицы и даже пообещали забрать, если мы сподобимся добраться до трактира «Столичного», где оставят повозку, не позднее полуночи. Сразу ощутила себя Золушкой и испытала неодолимое желание проверить, нет ли на ногах хрустальных туфельек. Нет, мои обычные ботиночки, значит, это другая сказка или я не главная героиня. Слава местным богам и шутнику Ушедшему, на Филе тоже были его ботинки, а то столкнуться с новой версией сказки мне совсем не улыбалось.

Посмеиваясь про себя и опираясь на крепкую руку Шерифа, в звенящей, галдящей, поющей, смеющейся и цветочно-благоухающей яркой толпе я шла к дворцовой площади. Рядом пробирались щитовики с Филей, присмотр за которым добровольно взвалил себе на плечи Кирт. Как-то само вышло, что трепач оттеснил жреца от опеки принца, сам взявшись присматривать за нашим недоразумением. И, кажется, Шериф совсем не

возражал против рокировки.

Шли не более получаса, но за это время нас один раз попытались обокрасть, пять — напоить, трижды — утащить танцевать, пару раз — спеть и бесчисленное число раз — поцеловать. Город воистину бурлил! И мы в этом котле были не привлекающей внимания мелочовкой вроде крупинки каши.

На площади у дворца, по иронии судьбы удивительно напоминавшего Исперскую кандалию со снесенной крепостной стеной и расширенными оконными проемами (у них что, один архитектор или один проект на весь Фальмир?), был возведен довольно высокий помост. Его устилал ковер живых цветов. На оном, как и описывали наши попутчики, высился трон. Царственное кресло с высокой спинкой и массивными подлокотниками едва просматривалось из-под слоя флоры и какого-то расшитого цветами праздничного чехла. Королевы на сиденье не было — величество уже пошла, вернее, потанцевала в народ. Задорная музыка властвовала над площадью, люди пели и даже пытались танцевать всей толпой.

— Нам нужно доставить Фиилора к помосту, — озвучил очевидное Кирт.

— Дайте ему охапку цветов и зашвырните на помост украшать или побросать в гуляющих, — предложила я щитовикам.

— Точно! — просияли телохранители и выдрали из рук ближайшей цветочницы здоровенную корзину.

Получив серебряную монету, тетка передумала включать сирену. А Филя жалобно крикнул, попытавшись удержать всученную покупку на весу.

Недолго думая Кирт схватил парня вместе с корзинкой, посадил к себе на плечи и ледоколом двинулся к цели. Керт осчастливил вторую цветочницу освобождением от ноши и двинулся следом. Я крикнула в спину:

— Бросай цветочки! Бросай и не забывай орать поздравления, а сам вперед, вверх и ищи! Ищи!

С моим цыплячьим весом пробраться следом в одиночку не было никакой возможности. Выручил Шериф. Подхватил, на шею сажать не стал, но прикрыл от толпы, проталкиваясь за остальными. До высокого помоста, напоминающего гору, сотворенную из цветов, мы добрались без потерь, не считая нескольких сорванных лент и растрепавшихся цветочков. Натуральные бы такого давления не выдержали, но, по счастью, такими украшали только шляпы, а искусственные творения из лент благодаря сноровке Ким, мастерски скручивавшей и нашивавшей их на одежду,

пережили давку.

У помоста былолюдно, но ни один участник праздника почему-то даже не пробовал взобраться наверх. То ли запрет какой негласный существовал, то ли обычай препятствовал, но у нас имелся важный повод их нарушить.

Кирт буквально закинул Фиилора на помост вместе с двумя корзинками цветов. Паренек сориентировался быстро — выбросив несколько охапок цветов из самой большой корзины, он ухватил ту, что поменьше, и, продолжая вбрасывание флоры в толпу, с воплями: «Слава Первоматери!» — медленно пополз вверх. Народ на площади цветочный дождь оценил. Дурной пример оказался заразителен. Сразу с пятки инициативных любителей пошвыряться обзавелись корзинами и, взяв штурмом помост, принялись осыпать толпу цветами, перетягивая внимание на себя.

Под шумок Филя полез все выше и выше, пока вместе с корзиной не очутился с тыльной стороны цветущего трона. Неловко оступился, шлепнувшись в радужное изобилие, нарочито нелепо засучил руками, хлопывая цель. Широкие рукава одеяния трепетали лентами, как бабочки, частично заслоняя действия принца от возможных наблюдателей. С первого раза встать у нашего актера не получилось, он падал еще пару раз, вызывая в толпе смешки, пока на несколько мгновений и вовсе не нырнул под вышитое покрывало, скрывавшее ножки трона. Может, мне послышалось, но, кажется, я различила очень тихий треск. Спустя несколько мгновений взъерошенный герой в образе героини (под юбкой прятать ключи проще!) вынырнул из-под тяжелого покрывала и запустил вниз всем содержимым своей корзинки, полной мелких цветочков. Под этот растительный салют торопливо спустился вниз сам. Торжествующая улыбка принца-маргаритки, заметная даже сквозь грим, служила достаточным основанием для уверенности: Фиилор нашел четвертый ключ.

Подтверждая догадку, парень восторженно выпалил:

— Он у меня!

— Тогда ходу! — посоветовала я, впрочем, мужчины и без меня во всем разобрались.

Кирт подхватил и поволол Фиилора от помоста, где силами почти десятка инициативных дураков продолжался настоящий цветочный ливень.

На улицах, в сравнении с дворцовой площадью, было почти тихо. Но мы не спешили расспрашивать принца. Лишь после того как миновали несколько улочек, Кирт приостановился и спустил живую ношу на мостовую. Дальше снова двинулись так: щитовики с обеих сторон

прикрывают наше добычливое сокровище, сзади, за широкими спинами телохранителей, следуем мы с Шерифом.

— Легко, кобылу мне в жены, будто сами боги путь прокладывают! — коснулся моих ушей довольный треп нашего болтуна.

«Почему „будто“? — мысленно захихикала я. — Небось думают, мы для них стараемся, вот и подыгрывают. Ха! Впрочем, у них другого выхода и нет. Или так, или никак с подлянкой Ушедшего не справиться. А сам Ольрэн сидит где-нибудь „на облаке“ и ржет над дурацким квестом и потугами своих коллег подтасовать результаты. Самое главное, чтобы в итоге не подгадил».

— Так какой у нас ключ-то? — не утерпел с вопросом Кирт.

— Задняя ножка трона, — немножко нервно засмеялся радилярский принц.

— Остается надеяться, что трон, лишенный одной из четырех опор, не завалится в толпу, — заботливо рассудила я.

— Ничего, там еще три осталось, — небрежно хмыкнул щитовик. — И пропажу под покрывалом до утра точно не заметят.

— Хорошо, — оценил совершенный акт вандализма жрец, окончательно испортившийся в нашем бесчинном обществе.

Я повернулась на голос и охнула. На голове Шерифа появилось черное пятно. Как же не вовремя!.. А когда оно ко времени? Брр!

Ухватив за руку Шерифа, я встревоженно протараторила:

— Голову береги! Темнеет!

Жрец глупцом не был, про темноту все понял правильно и приостановился, прикидывая варианты. Я ничего прикидывать не стала, некогда! Вдруг счет на минуты идет? Один удар судьбы, и не будет рядом со мной этого спокойного типа! Кто кашу на привалах готовить будет, смотреть эдак загадочно теплым взором? Не хочу! Я схватила с ближайшего богатого крылечка подвешенную на тонких цепочках корзинку, выкованную в форме шлема, поросшего сейчас живыми цветами, и, вытряхнув лишнее, нахлобучила на голову жреца. Пятна исчезли, будто с доски тряпкой стерли.

— Вот теперь можно и дальше идти, — с широкой улыбкой оценила я красоту спутника, выглядевшего как персонификация престарелого Мая с иллюстрации к детской сказке.

Щитовики, не стесняясь, заржали, Филя тоже прыснул, я же мстительно прокомментировала:

— На вашем месте я бы не смеялась — кто знает, чем и как понадобится прикрыть вас, чтобы отвести беду. Под рукой может оказаться

и бочка с помоями.

— Молчу-молчу, лапуля, только не мадай меня в дерьмо и в навозные кучи не кидай! — заухал от смеха Кирт.

— Ради спасения друга я готова на любые жертвы с его стороны, — многозначительно намекнула я, заботливо поправляя корзинку-шлем на голове спасенного.

Гадать, что именно должно было приключиться с Шерифом, долго не пришлось. Сумасшедшая пьяная столица, отмечающая на широкую ногу самый важный в году праздник, — вот что произошло. Людская поспешность и желание перещеголять соседей в украшательстве дома стали вполне обычным оправданием случившегося. Когда мы уже приближались к тому местечку, где нас должен был ждать возок трактирщика, раздался треск над головами. Декоративный балкон, соединяющий два стоящих напротив дома на высоте третьего этажа, сломался, не снеся бремени цветочных кашпо и горшков. Негромкий хруст и нарастающий треск, сопровождаемый стуком нескольких камешков по мостовой, стал началом натурального светопреставления.

Балкон переломился, его части накренились над улицей, и вниз, как снаряды, посыпались горшки, разбиваясь о мостовую и об оказавшихся внизу бедолаг. Один особенно крупный глиняный обломок с поразительной ловкостью срикошетил от стены дома и звучно бамкнул о шлем Шерифа, прикрывающего меня от катастрофы.

Крики празднующей толпы из ликующих одномоментно стали матерными и испуганными, перемежающимися воплями боли. Насмерть никого не уложило, но посеченных мелкими осколками и ушибленных крупными хватало. Щитовики, защитившие Филю своими телами, матерились особенно выразительно, пытаясь выяснить, не пострадал ли принц. Тот попискивал тихо и растерянно, выкарабкиваясь из-под тяжелых туш охранников. Фиилор не убится и не порезался, но в мостовую его, спасая, впечатали быстро и жестко. А мешочек с ключами, ставший начинкой в бутерброде между тощим принцем и громоздкими компаньонами, понаставил синяков всем троим.

Из эпицентра катастрофы мы осторожно отступили на боковую улицу. К раненым уже спешили люди из близлежащих домов. То ли надеялись так загладить вину, то ли и впрямь проявляли человеколюбие.

— Спасибо, лирта, — поблагодарил Шериф, снимая с головы выручивший его шлем и помещая на первое же попавшееся крылечко.

Признательное пожатие пальцев было мне минимальной наградой. На что-то большее я не претендовала: народу многовато, да и, могу поспорить,

голова после удара по шлему у жреца гудит. Не до особенных благодарностей ему. Тут легонько-то треснешься, так выть белугой хочется.

— Эх, если б ты еще видела не только пятна, а как и где они появляются, — досадливо пожалел Кирт.

— Если бы бабушка была дедушкой, у нее был бы... — Я замолчала, давая возможность щитовику закончить мысль, а потом пояснила: — Таковы условия дара. Смерти можно избежать, но четкой инструкции никто не даст. Не положено! В основе этой игры лежит право выбора: выбора жизни, выбора смерти. Я вижу то, что вижу, и знаешь, Кирт, если бы меня еще и подробностями грузили, я бы уже лет десять как свихнулась.

— Идете? Или в трактир придется добираться пешим ходом, — намекнул Керт.

Мы выбрали боковую улочку, огибавшую подковой ту, где случился горшочный цветопад. Оставалось только радоваться, что Шериф в столице Ваписанты бывал неоднократно и ориентироваться на местности мог даже с больной головушкой.

Глава 17

А В ДАГОНТАРЕ, А В ДАГОНТАРЕ...

Общеизвестно: когда ждешь сам, кажется, будто время почти стоит на месте или плетется со скоростью столетнего старца, выползшего в скверик на вечерний променад. Стоит заняться каким-нибудь, даже самым пустячным делом, и вот уже стрелки на кругу пускаются играть в догонялки, секунды сбиваются в минутки, а те в свою очередь составляют ожерелье часа.

Конечно, подсознательно я употребляла привычные слова, но и в местных ориентировалась без труда. Спасибо памяти Кимеи. Система счисления времени на Фальмире отличалась от земной в лучшую сторону. Она была десятичной. Сутки составлялись из двадцати фаров, а те вмещали ровно по сто алей. А секунда счету не подлежала, но именовалась философски и просто — мир.

Так вот, полночь, по местным меркам, двадцатый фар уже пробила, когда мы лишь приближались к трактиру, замешкавшись с обходным путем, где не шла бомбардировка горшками. По счастью, все равно не опоздали. На двор трактира нас впустил пьяненький и веселый сторож, даже ничего не спросив. Может, запомнил, как мы, такие яркие, несколькими часами ранее уходили?

В повозке никого не было. Умаявшийся Фиилор задрых сразу, едва его голова коснулась сена в повозке. Он спал, комкая юбку так, чтобы надежно обнимать мешок с ключами. Мы не рискнули рассматривать выломанную ножку трона в столице, чтобы не навевать на себя подозрений случайных прохожих.

Поддатый трактирщик и его столь же нетрезвый племянник добрались до повозки немногим позже нас. Кирт то ли сжалился над гуляками, то ли заволновался о нашей безопасности, но отправил хозяев транспорта в повозку пассажирами, а сам «сел за руль». То есть взял вожжи. Благодарные владельцы тут же задали храпака, тем самым обеспечивая нам все условия бодрствования и возможность беседы.

— Как думаешь, теперь куда? — тихо спросил Кирт у Шерифа, сидевшего на повозке рядом.

— Дагонтар, — озвучил очевидную цель жрец односложно и мрачно в пик веселому празднику, царящему в городе.

Кирт присвистнул, а я тяжело вздохнула. Прогресс налицо: начали с мелкого побирушничества и пьянства, перешли к кражам и вандализму. Канализация, тюрьма, дворцовая площадь. Теперь на очереди реликвия — символ власти высшего жреца Дагонта. Боюсь, ее тишком утянуть никто не позволит.

— Не опасно нам туда? — задумался Керт. — Ты, жрец Первоотца, метку Ушедшего видишь, а служители Дагонта не разглядят?

— Вы не зря плащи паломников носили, — помолчав, ответил Шериф. — Свет его благословения сейчас ярче метки, спрятанной в ауре. Заслонил все. Пока он сияет, как раз время в Дагонтар наведаться.

— Ты заранее все продумал? — восхищенно присвистнул Кирт, уяснив, какого рожна нас всех таскали в обитель Первоотца Милосердного, как простых фанатиков-паломников.

Я же лишь сильнее зауважала жреца. Верующий-то он верующий, а даже свою веру на пользу делу пустить ухитрился. С другой стороны, это дело и его богу, похоже, выгодно, поэтому в плюсе все остаются. Нам остается надеяться, что нюх гончих Дагонта и его служителей не настолько остер, чтобы за меткой паломников разглядеть следы касания Ушедшего. Не то устроят нам не только головомойку, а еще и полный комплект очистительных процедур с банными в придачу.

Каким образом жрецам, по совместительству местной СЭС и службе надзора за неблагонадежными элементами, удавалось натаскивать собак на определение отступников, не ведал даже наш всезнающий Шериф. Я еще понимаю, когда пес реагирует на запах немытого тела, но как они злостных еретиков умудряются вынюхивать? Неужели и эта часть населения Фапмира имеет свой, особый запах? Или все куда проще и песики просто чуют аромат страха? Словом, по-любому вопрос, в достаточной ли мере прикрыл нас Первоотец и насколько хватит его защиты, будет очень актуален.

Покопавшись в информации, бессистемно распаханной в памяти Ким, я нашла-таки разгадку головоломки, подсознательно не дававшей мне покоя последнее время: с чего это местные люди и боги так взъелись на Ольрэна и его адептов. История началась во времена ухода, пardon за каламбур, Ушедшего, чем-то там подгадившего своим коллегам. Боги, если греко-римских вспомнить, вечно между собой против кого-нибудь дружили.

Позже сверху в общую кучку людской неприязни год за годом капали проделки жрецов и адептов бога, каждый из которых нес в массы «слово Ольрэново» в меру своего разума, которое зачастую воспринималось

как маразм. То, что сотворил Йорд с нами троими, надругавшись над телами погибших, не слишком выбивалось из общего стройного ряда выходов. Лишенные, как и все прочие, дара творить, последователи Ольрэна решительно восполняли недостачу таланта дурной инициативой, от которой горько приходилось всем, подвернувшимся под руку.

Отсюда гонения и жестокие приговоры. Вряд ли кто пострадал безвинно. Адептов Ушедшего не признавал ни один из оставшихся богов, и они не могли продемонстрировать свою непричастность, сотворив в качестве алиби самый обычный из символов-знаков. Поэтому суд был относительно справедливым (мало ли кто ступил на стезю поклонения Ушедшего чисто по дури?) и скорым. Пока преданный сторонник не успел ничего нашутить-вытворить, его скоренько подвергали воспитательным процедурам: от самой мягкой — заключения в монастырь на вечное перевоспитание, до крайней — убийства. Нам, пусть в аурах и просматривался знак Ольрэна, повезло: знаки Первоматери и Всеотца изобразить с ходу при встрече со жрецом мы могли, а значит, в скверне не погрязли. Поэтому Шериф к нам вполне терпимо относился даже поначалу. Если, дескать, эти меченые небо коптят и не отвержены, знать, на то промысел Первоотца есть. Это уж потом (хотелось бы надеяться, он в вопросе разобрался детально) за еретиков нас с Дабл-Кей принимать перестал и, возможно, даже чуть-чуть привязался. Все-таки бок о бок одно дело делаем...

За мысленными рассуждениями я и не заметила, как смолкли спутники, слушая празднующую столицу, храпящих людей и ночь, робко пытающуюся втиснуть звуки природы в человеческое буйное веселье.

Назавтра же нас снова ждала дорога. Дагонтар был основан раньше столицы Валисанты, пусть и никогда не примерял ее на себя. В этом городе, как объяснил Шериф, всегда была крепка церковь Дагонта, именно его выбрал своей резиденцией глава псарей Законника-Очистителя.

День пути для густонаселенной, по меркам Фальмира, Валисанты — вполне достойное расстояние от города до города. Рано утром мы тронулись в путь, сердечно попрощавшись с трактирщиком. Почему сердечно? Так вспомним вчерашний вечер. Собутельники и кандидаты в оные почему-то часто записываются в товарищи вне зависимости от продолжительности знакомства. Поэтому проспавшийся мужик не только обнял щитовиков, а еще и вручил в дорогу лишнюю корзину со своими фирменными колбасками.

Вечером, еще до густых сумерек, мы приблизились к Дагонтару в относительно плотном потоке путешественников. Обнесенный стеной, с

двойными воротами, сторожевыми башнями и стражами-псарями на въезде, город внушал уважение даже издали. Когда я потянула носом воздух и не почуяла жуткой вони, то уважение переросло в восхищение.

Уплатив пошлину и дав себя обнюхать паре лениво дергающих ушами лохматых черных псов, мы въехали в славный Дагонтар. Нет, до мытья улиц с шампунем тут еще не дошли, но в сравнении со слоями навоза и грязи немножко пыли на мостовой являлось истинным эталоном чистоты.

Никаких праздников, посвященных местной СЭС, пока не намечалось. Поэтому свободные комнаты в нужном количестве удалось отыскать уже в первом по счету трактире, устраивающем нас своим расположением. Ломать голову над названием здешний хозяин, по обыкновению мира, не стал. Он поступил проще — трактир вовсе не имел вывески с буквами. Хватало щита, где черной краской грубо намалевали три схематичных изображения: блюдо с жареной птицей, кружку и лавку, наверняка обозначающую кровать.

Располагался безымянный трактир, к которому направил карету Керт, в пяти минутах ходьбы от главного городского храма Дагонта. Именно там хранились и даже порой выставлялись на обозрение паствы божественные реликвии, дарованные богом своим жрецам для несения надлежащей службы. В их число входили — нет, не мочалка, мыло и гребешок, а кнут гнева, посох с нужным нам кристаллом чистоты и щит разума. Были ли предметы эти исключительно декоративно-божественного толка или и впрямь обладали великим могуществом, сведущие служители Очистителя открыто не распространялись. Предпочитали пелену тумана откровенным спецэффектам.

Понятно, слухи бродили самые разные. К примеру, один из них гласил: стоит преступнику, отрицающему Дагонта, оказаться в храме, как посох чистоты в руках главного псаря исторгнет ярчайший луч. Тот немедленно поразит нечестивца и обратит в прах. Бывало ли такое взаправду, сказать сложно. Во всяком случае, никаких совочков с мусором ежедневно из дверей храма не выносили. Кнут, кстати, по тем же бредовым предположениям, рассекал любой объект, несущий скверну, будь он живым или неживым, не трогая при этом ничего иного. Я сразу задумалась о практической демонстрации артефакта. Кнут щелкает, еретик распадается на две половинки, а его одежда остается целой? Так, что ли? Фу-у-у! О достоинствах щита особо не болтали. Закрывает он от чего-то кого-то, и пусть себе. Особой зрелищности в том нет.

Зато точно было известно следующее: все реликвии выставлялись в храмовом пределе на постаменте (не путать с алтарем) для всеобщего

обозрения раз в десять дней. Именно это число почиталось Дагонтом священным и являлось максимально одобряемым интервалом между полными омовениями.

При этом постамент торжественно охраняли девять лучших псарей со своими песиками, а сам главный псарь, если не находился в отъезде, одаривал желающих беседой и благословением.

Словом, подобраться запросто, как к королевскому трону на Дне Цветов, когда народ весел, пьян и замаскирован по самое не могу теми же цветами, не получится. Следовало искать другой выход заодно с входом, чтобы заполучить кристалл и слинять.

В недра храма, где проживают его служители о двух и четырех ногах, смысла ломиться тоже нет. Быстро ориентироваться в незнакомом пространстве, заполненном недружелюбно настроенными обитателями, мы не сумеем, а лезть внахалку — не лучший способ жить долго и счастливо. Куда ни кинь, всюду за... хм, клин, короче.

От нечего делать мы пошли проводить рекогносцировку под видом не молящихся, а просто глазеющих. В храме Дагонта хватало всякого люда. Истовой преданности от людей Очиститель не требовал: правила гигиены соблюдаешь, Олърэну Ушедшему не поклоняешься — молодец, возьми с полочки пирожок, только большой не бери, а маленького там нет.

Входом в святилище служила огромная арка, которую охраняли две статуи псов-стражей. Громадные остроухие псы из черного камня с зелеными огоньками в глазницах смотрелись внушительно. Они не скалили клыков, но сила, запечатленная неизвестным мастером, внушала уважение.

Внутри не было росписи, которую я подсознательно ожидала увидеть после посещения храма Первоотца. Имелись лишь скульптуры, резьба по камню и статуя самого Дагонта. Ким то ли подзабыла, то ли совершенно не заостряла на этом внимания, поэтому в ее сознании зрительный образ бога, в отличие от благообразных мужчины и женщины — Первоотца с Первоматерью, — отсутствовал. Громадная статуя рядом со свободным пока от реликвий постаментом заставила меня икнуть от неожиданности.

Дагонт оказался собакой страшной. То есть антропоморфная его фигура в полотенце, ничуть не скрывающем недурственных форм, заканчивалась головой здорового пса, похожего на псов-привратников. Только уши «собачки» были более острыми, а шерсть — не черной, а благородного шоколадного оттенка с золотистой искрой. Не знаю уж, какой минерал давал такой эффект. В глазницах сверкали черные камни, переливаясь радугой в глубине зрачков. Рот скалился острыми белыми клыками. Интересно, почему Первоотец, Первоматерь — человекоподобны,

Дагонт — собака, а боги стихий вообще тел в религиозной традиции не имеют, лишь символы? Воздух — птички, вода — рыбки, земля — плимт (местный родич крота), огонь — сарха (это племянница саламандры, выглядит как огненная бабочка). Такое впечатление, что в пантеон Фальмира сгребли богов отовсюду понемногу, где кого нашли, и так же ворохом забросили разделять и властвовать, не выправив толком до единообразия.

Но Дагонт, право слово, шикарен! Начинаю понимать древних египтян с их зверопантеоном. Что-то в этом притягательное есть. Или я латентная созерцательная зоофилка? Вон Кирт все кобылу в жены просит, а я буду пса Дагонта требовать в мужья. Хи-хи! Вообще-то щитовик ничуть не зоофил, а присловье про брачные претензии к лошадке подхватил от дядьки-кузнеца, которому сызмальства помогал. Тому, наверное, эта ругань помогала капризных лошадей подковывать. Как рывкнет, лошадь испугается, замрет, а пока прочухается, изготовится возражать — поздно, подковали.

Размышляя о шикарности образа Очистителя, я любовалась изваянием, игрой радуг в каменных зрачках, способных гипнотизировать паству. А этот коварный тип собачьей наружности... Он взял и мне подмигнул! Ой! Рядом слаженно охнули другие члены команды, а Филя закашлялся, подавившись воздухом. Значит, или галлюцинация массовая, или это был не глюк, и Дагонт в собственный храм к нам на огонек заглянул.

— Он мне подмигнул, — промямлило самое слабое звено в нашей команде — принц Фиилор, он же просто Филя.

— Все это видели? — уточнила я, и кивки от Дабл-Кей и Шерифа стали подтверждением.

— Значит, Очиститель не против нашей затеи, — бодро, с искренним облегчением объявил Кирт.

Становиться на путь религиозных преступлений никому из нашего коллектива не хотелось, и намек бога снял здоровенный камень с души и совести, заодно, кажется, обещая прикрыть грешок храмовой кражи.

— Если от большого взять немножко, это не грабеж, а только дележка, — процитировала я старую детскую присказку. — Предлагаю считать, что Дагонт перетер о наших делах, путях и целях с Первоотцом и бучу поднимать не станет. Теперь Очиститель согласен помочь или хотя бы не вмешиваться.

— Он мне снова подмигивает и вон на тот проход кивает, — медленно выдохнул Керт, тыча в сторону скромного коридорчика, замаскированного

статуями тройки псов.

Да уж, не привык щитовик к столь эффектным жестам богов. Не смотрел, бедолага, голливудских блокбастеров, «Мумии» ни единой не видел, а то был бы спокойнее удава с пятью кроликами в животе.

— Думаю, это неспроста, — тихо промолвил Шериф.

— Исходя из того, что среди нас только один потенциальный пес, согласна, нам показали, куда надо идти, точнее, одному из нас на четырех лапах, — резюмировала я, потирая руки. Идея о прихватизации ценного кристалла из храма начала обретать очертания.

Подмигивать в ответ Дагонту мы не стали, но поклонились уважительно, обрисовав на груди ритуальную форму клыка — банальный треугольник вершиной вниз, и осторожно сместились к статуе песиков с задранными, будто старательно нюхают воздух, мордами. Между прочим, живые копии этих песиков — собачки Дагонта — свободно шастали по храму, беззастенчиво приставая к отдельным посетителям с требованием глажки, ласки и подачки. Жрецы-псари этому не препятствовали. У нас с собой съестного не имелось, потому пришлось, едва бог перестал семафорить нам глазками, компенсировать отсутствие деликатесов масштабным почесыванием и поглаживанием. Ой, нет, соврала! У Кирта, любящего пожевать в пути, в карманах и сумке на поясе оказались соленые сухари и полоски вяленого мяса. Пришлось щитовику раскулачиваться, угощать зверей. Все! Больше ни на что постороннее храмовые собаки внимания не обращали, мимо могло и стадо динозавров-еретиков протопотать без помех.

Такая вокруг Кирта поднялась толкотня (толчея, счастливые взвизги, тьяканье и мельтешение лап, хвостов, ушей и прочих частей разномастных собачьих тел), что появление еще одного пса среди пестрой когорты собратьев прошло совершенно незамеченным. Так же как и его отделение от коллектива и проскальзывание в проход за статуями.

Наших усердных ласк и еды из нычки запасливого щитовика оказалось достаточно, чтобы занять песиков минут на семь. Псы ловили кайф и чавкали, метеля воздух хвостами. Ни на что и ни на кого иного внимания не обращали. Так же незаметно, как исчез, под шумок из коридорчика потихоньку вернулся песик-перевертыш и присоединился к стае. Потолкавшись в общей куче, он снова отделился от коллектива и под прикрытием колонн стал человеком. Керт не сказал ничего, лишь показал на пальцах знак удачи, выглядевший на Фальмире как раскрывшая крылья птичка, составленная из двух ладоней.

Мы покинули храм Дагонта лишь после того, как псы опустошили

заначку Кирта и переключились на других посетителей. В дверях нас догнали пятеро псарей. Если бы не благостно-расслабленные лица, впору было бы насторожиться и нащупать оружие. Но нет, нас всего лишь одарили на прощанье «сувенирами Дагонта» — религиозными знаками его милости без всякой магической начинки. То есть повесили на шею медальоны с изображением бога, к которым колечком цеплялся клык — символ Дагонта. Подарочек принял даже Шериф.

В трактир мы не бежали лишь потому, что не стоило навлекать на себя лишних подозрений. Фиилор от нетерпения едва не подпрыгивал и смотрел на Керта такими жадными глазами, что, не зная мы причин, много чего нехорошего могли бы подумать.

В комнатах за закрытыми дверями щитовик не стал томить общество неизвестностью. Сразу вытащил из кошелька на поясе крупный, с мизинец длиной и габаритами с кулачок младенца, черный камень с искрами, очень напоминающий вставленные в глазницы статуи Дагонта в храме.

— Других кристаллов в жезле не было, — предупреждая вопросы, объявил Керт. — А этот сам из креплений в руку выпал.

— Он-он! — восхищенно согласился Филя, чьи пальчики рефлекторно потянулись тяпнуть ключ и спрятать его к другим предметам в мешок.

Мне на миг даже жалко стало: среди такого хлама драгоценный камень держать придется. Ладно хоть твердость у таких сверкающих штучек повышенная, не обдерется и не расколется наша новая прелесть.

Да уж, воистину Ольрэн шутник не из последних, но с эстетикой явные проблемы. С другой стороны, мой шеф, тот, который из сверхъестественной когорты, тоже на вид лысый хлыщ с портфелем. Никак не тянет на импозантного костяка в черном плаще с блестящим опасным аксессуаром условно-сельскохозяйственного назначения.

Возможно, спустя век-другой-третий быть патетичным и внешне многозначительным в целом и мелочах начинает надоедать, хочется поиграть в простоту. Не знаю, мне всяко до такого не дожить. Для начала хотя бы тощую фигурку служанки до нужной кондиции довести, а то пойду Шерифа соблазнять, а он оцарапается и решит: на фиг ему такое угловатое «счастье», лучше еще помолиться. Эх, какой мужчина под боком и никаких условий для романтики, сплошной экшен с фэнтези-пародией в придачу. Тьфу!

Пока мы любовались черным блескучим камешком, Фиилор снял с пояса мешок с добытыми ключами и бережно разложил содержимое на столе. Серый камень, отмытый от грязи Кретаграта, металлический прут из решетки, закрывающей «шахты канализации», держатель с двумя гвоздями

или болтами (с идентификацией местной фурнитуры я затруднилась) и толстая, круглая в сечении ножка от трона монархов Валисанта, выточенная из темного дерева с цветочной резьбой по периметру. Да уж, кому скажешь, что здесь собраны ценные артефакты, — не поверит. Одна радость: на Фальмире психических больных от общества изолируют редко, чаще лечат молитвами Первоматери и Первоотцу. Так что заведение с мягкими стенами нам не грозит. И воры, кстати, тоже. Такое добро никому и не продашь.

Кстати, занятная лингвистика: Первоматерь только Первоматерью именуют, а Первоотца еще иной раз и Всеотцом. Я вовремя прикусила язык и не стала кощунственно озвучивать предположения насчет тайного гарема у Всеотца из Второматери и Третьематери. Обидятся еще спутники, а мне с ними путешествовать истряпню есть. Гадать, не плюнул ли кто мне в суп-кашу, и получать с небес шишкопад или даже камнепад неохота. К тому же от Первоотца зависит благословение Шерифа на ухаживание за мной. Так что молчу-молчу.

Все подержали кристалл в руках, и принц быстренько, будто боялся, как бы не отняли, присоединил ключ к четверем его собратьям в мешочке. Финита! Больше нам в трактире, городе и даже стране делать было нечего.

Глава 18

ПРОГУЛКИ ПО КЛАДБИЩУ

Либар — город в Краю повелителей стихий. Именно там сизоносый менестрель напроорочил нам поиски шестого ключа. Да еще не где-нибудь, а на кладбище. Могилу чью-нибудь вскрывать придется или малой кровью обойдемся: памятник какой-нибудь раскурочим? Не то чтобы я боялась мертвых — после нескольких лет работы на Смерть я стала очень спокойно относиться к человеческим останкам. Есть, лежат себе, никого не трогают, отбегали свое? Вот и ладушки. Мне-то за ними бегать не надо, не требуется голову ломать, как спасти. Все уже случилось до меня, и даже если это было плохо, оно все равно уже БЫЛО.

Так что кладбище — значит, кладбище. И не в такие места хаживали. Зато в Краю повелителей стихий Ким и щитовикам, не говоря уже о Филе, бывать прежде не доводилось.

Закрытой зоной эта земля не являлась, но и потока эмигрантов из Ламильяна не наблюдалось. От нечего делать стала копаться в памяти Кимеи, выцарапывая подробности о конечной точке маршрута. Про Либар служанка не знала ничего, кроме собственно названия. О Крае повелителей стихий, а так назывались земли, которые избрали своими главными покровителями богов ветра, земли, огня и воды (они же Вадер, Транк, Айхор и Соита), тоже избытком информации не обладала. Есть такие территории, правит совет магов, в каждом городке его представитель имеется, Всеотца, Первоматерь и Дагонта тоже почитают, только вопросы предпочитают решать с помощью магии по максимуму, потому и знать наследственная тут как таковая отсутствует. В люди может выбиться любой обладатель дара вне зависимости от происхождения. Что занятно, опровергая все мои знания генетики, талант по наследству не передается. От могущественного мага огня, к примеру, с равным успехом может родиться как бездарь, так и обладатель любого другого дара любой степени интенсивности. Поэтому маги нос в своем Краю сильно не задирают. Чем кичиться, если среди собственной родни всякие попадаются, в том числе и абсолютно лишенные таланта?

Людям, выросшим в почитании единого правителя и знати, в Краю сложнее, чем в Вольных Пустошах, приходилось. Проблема идентификации значимых субъектов вставала во весь рост. В Пустошах

бароны на силу денег и воинов опирались, а тут только магия была единственным мерилом, не зависящим ни от чего. Впрочем, меня-то это не пугало, оставалось поудобнее устроиться в карете и путешествовать, путешествовать, путешествовать, блин!

С погодой в дороге нам, если мягко сказать, не повезло. Хотя непечатные выражения подошли бы к описанию ситуации куда лучше. Полил редкий для сезона дождь и оказался настолько мерзким, что превратил тракт в густую грязь. Карета в ней, к счастью, не вязла, зато вылезти хоть на пять минут по нужде и не уляпаться с головы до ног ни малейшей возможности не имелось. Широкие плащи паломников и великанские сапоги из Кретаграта сновагодились, но даже они не спасали от вездесущего грязного месива.

Вся дорога от Валисанты до Края повелителей стихий, а конкретно до городка Либара, в моей памяти отложилась как мокрота, грязь и тряска, перемежающаяся краткими мгновениями тепла трактиров.

Фиилор, бедняга, ухитрился простудиться. Теперь он сидел в карете напротив меня, обложившись носовыми платками, кашлял, чихал и сморкался так, будто пытался выиграть конкурс на лучшего сморкальщика. Отвары, теплая одежда и разогревающие мази принцу не помогали. Я бы, впрочем, удивилась, если бы помогли, говорят же — леченый насморк проходит за семь дней, а нелеченый длится неделю. Опасалась я только одного — заболеть самой, потому что ощущение закупоренного носа и натертой кожи ненавидела люто. На Фальмире даже капель, облегчающих дыхание, не имелось. Зато рос чеснок. Выбирая между «хорошо пахнуть» и «сохранить здоровье», я выбрала второе. Теперь мою шею украшало ожерелье из белых зубчиков. Кирт шутил, что мной нынче можно занюхать рюмашку, а Шериф только сочувственно покачивал головой, но сам ожерельями из овоща украшать шею не спешил. То ли рассчитывал на иммунитет, то ли на Первоотца. Наивный! Вирусам плевать на все, и боги — не исключение из правил!

Либар, увы, приграничным городом не являлся. Путь от Дагонтара до этого небольшого городка на юго-востоке Края занял почти пять дней. И лишь к концу пятого небо прекратило истерику и постоянные приступы дождя сменились чистой голубизной. Филе это не помогло. Вдобавок иммунитет не помог и Шерифу. Он ухитрился заразиться и теперь звучно шмыгал носом, изничтожая запас платков наперегонки с воспитанником. Благородный римский профиль чуть припух и покраснел. Я и щитовики пока держались. Я-то чесноком, а парни, похоже, регулярной дезинфекцией из фляжек. Во всяком случае, пахло от обоих ощутимо, но на ногах

стояли твердо, поэтому скандалить я не стала. За управление лошадьми в нетрезвом состоянии на Фальмире в тюрьму не сажали и не штрафовали.

Вывеску постоянного двора на окраине Либара я встречала как долгожданную зарплату после отпуска, когда впечатлений масса, а в карманах голяк. Комната, ванная, никакой тряски и чихающих зараз под боком.

«Окраина» и ее добродушная седая хозяйка приняли нас как родных. Кажется, шмыгающий носом Филя растрогал сухопарую даму, словно родной внук, а заодно перепало этой заботы и нам. Лирта Тирлис категорически объявила, что избавит юношу от простуды, и отправила его в баню с травами. Жалобный взгляд был последним, что мы увидели перед тем, как захлопнулись с грохотом массивные двери. Изнутри не долетало ни звука.

Принца радильярского, вернее, его распаренные останки нам вернули лишь через полтора часика. Выглядел парень как тряпочка, но носом больше не шмыгал и за ложку горячей похлебки, хоть и подрагивающей рукой, схватился жадно. А лирта Тирлис уже многозначительно указывала на выход Шерифу. Тот жалобных взглядов бросать не стал, мужественно поднялся и пошел на заклятие. Фиилор же тихо жаловался в процессе еды, как страшные мускулистые теткы хлестали его ветками, заставляли дышать вонючими травами и обмазывали чем-то щиплющим кожу и горячим — и все это в персональном аду, где сам воздух казался пылающим.

«Хорошая банька тут», — мысленно поставила я себе зарубку на память. Если инфекция доберется, знаю, где и чем вытравить.

Отогревшись, отъевшись и отдохнув, мы снова были готовы к поиску. Первым делом наши щитовики принялись за спаивание сынка лирты Тирлис, исполнявшего в трактире роль вышибалы.

Так уж повелось у мужчин: разговор под кружку чего-нибудь крепкого всегда выходит задушевнее и откровеннее, чем ответ на простой вопрос или даже на вопрос, сопровождаемый поблескиванием монетки.

Мы с Филей ушли отдыхать, а Дабл-Кей остались, не щадя печени своей, добывать информацию. Кажется, процесс затянулся. Ламильянскую песенку щитовиков в исполнении Кирта я услышала за своей дверью в коридоре уже во второй половине ночи.

Наутро совершенно здоровые радильярцы, проспавшиеся телохранители и я засели в комнате Дабл-Кей для совещания.

— Их три! — с ходу огорошил нас вестью Кирт, едва ляпнув местное «здравствуйте».

— Будь, — согласилась я. — Три чего?

— Кладбища, — предупреждая многословие напарника, ответил Керт.

— Долго искать, — приуныл Фиилор и поежился. Кажется, перспектива променадов по местам последнего покоя принца совершенно не вдохновляла.

— Возраст какой? — уточнил Шериф, оглаживая бородку.

— Тимику-то? Да уж лет тридцать, кажись, — прикинул Кирт, недоумевая, зачем нам такие подробности.

— Кладбищам, — внес ясность жрец. — Исходя из времени ухода Ольэрна с Фальмира, нам нужны те, которым не менее трехсот лет.

— Эй! — Я искренне поразились. — Неужели крюку из тюрьмы, решетке на люке и трону столько?

— Что тебя удивляет? — пошевелил пальцами жрец. — Кандальне почти триста лет, Ральин постарше ее будет, а монархии Валисанты почти тысяча лет, так же как и королевским атрибутам.

— Сложно оперировать такими сроками. Почему триста-то? Примерно в это время боги разругались окончательно, Ушедший ушел и оставшиеся всеми силами взялись искоренять память о нем? — нахмурилась я.

— Где-то так, — нехотя согласился Шериф с очевидным косяком высшего руководства.

— Стереть не вышло, — подытожила я. — Судя по всему, получилось как в моем мире с одним древним пироманом. Хотел прославиться, сжег прекрасный храм, в наказание его имя велели забыть. А люди, такие люди, частенько от противного поступают, и имя Герострата теперь только ленивый не знает. Дурная слава, конечно, но слава. Так что там с возрастом погостов?

— Вьютское самое молодое, оно у новой части Либара, — между тем принялся отвечать Кирт, разулыбавшийся во все тридцать два зуба при рассказе о поджигателе (вандал!). — Значит, не подходит. Зато Свиртиш и Захаль точно старше. На первом уже не хоронят лет сто, зато на Захаль до сих пор в семейные склепы или в мавзолеи родню подвозят.

— Не люблю я кладбища, — честно признался Филя, поежившись, и я не смогла удержаться от ответа:

— Просто ты пока не привык.

Фиилор содрогнулся, а Кирт укоризненно прогудел:

— Лапуля, не пугай мальчика.

— Я? Пугаю? Да я еще ни одной байки из склепа не рассказала! — искренне возмутилась я, захлопав ресничками. — Ни одного анекдота!

— Что, есть анекдоты про кладбище? — не поверил щитовик.

— Куча, и даже смешные попадают, — подтвердила я и охотно

поделилась одним из любимых про «зачем же нас бояться?».

Все смеялись. Кроме Фили. Тот выглядел так, будто собирался проверять паспорт у каждого встреченного на кладбище человека. М-да, больше ему точно ничего рассказывать не стоит, а то сегодня ночью я не усну от криков из соседней комнаты.

— Свиртиш и Захаль, — задумчиво повторил жрец, давая возможность Филе прийти в себя после моих невинных шуточек. Мне достались очередное укоризненное покачивание головой и легкий вздох.

— Я попробую почувствовать, какое из двух, — торопливо предложил принц, будто ожидал, что его вот-вот потащат на погост, да еще в заколоченном гробу.

Хотя нет, здесь покойникам отдельных домовин не полагалось. Привозили на носилках и сгружали в землю. Если попадался поклонник огня, то сжигали. Правда, водников почему-то не топили, а воздушников на деревьях не развешивали. Наверное, сказывалось влияние Дагонта Законника-Очистителя, то есть его решительные возражения касемо антисанитарии.

— Точно, у нас же твой зонт с рогулькой есть, — поддакнул Кирт и тут же испортил настроение парню сочувственным: — Только Свиртиш и Захаль в одном направлении, придется ближе к месту искать.

Стон, исторгнутый из тощего тельца радилярского высочества, был поистине душераздирающим. Ему посочувствовали, но отменить поиск даже не подумали.

Оставив Филю переживать, сами мы озаботились поиском наемной коляски, которая бы доставила компанию к воротам кладбища Захаль. Похоронных команд, плакальчиков и толп скорбящих у огороженного невысоким, до пояса, парапетом сквера — а именно так выглядело кладбище Захаль — не водилось. Если бы не каменные, металлические или деревянные стелы и скульптуры, рассеянные в траве между тропинками тут и там, место последнего упокоения вполне тянуло бы на место регулярного отдыха на природе. Никаких безвкусно-ярких венков с лентами и крестов, все мирно, тихо и гармонично. И чего Фиилор так разнервничался?

Мы оставили кучера ждать и вышли с зонтиком из коляски. Стояла жара, но напуганным недавними дождиками людям зонтик простителен! И вообще, может, мы от солнца его использовать собрались?

Чтобы дать принцу время на сосредоточение, его отконвоировали к первой же лавочке под сенью роскошной ветлы и оставили. Я и жрец присели на скамейку напротив под другой ветлой, чтобы не оставлять трусившего принца без присмотра. А Дабл-Кей решили чуток прогуляться,

поразмять ноги, поглазеть на местные достопримечательности.

Шум драки мы услышали не сразу. Но когда раздался характерный информативный посыл с вездесущей кобылой от Кирта, Шериф вскочил, явно не зная, поспешить ли на помощь щитовикам или остаться с нами как с самым слабым звеном команды.

К счастью, иной раз, чтобы проблема решилась, достаточно немного подождать. Раздосадованный Кирт вынес из-за пушистых туй побитого молодчика.

— Поджечь меня пытался, гад. Хорошо амулет удар отвел, — возмущенно объявил щитовик, от которого противно пахло жженой тряпкой. Кажется, чуть дымился край рукава рубашки.

Я, мимолетно порадовавшись тому, что щитовики у нас лысые и возгорание шевелюр им не грозит, уточнила:

— А Керт где?

— Там, остальных складывает, увязывает их же штанами, — отмахнулся Кирт. — Я к вам поспешил. Вдруг тоже кто кинулся?

— Это территория Кивара, чужакам здесь не место, — прохрипела жертва кулаков нашего говорливого щитовика. — Захаль — его край!

— Думаю, возникло недоразумение, — решительно вмешался жрец, пока мы пытались дружно сообразить, что за наезд.

— Лирт, мы не интересуемся материальным достоянием Захалья! — между тем с легкой укоризной, словно распекал шкодливого мальчишку, продолжил Шериф.

— Бреешь, мы другое слышали! — окрысился пленник и тут же тюкнулся носом в траву от тычка сапога Кирта. Дескать, не хами духовному лицу, а не то отправишься с его боссом общаться. Но вообще-то черных пятен на побитом осквернителе могил не было.

«Ё-о-о, нас за гробокопателей-конкурентов приняли и решили сразу разобраться, а не то и прикопать по-тихому на месте работы!» — сообразила и уставилась на Шерифа, мысленно поторапливая его вмешаться, пока разозленный Кирт не поспешил смыть обиду кровью и зубами хама, лишая нас информатора.

— Мы не ищем в местах последнего покоя поживы, клянусь Первоотцом, — веско промолвил жрец, осеняя себя знаком щита и меча.

— А чего ж тогда рыщете? — не поверил в добрые намерения нашей компании пленник.

— Здесь нет ничего, — выцал нам в спину Фиилор.

Наш сканер на тощих ножках успел-таки настроиться на поиск и только сейчас вынырнул из своих не то мечтаний, не то медитации для

оглашения результата. Теперь принц с удивлением рассматривал взъерошенных потасовкой щитовиков и молодчика на траве.

— Ищем? То лишь богам ведомо, — многозначительно обронил Шериф и велел Кирту: — Отпусти этого несчастного, мой друг. Он проклят уже тем, что живет поживой с мертвых. Метка гнева Дагонта на душе виднеется, и недовольство Вадера, повелителя воздуха, на нем. Не марай руки, сам он смерть свою встретит.

— Эй-эй, жрец, ты чего такое сказал? — заволновался пленник, окончательно отпущенный, вернее, брошенный на травку у посыпанной желтым песочком тропинки. — Какие метки?

— Тебе виднее, чей последний покой ты нарушил, навлекая на себя гнев двух богов, — прохладно ответил Шериф.

— Да я... да разве ж богам до того дело когда было?.. Неправда то, нет! — забормотал окончательно раздавленный член шайки грабителей могил, прекратив всякие попытки сопротивления.

— Богам есть дело до всего, кара каждому отступнику отмерена и в должный час свершится, — с достоинством отвечивал наш спутник.

Кладбищенский же вор совсем спал с лица и зачастил:

— Лирт жрец, как мне метки те снять? Подношения сделать, молитву особую прочесть?

— Раскаяться, — спокойно и просто поведал служитель Первоотца. — Но тебе этого не дано, потому как не чувствуешь вины за содеянное. Лишь низменный страх расплаты движет тобой.

Оставив раздавленного морально типа отдыхать на травке (тот раскачивался, будто в трансе, вперед-назад), а тройку его подельников — за кустами, мы покинули кладбище.

— Ты их там хорошо связал? — тишком уточнила я у Керта.

— Отлично, я еще и метку расхитителей могил на стволе дерева рядом вырезал, чтобы народ ведал, за что их вязали, — столь же тихо ответил находчивый щитовик.

И верно, мораль моралью, проникновенные проповеди проповедями, а все же нет надежнее средства, чем душеспасительная головомойка. Намнут осквернителям бока или даже сломают чего — в следующий раз хорошенько подумают, прежде чем на дело выйти. Мне как-то совершенно наплевать. Главное, чтобы к нам не лезли.

Глава 19

ЗАХАЛЬ, СВИРТИШ. ШЕСТОЙ КЛЮЧ

Стычка с бандитами стоила синяка и подпалин Кирту и прорехи на рубашке Керту, испорченное настроение не в счет. Мы снова загрузились в коляску с апатично подремывающим кучером и покатили к кладбищу Свиртиш. Когда уезжали, слышали за спиной нарастающий шум — разгневанные людские крики. Ага, нашли посетители Захали композицию с указателями «кто и за что». По крайней мере, там можно было не опасаться нападений «конкурентов».

— Я чего-то не понимаю? — задумчиво спросила я у жреца. — Неужели обирать покойников — дело столь доходное, что до драки за... «делянки» доходит?

— Амулеты стихий, — коротко проронил Шериф. — С ними принято традиционно хоронить магов, кладут даже в ларец с прахом. Порой такие творения весьма дороги. Настолько, что преступники не гнушаются грабежом захоронений.

— Это мерзко! — нахмурил тонкие брови Фиилор и тут же смешался, вспомнив, чем собрались заниматься мы сами.

— Мы чужого не берем, — тихо и веско напомнил воспитаннику жрец, вправляя мозги.

Принц лишь кивнул, однако повешенный нос не поднял. Может, бремя гробокопательства с него и сняли, а вот ужас перед смертью, так редко свойственный молодым, никто смахнуть с души Фиилора оказался не в силах. В детстве ли паренька напугали или такой пуганый уродился — сейчас разбираться поздно. Все равно стороной Свиртиш не обойдешь. Придется Филе страхам в лицо глядеть и работать, в крайнем случае работать, зажмурив глазки. Развернуться и смазать пятки салом мы не дадим. Да и сам не побежит, друзей не бросит.

Свиртиш, историческое древнее кладбище, между прочим, на собственно кладбище походило больше Захали. Увидела я и склепы со статуями, правда, не теми, какие у нас обычно ставили: ангелы скорбящие крылатые или другие фигуры скорби. Тут больше бытовые скульптуры присутствовали, отражающие основной вид занятий покойных при жизни. Кажется, для оформления семейных склепов статуи очередного родственника добавлялись к уже стоявшим в специальной нише по мере

умирания. Получалось интересно. Ювелир соседствовал с банкиром, ученым, магом или счетоводом. Иной раз я затруднялась с определением рода занятий. Каменные гробницы — просто музей под открытым небом — стояли в зарослях травы, кустарника и вековых деревьев. Мрачноватая, должно быть, в ночные часы обстановка, днем казалась воплощением аллегории покоя.

Филя, впрочем, не оценил. Как начал мелко подрагивать, стоило вылезти из коляски и шагнуть за опять половинные, до пояса, воротца, так и продолжал дрожать осиновым листом. Если и пытался что-то сказать, без толку. У радильярца зуб на зуб не попадал и крупные мурашки бежали по коже, будто он не в теплый летний денек погулять вышел, а среди зимы махом в прорубь нырнул. Однако зонтик-рогульку с нелепыми цветными ленточками парень сжимал крепко и шел вперед. Я наше хилое высочество снова чуток зауважала. Когда не боишься и идешь — здорово, но когда отчаянно трусишь и все равно шагаешь — вот это действительно имеет значение.

На здешнем кладбище посетителей не было вовсе. Нет, может, где-то и бродил среди склепов чей-то далекий потомок или просто любопытствующий, но не шумел и на глаза нам не попадался. Новой засады шайки гробокопателей под предводительством некоего Кивара на кладбище тоже не обнаружилось.

Мы медленно двинулись по мощенной красным камнем дорожке, давая возможность живому компасу перестать содрогаться и настроиться на работу.

Зонтик в одной руке и мешочек с артефактами в другой, оба щитовика по бокам для страховки — так шел Фиилор по дорожкам, ежась от каждого шороха и птичьего крика.

Тянуло его в самую древнюю часть Свиртиша, туда, где почти не было одиночных гробниц и скульптур, зато склепы вставали стройными рядами. Мечта археолога. Мало-помалу исчезали в оформлении зданий последнего покоя и скульптуры. Наверное, в совсем старые времена моды на них не было.

Наконец, покрутившись на пяточке маленькой площади перед тремя склепами, Филя уверенно ткнул рогулкой в самый заросший колючим кустарником. Будто и не склеп то был вовсе, а тот самый замок с хрустальным гробом, где заколдованная красавица ждала принца в летаргическом сне.

— Там, — решительно пискнул принц.

Щитовики смирили колючие кусты мрачными взглядами. Иглы на

иных ветках были сантиметров по семь-десять в длину. Желающему сохранить конечности в целости эту прелесть разводить руками без плотных кожаных перчаток категорически не рекомендовалось.

Переспрашивать, не сомневается ли Филя в своем выборе, никто не стал. Закон подлости временных и пространственных границ не имеет! Красивый беломраморный домик, заросший мягким мхом, или серо-зеленый, укутанный изумрудным выюнком, нам подойти никак не могли. Если уж куда нужно лезть, так в самую... эх, неудобную дыру.

А вот любопытно, Ушедший специально так цепочку добычи ключей построил, чтобы за нее ни один фанатик богов Фальмира не взялся даже под страхом отлучения от милости всего пантеона, а если бы взялся, то на середине пути бросил? Такие места, куда мы забредаем, и работа, за которую беремся, любого жреца до состояния харакири доведут. Нам с Шерифом очень повезло: характер нордический, стрессоустойчив, и не то чтобы с совестью, но с внешними признаками морали договориться способен. Душевыми терзаниями и сейчас не страдает. Я покосилась на жреца. Тот задумчиво изучал заросли, загораживающие дверь.

— Жалко добрый меч тупить, но не голыми руками ж... — Кирт хекнул и, вытащив клинок из ножен на поясе, приступил к сенокосу, точнее, к кустолому.

Керт присоединился к товарищу. Вдвоем они быстренько порубили щетинившиеся иглами кусты и, обмотав руки плащами, оттащили дровишки в сторонку, свалив между двумя склепами на травку. Может, кто из обитателей решит на шашлычки выбраться, а тут готовый склад топлива.

На двери серого с черными прожилками склепа ручки не имелось. Наличивалась лишь сплошная плита, прикрывающая вход, с дырочкой на уровне груди, просверленной с неизвестными целями: то ли для оригинального ключа, то ли в качестве глазка. И тоже неизвестно для кого: для посетителей или для здешних обитателей, каковые, если верить слухам, гуляют ночами, не обращая внимания на свой мертвый статус.

Кирт налег на дверь, проверяя, не откроется ли. Та, разумеется, не шелохнулась. И веревочки, за которую надо дернуть ради доступа внутрь, тоже не возникло. Другая сказка!

Керт пришел на помощь. Вдвоем они попинали дверь с тем же нулевым результатом. Для третьего, это если Шерифа решили бы позвать, ширины проема все равно не хватало. Для меня место еще оставалось, но толку от моих пинков не было бы и с фанерной дверью, не то что с каменной.

Щитовики отступили, только что в затылках не почесали. Мы с

подрагивающим Филей беспомощно переглянулись. Медвежатников в нашу компанию, увы, не затесалось, вскрыть дверь не получалось.

Он безнадеги я подошла поближе и постучала костяшками пальцев в плиту, запирающую проход: тук-тук-тук. Дескать, впустите, пожалуйста! Плита бесшумно отодвинулась. М-да, Дабл-Кей могли давить на нее хоть до морковкиного заговенья, и все без толку. А нанять подрывников, боюсь, у нас бы не получилось. До динамита в славном Фальмире додуматься, к счастью, еще не успели. И я не чокнутый профессор, изобретать порох не собираюсь. Люди и так постоянно убивают друг друга, чтобы им еще одну игрушку для этого подкидывать. Мне черных пятен вокруг хватает!

Пока дверь не надумала закрыться, мы (даже Филя, которого цепко взял под локоток Шериф) быстренько вошли. Вопреки законам жанра плита не задвинулась за нашими спинами и никакого зловещего хохота не раздалось. Не то чтобы я огорчилась, скорее не оправдались мрачные ожидания, возвращенные киноиндустрией.

Перед нами уходил вдаль темный коридор. Наличие двери за спиной, наплевав на физические нормы распространения света в пространстве, никакой освещенности в склепе не обеспечивало. Тьма стояла — хоть глаз коли. Вот позади свет летнего денька на живописном старом кладбище, вот шаг за порог — и темнота в отдельно взятом склепе, возведенная в абсолют. Никаких потусторонних шумов, скрежета зубовного, шарканья мумий. Просто тишина. А все равно от эдакого разграничения неимоверно жутко и без всяких спецэффектов. В душе первобытный человек просыпается, тот, который темными ночами у костра жался в пещере и всего таящегося во тьме боялся. Жить-то хочется! А небоящиеся потомства не дали. Вышли на воздух прогуляться, и — ам! — нету их. Естественный отбор!

Темный коридор пробыл темным не настолько долго, чтобы Филя успел испугаться до потери сознания, а остальная компания — озаботиться поиском факелов.

— Гладкая стена! — попробовал на ощупь поверхность Кирт и, вспоминая пещеру, где состоялось наше перерождение, прибавил: — Только золотых огоньков не хватает!

Словно в ответ на его слова, вдоль стен начала постепенно зажигаться цепочка огоньков размером с ноготок мизинца. К счастью, зеленого света. Огоньки были маленькими, но их размер компенсировался количеством. Впереди, метрах в пяти, коридор обрывался, уходя куда-то во мрак. На первых же трех шагах наш живой проводник-магнит-детектор запутался в конечностях и рухнул на жесткий каменный пол. Будто испугавшись

возможных травм посетителей и судебных исков, огоньки резко размножились, осветив хорошенько весь коридор и проход в... Наверное, в собственно склеп. Потому что сооружение с длинным постаментом, на котором лежит небрежно брошенная светлая тряпка, с равным успехом могло претендовать на столовую. Правда, расположение подкачало. Клиентов в таком месте не дождешься. Если только очень специфических и меню им под стать. Но кто знает этих магов стихий? Может, они после смерти тоже кушать хотят?

Кирт поднял Филю, заботливо, почти с умилением, отряхнул, и мы все дружно приблизились к небольшой зале. При ближайшем рассмотрении стало ясно: внутри есть не только постамент-стол с тряпочкой, но и стул на возвышении. Уже занятый. Там сидел... Ну да, скелет. А кого еще можно встретить в склепе, если грабители связаны и валяются на соседнем кладбище? Не их же забытого на очередном темном дельце коллегу?

С нашим появлением в глазницах хозяина склепа начал столь же постепенно, как на стенках, разгораться зеленый огонь. Всегда мне нравился зеленый, и брюнеткам он идет, а тут снова как-то неуютно от вида полыхающей изумрудными огнями черепушки стало. Я передернула плечами.

— С чем пожаловали? — голос исходил не изо рта скелета. Чем ему говорить-то? А словно возникал в склепе и резонировал с камнями и нашими костями, скребя по ним железным ершиком. — Грабители?

— Нет, мы ищем ключ Ольэрна, — невозмутимо объяснил жрец, выступая вперед и будто заслоняя нас всех.

Фигура Шерифа тоже засветилась неярким серо-голубым светом, но вся целиком, а не только глаза. Пальцы начертали в воздухе знак щита и меча. Знак сиял несколько секунд, прежде чем угаснуть.

— Давно пора! — по склепу загулял вздох облегчения, словно Сизифу предложили изъять его камень. — Забирайте!

— Что? — тупо переспросил растерявшийся от подобной почти дружелюбности Фиилор.

Даже непрерывная дрожь прошла. Может, сработала старая поговорка: «Клин клином вышибают»? Вот и принцу, чтобы унять дикий страх перед мертвыми, оказалось достаточно одного разумного, способного к диалогу скелета? Ну мертвый, и чего? Все равно двигается и говорит.

— Ключ, — терпеливо напомнил костяной собеседник, явственно начавший испытывать подозрения касательно душевного здоровья посетителей.

— А-а-а где? — наивно уточнил юный радильярец.

Похоже, я права — страх принца почти ушел. Теперь он испытывал смешанные чувства: во-первых, замешательство от того, что скелет оказался не страшной нежитью, а вполне адекватным собеседником; во-вторых, у Фили засбоило чувство детектора. В поисках ключа его тянуло к говорящему костяку, но на хозяине склепа не было посторонних предметов: ни украшений, ни оружия, ни самой захудалой тряпицы. Та, очевидно, на последнем ложе валялась.

— Ребро мое правое верхнее выломайте, — для особо одаренных стоически пояснил скелет и с целью наглядности ткнул пальцем в нужную деталь.

— Я не смогу, — ужаснулся Филия.

— А мне самому Ушедший не велел, — ехидно возразил немертвый собеседник. — Так что или ломайте, или проваливайте. Думать мешааете.

— Я мыслю, значит, существую, — невольно припомнилось мне.

— Правильные слова, лирта, — оживился скелет и уже мягче пояснил: — Ольрэн мое ребро ключом сделал, меня — стражем к нему, поэтому сам отдать не смогу. Сражаться с вами не стану — уж тем довольны будьте. Это Ушедший на мое усмотрение оставил.

— Спасибо, — неискренне поблагодарила я, с легким чувством стыда понимая, что не отказалась бы глянуть на не кинематографическую, а реальную драчку в склепе. Черных пятен на компании не видать, могли бы и развлечься.

— За что ж тебя так приложило или, гм, удостоило? — выбило затычку сдержанности из бочки любопытства у Кирта.

— Склеп не там поставил, — проворчал скелет, показательно скрестив мослы на груди.

— Это где ж «не там»? Кладбище — оно и есть кладбище, — задумался вслух щитовик, а Кирта, стоявшего близко к стене и напряженно изучавшего что-то на полу, осенило:

— Лабиринт Ольрэна?

— Он самый. Кто ж ведал, что он волей Ушедшего с той каменюки открывается? Ее, неподъемную, никто не ворочал, на другую сторону не смотрел. А полом склепа так удачно плита готовенькая лежала...

— То есть ты сам себя привратником поставил, за то и ключ получил на хранение! — не выдержав, хихикнула я.

— Смейся-смейся, смертная, неизвестно еще, какую шутку Ушедший с тобой сыграет, — буркнул скелет.

— Он уже, — беспечно отмахнулась я и подтолкнула Филию к надругательству: — Ломай! Не тушуйся! Ему точно уже не больно!

— Силы особой тут не надо, ты у нас дерево и металл играючи добывал. Чем кость-то труднее? — поддержал меня Кирт, похлопывая по плечу вынужденного добровольца.

Вызываться самому и рисковать ненароком вообще сломать артефакт, коль у принца получалось их так ловко коллекционировать, не собирался даже жрец. Он верил в моральные и физические силы воспитанника и, вероятно, полагал очередное испытание полезным для юной души, поэтому в коллективный процесс убеждения не вмешивался.

— Он живой! — ответом на вопрос о предполагаемых трудностях упрямо проблеял принц, никак не решаясь на акт вандализма.

«Да уж, решетка или трон точно не отбивались и беседу завести не норовили, когда у них кусок изымали», — согласилась мысленно я, а Шериф весьма своевременно вставил наконец веский довод:

— Вряд ли нашего собеседника можно назвать живым, но разумным — бесспорно. И коль разумный просит тебя помочь и забрать мешающий предмет, полагаю, Фиилор, ты можешь оказать ему услугу.

— Ох, я попробую, — сдался принц под гнетом наших аргументов и робкими приставными шагами приблизился к скелету.

Тот, видя состояние паренька, ободрительно кивнул и выпятил грудь, предоставляя доступ к нужному ребру: самому верхнему справа. Желтенькому и гладенькому.

Филя протянул руку, ухватился, зажмурился и дернул. Кость с хрустом отделилась от грудины. Принц позеленел и, сжимая пятый ключ в кулаке, опрометью бросился прочь из склепа. Донесшиеся до нас звуки проинформировали: высочество в очередной раз хвалится завтраком.

— Эй, сторож, а лабиринт действующий? — продолжила допытываться я у покоцанного скелета.

— Я страж, а не жрец Ушедшего, — проворчал тот, заметно успокоившись после изъятия проблемной кости. Беспокоила она его, как собаку досужая блоха.

— Ты хочешь воспользоваться лабиринтом? — уловил мысль Керт.

— Сами говорили, до Пиковых Окраин больше десяти дней пути, — развела я руками.

— Мне нельзя, — сразу, пусть и с легким сожалением, открестился Шериф. — Первоотец не допустит. Те, кто в лабиринт шагает, метку Ольэрна на себе несут.

— Опасно! Время там так скачет, что и через сто лет вывалиться сможем, и не у Окраин, а сызнова в Ламильяне, — добавил Кирт.

Словом, я со своим экстравагантным желанием пройти по

волшебному коридору, может быть, еще разок взглянуть на зеленоглазого красавчика и разжиться бадейкой кофе осталась в меньшинстве. Наверное, в пользу немедленного сматывания удочек столь опасным путем могло бы послужить преследование нашей компании шайкой осквернителей захоронений, но их и без нас, похоже, так в этот момент отделивают местные, что ни о каком срочном возмездии речи не идет.

Вернувшийся Филя голосовать в пользу эскапады не стал. Он вообще промолчал, занятый запрятыванием кости в мешочек с ключами-артефактами.

— Уходите и про сокровища выпрашивать не станете? — по-настоящему удивился хозяин склепа, клацнув отлично сохранившимися зубами.

— А надо? — в свою очередь удивилась я заодно со спутниками.

— Все ищут. Раньше часто захаживали, чтобы под плитой навечно остаться, сейчас реже, — любезно пояснил скелет. — Мне, полному магистру четырех стихий, многое подвластно было. Артефакты сам творил без счета. Лучшие творения с собой забрал.

— Нас опять приняли за черных археологов, — печально поделилась я с компанией. — И ведь таким приличным скелетом казался, а туда же, подозрения, как у заурядных гробокопателей, каковым вы, парни, только что морду лица начистили! Пошли отсюда, пока в нас фекалиями бросаться не начали. Дальше-то падать некуда.

— Э-э... — подвис хозяин склепа, не в силах сообразить, почему он может отважиться на столь оригинальное действие.

Щитовики тоже взирали на меня озадаченнее некуда, Шериф выразительно приподнял бровь.

— В жарких странах обезьянки живут, хвостатые и бойкие, не очень умные зверушки. По деревьям скачут, а когда их что-то возмущает, кричать начинают и кидаться экскрементами, если камней или плодов под лапками нет, — подчеркнуто любезно дала я справку.

— Что я еще подумать мог? — начал возмущенно оправдываться скелет и неожиданно пожаловался: — Ни один потомок ни разу не зашел память почтить.

— Это небось потому, что поначалу ты пару-тройку их под плитой прикопал, когда они артефакты в склепе искать собрались, — первым догадался Кирт.

— Было, но я ж честных потомков ждал, а не алчущих добычи грабителей! — резонно возразил скелет.

— Так люди честные обычно о других думают лучше, чем те есть.

Когда из склепа воры не вернулись, недобрые слухи наверняка пошли о владельце склепа, а не об ушедших. Если ты таким крутым магом был, точно недоброжелателей воз и маленькая тележка имела, а дурная репутация — такая штука, зарабатывается мгновенно, а исчезать вовсе отказывается, — выдала я свои рассуждения.

Скелет задумчиво хмыкнул и предложил сделку:

— Возьмите себе по амулету с одним условием — разыщите потомков. Пусть придут поклониться. Я им часть наследства передам. Отыскать несложно: амулет, на кровь заклтый, огоньком путеводным приведет к носителю самой чистой крови. А его — к моему склепу.

На плите, там, где небрежно валялась тряпка (или все же саван?), по единственному взмаху длани скелета появилось пять висюлек на тонких цепочках. Камешки-кулоны были разноцветными, но почему-то казались удивительно похожими. Может, начинка в них одинаково магическая? Впрочем, дареному артефакту в плетение не заглядывают. Да и препираться с капризным мертвым хозяином ни у кого из нас охоты не было. Повесили мы цепочки на грудь. Мне досталась с голубеньким камешком. Перстень с тускло тлеющей искрой — поисковый артефакт для обнаружения максимально родственного скелету типа — нацепил себе на палец Шериф. Наверное, счел такой поступок самым безопасным для команды.

Скелет болтать с нами больше не стал. Что ему какие-то смертные? Все суета сует. Пришли, ребро забрали, с поиском родни помочь обещались, и пусть проваливаются, а он снова поразмыслит о вечном.

Мы покинули склеп еще более тихо, чем вошли, стараясь не потревожить хозяина. Филя даже ухитрился ни разу не упасть в полутемном коридоре. Огоньки на стенах, выпроводив нас за порог, угасли окончательно. Дверь-плита бесшумно затворилась. Мы снова остались на тихом старинном кладбище у трех склепов.

Только теперь заметила, что габариты того, где мы в гостях были, снаружи меньше, чем изнутри. Коридор и тот, кажется, больше всей длины склепа был. Интересно, сам хозяин-скелет при жизни нахимичил с пространством или такой эффект — следствие близости к лабиринту Ольрэна? Впрочем, уже не важно, мы вышли с добычей, и это главное.

— Стесняюсь спросить, у вас уже есть план быстрого перемещения к Пиковым Окраинам? Уж больно вы дружно от лабиринт-экспресса отказались, — спросила я спутников.

— Племянник лирты Тирлис нам вчера про воздушные корабли хвалился, — бодро подтвердил мое подозрение Кирт. — Их только-только воздушники собирать стали! Народ пока не шибко в полет рвется, высоты

боится, да и дорого adeпты Вадера за воздушную прогулку берут.

— Ха, и этот способ передвижения вы считаете более безопасным, чем прогулка ножками по лабиринту Ольрэна? — не поверила я своим ушам.

И окончательно уверилась в безумии мира, когда мне все четверо мужчин дружно ответили: «Да». Даже Филя, как на грех, среди своих многочисленных фобий высотобоязнь не числил. Ненормальные! Это они о крушениях самолетов никогда новостей не смотрели. После таких картинок от аэропортов подальше держаться хочется, невзирая на то, что поезда и машины в аварии значительно чаще попадают. А все почему? Потому что с поезда или из машины можно сойти, выпрыгнуть, спрятаться за подушками безопасности, а из самолета, если с ним в воздухе что-то произойдет, не спрыгнешь за борт. Ори не ори: «Остановите, я тут сойду!» — толку не будет. Эта невозможность спастись и спасти, случись что на борту, заранее неимоверно бесит. Но, как я уже сказала, мужикам на это плевать. Они почему-то уверены в надежности летающих таратаек так же, как в надежности карет. И мое возмущение приняли за банальный страх. А он, этот страх, совсем не банальный.

«Р-р-р, ладно, — решила я для себя. — Хотят лететь, пускай, но если я хоть одно черное пятно на пассажирах или экипаже замечу, на борт меня никто не затащит. Пусть летят, а я каретой или даже ножками. Встретимся в пункте назначения. Денежки в кошельке Ким еще водятся, на дорогу точно хватит. Мы сейчас все больше за счет средств, утянутых из дома Фиилором, путешествуем. Даже щитовиков нанять смогу. Эти ребята за репутацию держатся, беззащитную клиентку под кустом не прикопают».

Прекратив пустой спор, я пошла за мужчинами на выход с кладбища. А у ворот нас ожидала группа встречающих. Часть ее отливала роскошными фингалами и вид имела весьма потрепанный и немножко окровавленный. Самый мелкий и юркий из компании пока никаких травм не имел и выглядел, вопреки расхожему мнению о неуверенности низкорослых людей в толпе дылд, хозяином положения.

Кучера у коляски не наблюдалось. Зато удивленно крикнул Шериф и указал перстнем в сторону борзого и мелкого. Этот темноволосый живчик был просто обсыпан веснушками. Столько поцелуев солнышка я видела только у рыжих. Зуб даю, парень в веснушках красит волосы, пряча рыжину.

Огонек в черном камне на перстне жреца разросся до такой степени, что засиял алым.

— О, на ловца и зверь бежит! — обрадовалась я.

— Хм, лапуля, это те неудачники, которых мы с Кертом на Захале

отделали и пометили, — пояснил с легкой настороженностью Кирт. Особой опаски в его голосе не было.

Щитовиков учили на совесть, в стычках на кулаках один стоил пяти, а от магии их обычно защищали амулеты — знаки профессии, болтающиеся на шее. Так что Дабл-Кей не устрашились, а я так и вовсе развеселилась.

— Сами пришли и босса на разборки привели, — прыснула я, косясь на пламя в перстне Шерифа, и сделала ладонями птичку — знак удачи. — Это небось и есть Кивар.

Воистину злая ирония! Скелет так стремился защитить свое добро все эти века, а наследником оказался вор — расхититель гробниц. И как они с другом будут общий язык искать? Я снова засмеялась.

Между тем «рыжий нерыжий» отделился от компании, старавшейся держаться от щитовиков подальше, приблизился и сквозь зубы угрожающе процедил:

— Почто ж вы, лирты, моих друзей обидели?

— Сами друзья твои себя обидели, за глупые наветы заплатив, — миролюбиво объяснил Шериф, беря переговоры в свои руки.

— И по кладбищам у нас нынче всяк просто на прогулку ходит, — понятливо ощерился «нерыжий рыжик».

— Порой и такое случается, но кто сказал тебе, лирт, что мы гулять отправились? Гости мы в Либаре, со здешними местами покоя плохо знакомы. Только разговор у нас был срочный к одному из тутошних обитателей. Его искали.

— Неужто нашли? — недоверчиво прищурился собеседник, пока массовка опасливо и негодуя сопела и скрипела зубами на заднем плане.

— Отыскали, — снова миролюбиво согласился Шериф. — Побеседовали и даже просьбу выполнить согласились. Потомка обитатель склепа на Свиртише видеть желает, обещал наследством оделить. Перстень-поисковик мне вручил. Видишь, как огонь в камне пылает? Сам Первоотец твои стопы сюда привел. Примешь перстень, рискнешь с предком словом перемолвиться?

Нерыжий снова недоверчиво прищурился, а я не утерпела.

— Нам лишь за помощь в розыске по артефакту каждому подарил, — похвасталась, достав из-за шивороты и покачав в воздухе голубым камешком на цепочке.

Я в артефактах не разбираюсь, но гробокопатель, очевидно, в них понимал лучше. Стоило ему увидеть висюльку, как хищный огонек в глазах полыхнул почище, чем в перстне Шерифа.

— Давай! Схожу! Вот уж не думал, что у меня на Свиртише кто обретается! Занятная весть. Ступайте, но если сбrehали, найду и по-другому говорить будем, не зовись я Киваром! — Расхититель гробниц грубо сгреб перстень, нацепил на палец и довольно осклабился, когда слабое пламя затеплилось, вытягиваясь в указующую стрелку.

Веснушчатый главарь сунул руки в широкие карманы брюк и двинулся вглубь Свиртиша, нарочито беспечно насвистывая. Одного движения головы оказалось достаточно, чтобы его побитая клика поспешила следом.

— Одного не понимаю, как они вообще сразу пронюхали, что нам кладбища интересны? — озадаченно наморщила я лоб, провожая взглядом компашку, испещренную черными пятнами.

И да, я не стала предупреждать этих людей об опасности. В конце концов, ни устного, ни письменного договора об обязательной помощи каждому меченому мы со Смертью не заключали. Меня лишь в одностороннем порядке о новом даре уведомили и фактически пинком под зад работать отправили, причем, заметьте, без вознаграждения. Так какого рожна я должна спасать тех, кто минуту назад готовился пустить нам кровь, а до того успешно и безнаказанно грабил могилы? Посовещавшись со сговорчивой сегодня совестью, мы единогласно решили, что молчание — золото.

— Как пронюхали? — помедлив, повторил мой вопрос Керт и расщедрился на объяснения: — Кое-кому надо было тише задавать вопросы в таверне, а не орать, словно глухого расспрашиваешь. То-то мне морда кривоносого знакомой показалась.

Кирт конфузливо закашлялся, а я пошевелила пальцами, дескать, забей, приятель, бывает и не такое. Зато сразу все задачи разом решили. А то ищи этого молодчика рыжего-нерыжего и его присных по городу до посинения. Кстати, о синяках. Фингал в назидание за лишнюю болтовню уже получен и послужит напоминанием.

Между прочим, тот мужичонка, которому Шериф мозги наставлениями полоскать пытался, к ограде Свиртиша не явился. Неужто слова жреца что-то в голове на место поставили? Семенами на не совсем уж бесплодную почву упали? Но в любом случае при передаче по инстанциям они силу всхожести утратили или «землица» в душах остальных подонков вовсе никакушей оказалась. Приперлись же они сюда права качать и шефа позвали.

Стоило условно опасной компании исчезнуть в тени деревьев кладбища, как тут же нарисовался кучер с самым разлюбезно-угодливым выражением физиономии. Слиял специально, дерьмо трусоватое, чтобы

случайно при чужих разборках не огрести по шее. И нас предупредить даже не подумал.

Попрекать мы его не стали, Всеотец ему судья. Уселись в коляску и велели трогаться к «Окраине». От старинного кладбища далеко отъехать не успели, когда со стороны Свиртиша послышался грозный рокот, и в воздух взметнулся столб очень характерного золотого цвета. Кажется, кого-то только что отправили в лабиринт Ольрэна. И готова спорить, на этот раз без шанса на обратный билет. Не зря ж скелетушка привратником столько лет подрабатывал!

— Не договорились предок с потомком. Наверное, у кого-то слишком наглый язык или загребушие ручки оказались, — констатировала я, озвучивая общее мнение. — Теперь наш рыжий приятель получит шикарный шанс на изучение божественной реликвии изнутри. Может, лет через двадцать, хотя я бы не стала на это ставить и монетки, даже выйдет оттуда и что-нибудь расскажет.

Щитовики захохотали, Шериф прикрыл глаза. То ли задремал, то ли решил облегчить участь главаря расхитителей гробниц молитвой. Фиилор же (ой растет мальчик!) мстительно улыбнулся и облегченно вздохнул. Дескать, так тебе и надо, плохой лирт, не будешь угрозами разбрасываться и меня запугивать!

Глава 20

ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ

— Эй, лирты, вы о полетах говорили, — пока ехали в таверну, начала я расспрашивать друзей. — Чего же тогда мы у себя в Ламильяне о кораблях воздушных совсем ничего не слышали? Новых открытий сейчас вроде ждать от людей не приходится, значит, затея старая. Или эти штуки границ Края повелителей стихий не пересекают?

— Придумали их давно, ты права, лапуля. Макеты у них поначалу летали, детские игрушки народ забавляли. Потом почтовые потихоньку начали запускать. А вот уж с полгода наконец такие корабли в небо подняли, какие пассажиров и грузы возят, — обстоятельно доложил Кирт, верно, вытрясавший вчера разнообразные сведения из племянника трактирщицы по полной программе, исходя из принципа: кто информатора поит, тот его и расспрашивает до потери пульса. — За границу и впрямь такие суда не летают. Маги и жрецы говорят — магический фон недостаточно насыщенный. То ли в других странах меньше Вадеру молятся, то ли он сам своей милостью больше Край одаривает.

«М-да, — призадумалась я, — путь от игрушки до рабочего судна за триста лет — это много или мало? Здешние люди не дураки, они всего-навсего не способны придумать ничего по-настоящему нового даже в мелочах, но, возможно, когда есть готовое решение, этот их склад ума играет положительную роль? Знают, пробуют, делают, и все. На сомнения из разряда „работает — не работает“ время попусту не тратят. К тому же есть шанс, что обладателей магического дара проклятие нетворения не прижало настолько сильно, как остальных. И насчет жрецов, кстати, тоже занято...»

— Шериф, а чем здешние маги стихий от жрецов богов-стихийников отличаются? — неожиданно заинтересовалась я.

— Первые постигают суть богов и облегчают людям связь с оними. Силу стихий используют через прямое воззвание к одному из четырех. Вторые ищут способы и методы использования мощи стихий без неустанного именованья богов, — коротко и более чем расплывчато пояснил жрец.

— Те же яйца, только в профиль, — резюмировала я со вздохом, а для себя решила, что насчет ослабленного варианта проклятия идея вполне

рабочая. Но прогресс ни первые, ни вторые сильно вперед двигать не способны. Одни на острие прогресса в своих экспериментах слишком часто убиваться будут, потому как подстраховать их некому из остального люда, другим вперед рваться вера не позволит. Возвращаясь к нашим баранам, я уточнила: — Значит, нас ссадят с корабля где-то на границе, а дальше снова по земле. Карету-то на корабль грузом возьмут или не влезет в норматив даже с доплатой?

— Договариваться надо, — крикнул Кирт, пока остальные компаньоны озадаченно переглядывались.

Эх, мужики, как загорелись идеей полета, так последние мозги всем, даже жрецу с предусмотрительным Кертом, отшибло. Впрочем, если в эту их летающую лоханку вообще влезает крупный габарит, то наш щитовик его упихает и обо всем договорится. Еще и скидку выбьет. Расставаться с имуществом, которое привык считать своим, Керт не привык.

Едва мы сошли с подножки кареты, Керт со жрецом с тем же извозчиком отправились в воздушный порт. Покупать места, договариваться и все такое прочее. Думаю, в «прочее» включалась экскурсия по порту, потому что вернулись из вояжа наши друзья ближе к вечеру, и то лишь для того, чтобы чуть ли не пинками выгнать нас из «Окраины». Выяснилось, что «Летун» (дивлюсь в очередной раз фантазии местных индивидуумов) готовится к отправке, проезд, то бишь пролет, частично авансом оплачен, карету в трюм загнать можно, даже стойла для лошадей там есть, но отправляться в порт надо вот прямо сейчас. «Крутись, теща, как хочешь, но похороны завтра в полдень». Что-то там было с благоприятными ветрами над Либаром, которые начинали дуть лишь к ночи. Следующий же корабль нужных размеров уходит в рейс только через восемь дней.

Понятно дело, немедленно поднялась суeta сует. Вещи спешно паковались, провизия закупалась, но все равно выехать из гостиницы мы смогли лишь в сумерках.

Порт находился неподалеку от трактира. Вполне предсказуемо, как обмолвился, вызвав невольную дрожь во мне, словоохотливый Кирт. Поначалу-то, пока приноровились летучие кораблики клепать, они частенько падали, не успев взлететь, и горожанам такие «подарки небес» оказались совсем не по нраву. Поэтому приткнулся Летучий порт (улавливаете поэтичную образность в названии? Я, как обычно, нет!) за границей городской черты.

Представлял он собой хаотичное на первый взгляд, да и на второй тоже, нагромождение платформ, пологих трапов и стоящих на платформах

судов. На своих водных собратьев летучие походили лишь отдаленно, формой корпусов. Хотя я бы их скорее с подлодками сравнила. Парусов в открытом виде на плоской палубе не наблюдалось. Но аналоги мачт со сложенными полотнищами все же имелись.

Все это я различала с трудом, потому как темнело на глазах, не спасали даже магические фонари, освещавшие порт. Многочисленные суда причудливых конфигураций отбрасывали столь диковинные тени, что любой демон удавился бы от зависти в бесплодных мечтах о такой.

Открытый зев в трюм нашего корабля оказался достаточно широк, чтобы вместить карету. Пассажирам предоставлялись места куда менее комфортабельные, нежели грузу, чем отчасти и объяснялось наличие свободных билетов. У кого-то где-то сорвалась сделка по крупногабариту, и мы вовремя заполнили образовавшуюся брешь.

Каюта в наше полновластное владение была предоставлена лишь одна. Тесноватая каморка пенального типа с тремя двухъярусными кроватями. Похоже, других идиотов, готовых платить за некомфортное путешествие в неродной стихии, не нашлось.

На судне всем командовал резкий, как приступ диареи у Фиилора, мужик, заросший курчавым темным волосом так обильно, что определить, где у него заканчивается грудь и начинается голова, не удавалось. Зато голос у дядьки был поистине громовой, и с помощью вербальных посылов по матушке, батюшке и прочим родственникам погрузка вещей и пассажиров осуществлялась чуть ли не с космической скоростью. Был ли этот колоритный дядя капитаном, боцманом или прорабом, выяснять не очень-то и хотелось. Пусть орет и действует, чего под руку с вопросами лезть? Главное — результат!

Я, признаться, к концу дня уже подустала бояться всяких ужасов крушения. Ноги, привыкшие к езде, а не ходьбе, вообще после кладбищенских экскурсий выли. Глаза слипались, нос клевал. Потому и решила: «Фиг с ним, с вероятным крушением, будем падать — не будите!» Отрубилась я на нижней кровати у овального оконца, проигнорировав доносящиеся как сквозь вату предложения Кирта поужинать. Все завтра!

Утро наступило вместе с не заглушаемым даже переборками голосом вчерашнего волосатого погрузчика. Он крыл кого-то за неведомые мне грехи, но досталось и всем непричастным. Не захочешь, а проснешься. Лохматый будильник!

Я зевнула и скосила глаза в находящееся на уровне носа оконце. Несколько секунд смотрела, переводя взгляд с одного человека на другого, третьего, четвертого. На всех, кто находился в поле зрения.

Потом соскочила с кровати и вперилась в своих. Ничего не понимаю! Поморгала, снова глянула на чужих, еще раз на своих — и выдохнула:

— Подъем! У нас проблема!

— Клозет через две двери налево, лапуля, — попробовал сонно утешить меня Керт.

— Черные пятна на всех вокруг, кроме нас, — несколько нервно поторопилась разъяснить я суть тревоги.

— Ё-о-о!!! — протянул Кирт, подлетая над койкой, и ласточкой спланировал на пол. — Что делать будем?

— Следует собрать вещи и убедить капитана поскорее посадить корабль. Использовать подаренные в склепе амулеты мы всегда успеем, — поднялся с койки Шериф, одной фразой объясняя отсутствие меток смерти на нашем маленьком отряде и наличие их у всех прочих.

— Как использовать? — хлопнул глазами Фиилор, вытаскивая из-за пазухи свой кулон с зеленым камешком.

— Каждый из амулетов, переданных нам немертвым владельцем склепа, — магическая подушка. Я знаком с такими, очень характерное излучение силы Вадера. Владелец этого полезного предмета может безбоязненно спрыгнуть с любой высоты. Именно поэтому я не возражал, когда наши спутники предложили путешествие до границ Края повелителей стихий на летающем корабле.

— Только забыл нас о такой мелочи предупредить, — проворчала я. Сразу не сказал, а нам, то есть мне, тут нервничай, нервные клеточки жги!

Впрочем, время на разборки-обида и выяснение отношений тратить не стали. Пятна на людях лишь намекали на вероятную смерть, а интенсивность черноты показывала на срочность, но тикающего таймера нигде не висело.

Поэтому на палубу к заросшему, как Бармалей, типу, являвшемуся капитаном «Летуна», мы вышли дружно. Взяв его в кольцо, объявили:

— Вы все умрете!

Вернее, эту оптимистичную весть принес трепач Кирт, пока Шериф подбирал слова поубедительнее, чтобы быстрее достучаться до разума кэпа.

— Я тебе сейчас башку проломлю! — громыхнул волосатик. — Не проспался с вечера?

— Капитан, дело не в подверженности нашего друга неумеренным воздействиям, — поспешно вступил в беседу жрец, пока щитовик не ляпнул еще что-нибудь жизнеутверждающее, чреватое переломами. — Речь об уникальном даре прозрения, присущем одному из нас. Поверьте, Первоотец

мне свидетель, очень велика вероятность гибели всех находящихся на борту судна! Парим мы над землей, а потому полагаю, что видение предрекает почти неминуемое крушение.

— Не похожи вы на шутников, — закусил клок бороды капитан, разжимая пудовые кулаки.

— Вы посадите судно? — с надеждой пискнул принц.

Вместо ответа Бармалей сорвался с места, загрохотал его голос, и стали раздаваться непонятные несведущим пассажирам команды, щедро приправленные отборной бранью. Забегали муравьями, облитыми кипятком, запрыгали по судну макаками матросы. Корабль снижался, сбавляя ход. Теперь он парил в нескольких метрах над гладью огромного озера. Я с облегчением перевела дух. Пятна на людях бледнели, выцветали и стирались из реальности.

Куда-то умчался и сам капитан. Такой бедлам продолжался считанные минуты, потом снова зазвучали отборная брань Бармалея и возмущенно-жалобные вскрики.

Капитан выволок на палубу прямо за ухо тощего юнца с едва проклюнувшимися усиками, придававшими их обладателю вид недоразвитого таракана, скрещенного с Гитлером.

— Кто тебе (трам-пам-пам) туда (трам-пам-пам) велел полетные артефакты класть? Какого (трам-пам-пам) ты кожухи (трам-пам-пам) не захлопнул наглухо (трам-пам-пам), коль загребущие руки куда не следует (трам-пам-пам) тянул?!

— Но дядя, я ж только поглядел! — пытался что-то выдать в свое оправдание юнец.

— Палубу и посуду на камбузе драить будешь с этой минуты и до тех пор, пока «Летун» на посадку не пойдет. Чтоб у артефактной я тебя и близко не видел, иначе шею сверну, а сестре сообщу, что так и было! Она мне еще спасибо скажет, потому как на семью не лег тяжкий грех убийства!

Тяжело дышащий капитан подошел к нашей компании, стоявшей у борта судна чуть поодаль от прочих пассажиров, бестолково глазающих на суету команды. Сдернув с головы шапку, лохматый мужик сбивчиво пробормотал слова благодарности. Заодно получил наши уверения в рассеивании смертельного видения и окончательно успокоился.

Признательный Бармалей оказался на диво словоохотливым и растолковал нам суть грозившей трагедии. Молодой да ранний, не в меру ретивый племянник, отданный в науку сестрицей, полез рассматривать летные артефакты еще на земле. Вроде как рассмотрел, а кожухи изоляционные, которые артефактам влиять друг на друга не позволяют, не

захлопнул как следует. Поспешил, отвлекшись на командный рев дядюшки, раззява. Вот из-за этого небрежения мы не прямо сейчас, а через часок-другой-третий, когда один за другим отказали бы левитационные, балансирующие и еще с пяток других артефактов, могли рухнуть вниз. К счастью, капитан, далеко не глупый мужик, кое-что смыслящий в магии, просчитал обстановку и первым делом ринулся проверять ценные приборы. Огреху отыскал мигом.

Благодарность капитана, носителя звучного имени Биддаррад, не ограничилась словесными изъявлениями. Лохматик решил везти нас за полцены (то есть уплаченный аванс остался в кассе, но расчет — ровно половина стоимости полета — с нас обещали не брать). Более того, он охотно довез бы нас до конечной точки путешествия, но увы! Мир материальный был против благотворительности. Приземляться в гористой местности, без специально оборудованных площадок да на территории сопредельного, пусть даже дружественного, государства, где наблюдалась нехватка магической энергии, «Летун» не рискнет.

Мы не настаивали. Не пришлось прыгать с борта, спасая себя и багаж, — уже замечательно. Я облегченно вздохнула, подставляя лицо ветру.

— Радуетесь спасению жизней, лирта? — одобрительно спросили сзади.

— Нет, тому, что вещи терять не пришлось, — честно ответила я и запоздало прикусила язык. М-да, демонстрация эгоистичных сторон натуры, наверное, не лучший способ добиться внимания симпатичного мужчины.

Шериф озадаченно кашлянул. Эх, коль поздно пить боржоми, я и выдала:

— Спасать жизни не все время получается — только если удастся угадать значение меток смерти. Но везет часто. А без вещей нам в горах плохо пришлось бы. На того же Филю ветерок посильнее дунет — он носом и захлюпает...

— Понимаю. Когда изо дня в день спасаешь людей, начинаешь иначе относиться к своей миссии. Если сосредотачиваться на мелочах, важное кажется проще и не столь горько переживаются неудачи, — неожиданно мягко, я бы даже сказала сочувственно, промолвил жрец. И это вместо упреков и задиранья носа!

Нет, какой он все-таки классный! Верно говорят, что самый эротичный орган у мужчины — это мозг. Внешность шерифская мне, конечно, тоже нравится. Но его спокойная готовность сначала думать, а потом

действовать, отсутствие одержимости фанатика и заботливость — не менее важны. Эх, если бы он еще на первое место не ставил Первоотца, а потом все остальное... Но, увы, нет в жизни совершенства! Такие харизматичные мужчины непристроенными не остаются. Может, мне еще повезло, что в конкурентах божество мужского пола. Вдруг Шерифа получится... нет, не разделить — он же не бревно и не мешочек конфет, чтобы пилиться-делиться. Просто удастся занять в его сердце свободное место, и никого выпихивать из него не придется.

— Спасибо! — От избытка чувств я даже шмыгнула носом, чего за мной давно не водилось. Когда постоянно видишь смерть, то учишься воспринимать все житейские неурядицы как мелкие и перестаешь трепать себе нервы. Отгораживаешься, может, где-то как-то и черствеешь душой, чтобы не свихнуться.

А с Дабл-Кей, Шерифом и Филькой загородиться уже не получается. Влезли, гады, в душу, расположились с комфортом и... Что «и»? И мне уютно теперь, когда они рядом, и рефлекторно каждый день я начинаю с осмотра. Не дай бог пятна появятся, надо успеть, упредить, защитить!

Я смотрела на леса, равнины, поля, селения, проплывающие под днищем корабля, заключенного в защитный купол, смягчающий порывы ветра на высоте до легкого дуновения. Крепкая рука Шерифа лежала на поручне корабля в нескольких миллиметрах от моей. И пришло тихое понимание: здесь и сейчас мне уютнее и спокойнее, чем было когда-либо на Земле, где мой дар приходилось скрывать ото всех. Даже от родных. Может, из-за этого и прохладные между нами отношения установились. Когда сестра или мама в насмешку интересуются хмурым видом и намекают на месячные, а ты только что, считай, троих похоронила, просто потому что не сообразила, как пятна затереть, поневоле огрызнешься. Отсюда обидки, перерастающие в обиды, и отстраненность. Ладно, выпьют за упокой моей души из бара с отцом и простят окончательно. Они у меня вспыльчивые, но отходчивые, а смерть она такая — все обиды спишет.

Летели мы на «Летуне» часов пять-шесть, за это время корабль садился дважды. Один раз на пристани в каком-то городке не больше Либара, второй раз — уже в заштатном поселке, где выгружали какие-то большие ящики, занимавшие две трети трюма. Пассажиров особо не прибавлялось. Кто-то сходил, кто-то поднимался на борт, но народ явно осторожничал и массово путешествовать по воздуху, не являясь жрецами, адептами или магами под покровительством Вадера, категорически не желал. Новое — оно такое... Пока не станет старым, отношение к нему опасливое. А как опыт поднакопится, в привычку перерастет, так и страхи

сами собой поуменьшатся. Дескать, все летают, и я полечу, а что кое-кто из этих «всех» падает, так летунов много, а упавших — мелочь статистическая. Надежда на авось и прочие пофигистские причины вечны в любом из миров.

Третья и последняя остановка, на которой наша компания покинула «Летуна», состоялась во второй половине дня. Садились мы в небольшом порту, где даже причальные места можно было пересчитать по пальцам одной руки. Зато никакой толкотни. Лошадей, проводших время полета в стойлах и, очевидно, даже не сообразивших, что они отныне лошади летающие, впрягли в карету и спокойно выкатили ее по сходням.

Местные, привычные к воздушным судам, мерили и «Летуна», и нас ленивыми взглядами. Лишь ребятня радостно гомонила, тыча пальцами в корабль.

Бармалей-Биддаррад лично вышел нас проводить и, задушевно попрощавшись, вручил Дабл-Кей что-то побулькивающее в темной мешковине. Выгрузившись, мы покатали по улочкам захолустного приграничного городка. Алрем никак своей близости к границе с Ламильяном не выдавал. Да и чему тут выдаваться? Родная страна щитовиков и моего тела на карте напоминала сильно потолстевший полумесяц. Край повелителей стихий касался лишь кончика рожка толстячка. Большая часть границ приходилась на Валисанту и Радильяр. И этот краешек «месяца» был гористой местностью, где привольно могли чувствовать себя лишь горные бараны и козы. Дорога с одной стороны на другую имелась формально. Даже на карте значилась, но проехать по ней в карете или верхом давненько не находилось желающих. Дорога, которую каждая из держав считала чужой, отродясь не ремонтировалась. А все почему? Потому как личной коммерческой заинтересованности в наличии тракта как средства связи или армейского маршрута не имелось. От торговых же путей обеих стран это захолустье находилось в таком далёке, что понятие «отшиб» стало бы для него незаслуженным комплиментом.

Что оставалось нам? Убедиться во всем лично после ночевки в убогонькой, но — славься, Дагонт! — чистой таверне. Из еды, не желая рисковать, заказывали только сыр-хлеб-яичницу. Кулинарные дарования, судя по запахам из кухни, не были присущи здешним поварам, если таковые (я про поваров) вообще тут есть. А столько жидкого продукта для приведения любой пищи в годное для желудка состояние я все равно не выпью, исходя из соотношения литр спиртного на единицу веса организма.

Рано утром снова перекусили тем же скудным ассортиментом продуктов и по ущербной пародии на дорогу примерно за час докатили от

Алрема до пастушьей фермы. Она притулилась у подножия низких гор, как гриб-трутовик на старом широком пне.

Вбирая полной грудью свежайший и, кажется, даже звенящий чистотой горный воздух, вышли искать информатора. Тот в окружении овец и тройки совершенно не брехливых псов, заросших по самое не могу чище летучего Бармалея, обретался на зеленеющем лужке. Собаки валялись у ног хозяина, овцы бродили, осторожно переступая через камни, щедро усеивающие луг.

— Будь! — поприветствовал жрец местного жителя в какой-то лохматой кепке.

Пастух пыхнул трубкой и лениво ответил:

— Гы.

— Мы хотели узнать о дороге через горы. Пройдет ли там карета?

— Хы. — Собеседник вынул трубку изо рта, выпустил колечко дыма, покосился на карету, на которую показывала вежливо простертая ладонь жреца. Снова пыхнул трубкой и ответил уже более членораздельно: — Не. Местами, где плиты из дороги вынуло, не пройдет. Тока ежели вы свою колымагу на руках перетаскивать будете. И гнать нельзя, лошаденки ноги поломают. Жалко, добрые-то лошадки.

Пастух, отнесшийся к людям совершенно индифферентно, почти ласково покосился на четверку в упряжке.

— На руках? — почти про себя пробормотал жрец, огладив бородку.

Степенно поблагодарив пастуха за информацию и получив в ответ очередное не поддающееся расшифровке «ды», Шериф вернулся к нам, терпеливо ожидающим результата беседы.

Пока стояли, все три пастушьи собачки сместились к щитовику-оборотню и теперь дружелюбно слюнявили собрата в человеческой шкуре. Керт терпеливо сносил заигрывания.

— Сдается мне, ты, лирт жрец, что-то насчет дороги обмозговал, — проронил Кирт.

— Как вам такое: попробуем проехать, используя подаренные амулеты? Они реагируют на опасность, грозящую носителю, вне зависимости от степени его разумности. Разместим несколько штук в карете, — предложил Шериф. — А лошадей, где надо, поведем в поводу.

— И карета будет порхать над особо опасными колдобинами? — восхитилась я, как может восхищаться русский человек, знающий о том, что дорогой называется то место, по которому хочется проехать.

Шериф с достоинством кивнул. Дабл-Кей только что ладошки не потерял от удовольствия. Для запасливого Кирта стало бы истинным

испытанием оставлять имущество в ближайшей овчарне за пару монет ради прогулки за очередным артефактом по горам. Фиилор же лишь тайком облегченно вздохнул, здраво оценивая свои потенциальные достижения скалолаза.

Итак, два щитовика, жрец и я, решительно заткнув рот попытавшемуся было возражать самому везучему на неприятности принцу, рвавшемуся пожертвовать своим зелененьким камушком, поснимали амулеты и аккуратно прикрепили над каждым из четырех колес кареты. Филькин оставили владельцу, не обращая внимания на сердитое сверкание глазками, — нам так спокойнее!

Под действовали или нет подарочки либарского скелета, до практических испытаний возможности проверить все равно не представлялось. Провожаемые клубами дыма, выпускаемыми задумчивым пастухом, мы отправились в путь.

Дорога забирала вверх некруто. Но отправься мы ножками-ножками, постоянный подъем очень скоро заставил бы нетренированные мышцы взвыть от непривычной нагрузки. И без того совершенно разбитая за годы, если не за века эксплуатации, поверхность, состоящая из массивных, явно положенных магией плит, требовала неусыпного контроля от кучера. Потому щитовики и жрец договорились регулярно сменять друг друга.

В особо разрушенных местах, о приближении к которым наши впередсмотрящие сигнализировали пассажирам характерным свистом, вылезать из кареты приходилось всем и осторожно пробираться по фактическому месту дороги, контролируя каждый шаг. Филька особо старательно выбирал путь. После самострела с лестницей и почти чудесного исцеления ноги принц берег, справедливо полагая, что вдругоряд на божественную помощь в исцелении растяпе можно не рассчитывать. Первоотец милостив, но не всепрощающ. Я тоже старалась идти аккуратно, чтобы не познакомить нос с дорожными колдобинами поближе.

Щитовики и жрец шагали легко и быстро, словно по шоссе, мы с Филей плелись следом, сочувственно вздыхая и цепляясь за руки, как два одноногих инвалида, действующих в тандеме. Оставалось только жалеть, что на Фальмире не водились ослики. На таком транспортном средстве мы смогли бы ехать и по горам, не мучаясь с постоянной забавой «вылезай-ка, похромай-ка, залезай-ка».

Особой живописностью места вокруг не отличались. Вокруг царил серый камень с явными следами эрозии, поросший жестковатой зелено-бурой травой, в которой то тут то там сверкали золотые головки мелких цветочков. Поначалу я их за разновидность одуванчиков приняла, но,

приглядевшись, заметила другую форму лепестков. Они скорее на львиный зев походили, который очень плохо кушал в детстве и совсем не вырос.

Изредка в траве что-то шуршало, но как-то не энергично и на нас бросаться не спешило. Наверное, местные непуганые грызуны сигнализировали чужакам о занятой делянке. Да время от времени тем же занимались мелкие пичуги с серо-голубым, как раз под цвет скал, оперением.

Если тут водились бесхозные горные козы или бараны, то «хозными» или охотничьими трофеями они становиться не спешили и на глаза нам не показывались.

Амулеты с кладбища пользу приносили несомненную. В паре-тройке мест я самолично видела, как наша карета вспархивала над особо опасными для осей участками, точно объевшаяся птичка. Получался эдакий бреющий полет. И, наверное, мощности волшебной вещицы хватало на животных — ощутимо легче при активации амулета шли кони.

Зато, пока ломали ноги, я невольно снова отметила изменившееся поведение Фильки. Как-то за время наших поисков наследства Ольрэна принц перестал краснеть, поедая меня глазами. То ли страсть вместе с соплями вытекла, то ли наконец в голове нужные контакты перемкнули, и парня осенило: девушка с лицом Симелии — не его возлюбленная принцесса. Может, потому и осенило, что чаша моего терпения, наполненная постоянными недомоганиями радилярского высочества, не выплеснулась раздражением или ехидной насмешкой над болезненным принцем?

Симелия, не буду врать, девицей на язык была острой и никакой слабости в поклонниках не терпела. Даже принца в бытность его гостем Ламильяна ухитрялась покусывать, но так, чтобы до дипломатического скандала не доводить и жениха выгодного не напугать.

Глава 21

ПИКОВАЯ ОКРАИНА

Ехали-шагали мы долго, и солнце своим оранжевым заревом однозначно намекало на неумолимо надвигающийся вечер. Когда дорога окончательно перевалила на другую сторону гор и пошла под уклон, при очередной аварийной высадке я взобралась на камень покрупнее и вгляделась в простирающуюся внизу холмистую равнину.

Местность купалась в закатных красках. Впереди и слева виднелась небольшая пастушья деревушка, справа — еще более скромный... замок не замок, крепость не крепость, так, крепостица. Дорога к деревеньке выглядела куда как более наезженной или скорее, натопанной.

— И где тут пики? — не поняла я, созерцая карликовый замок.

— Какие пики? — удивился Кирт.

— Мы вроде как в Пиковые Окраины направляемся, — напомнила я забывчивому щитовику, укоризненно тыча горизонтальной викторией по адресу. — А никаких пиков нет.

— Пик Окра — так барона, владельца этого местечка, звали, пока крепость стражам границы в ведение не отошла. Барон ее продал короне, — блеснул Керт случайно забравшейся в голову информацией.

— А-а-а, — протянула я. — Чего только не бывает. А переночевать-то нас, с той стороны добравшихся, в крепость пустят или лучше в деревне место для постоя искать?

— Почему нет? Они ж с Краем не воюют, — брякнул Кирт.

— Думаю, местные стражи окажут любезность двум благородным особам из сопредельной страны, путешествующим с сопровождением, — вставил Шериф и расширил границы легенды: — Вы, Фиилор и Кит, оба светловолосы и лицом благородны, в чертах есть сходство. Потому можно представить вас как родственников с достойной охраной и духовником.

— Чего ж раньше не представлял? — заинтересовался Кирт, когда мы с Филькой кивками одобрили предложение жреца.

— Раньше его высочество не смог бы достоверно сыграть братские чувства, — невозмутимо заметил Шериф, и Фиилор ответил нам всем чуть смущенной, но спокойной улыбкой.

Ура! Значит, мне не показалось, Филя исправился и перестал сохнуть по мертвой принцессе, даже рыгать и пускать ветры не пришлось. Все как-

то само собой получилось.

Когда в очередной раз с Филей обходили кусок дорожного бездорожья, цепко держась за руки и внимательно изучая камни под ногами, принц тихонько заговорил:

— Кит, ты не сердись, что я себя так по-глупому вел раньше?

— Нет, радуюсь, что больше не ведешь, — поразмыслив, честно ответила я. — Ты милый парень, но влюбиться в такого, чтобы оценить по достоинству, должна какая-нибудь утонченная принцесса. Чтобы музыка, театр, стихи, любование закатами и так далее. Я же лучше дома с книжкой посижу у камина и слопаю пирожное.

— Я тоже хочу пирожных, — насупился Филя. — Нет, музыку, стихи, закаты и театр я тоже вроде люблю, только раньше очень любил и самым главным считал, а сейчас...

— Сейчас нюхнул настоящей жизни, и запах свободы вскружил голову, — хмыкнула я. — А любование, стихосложение и прочие возвышенные штучки остались там и кажутся тебе приметами прошлой, опостылевшей дворцовой клетки.

— Да, — удивленно согласился принц, хлопнув опалами ресниц. — Как ты догадалась? Я и сам только сейчас понял...

— Шериф поведал. Он мудрый тип. Сразу сказал, что ты за старое перестанешь цепляться, как только привыкнешь к новой жизни. Симелия, какой бы она ни была, со всеми своими достоинствами и недостатками, осталась там же, где изнеженное радилярское высочество Фиилор, обожающий надушенные свитки с признаниями. С нами же путешествует Филя!

— Я теперь не знаю, любил ли когда-нибудь или только хотел думать, что люблю. Ты мне гораздо больше нравишься. Нет, не как любимая, — восторженно парень. — Я смотрю на лицо, чертами схожее с принцессой, но совсем другое. Оно чужое тебе, но ты выглядишь гораздо более живой и настоящей, чем Симелия. Твоя улыбка, если и бывает насмешливой, не таит ехидной издевки, ты никого не унижаешь лишь из желания позабавиться. Я чувствовал, что поначалу ты тяготилась нашим присутствием, но никогда не позволяла себе высмеять меня или щитовиков. Знаешь, я почти уверен, никто из тех, кто знал принцессу, не признает ее в тебе. Теперь, когда я вижу, какой могла бы быть Симелия, я все отчетливее понимаю, что увлекся парадным портретом в радилярской галерее, не дав себе труда узнать настоящую девушку, а может, боялся разочарования, поэтому и не желал узнавать...

— Не переживай, Филя, будет и в твоей жизни настоящая любовь, —

подмигнула я собеседнику.

— Наверное, — тихонько и отчего-то печально вздохнул принц.

— Ты чего нос повесил?

— Я не уверен, что мне сможет понравиться какая-нибудь девушка, — задумчиво поделился Фиилор. — Скольких красавиц видел в наших странствиях, и ни одна не заставила трепетать сердце.

— Какие твои годы! Мы пока добычей ключиков слишком заняты, чтобы на что-то иное отвлекаться. Тут главное, чтобы, если не находится подходящая красавица, не начал нравиться первый попавшийся красавчик. Вот тогда уже стоит насторожиться! — пошутила я.

Не очень удачно, потому что бедолага Филя поперхнулся чистым горным воздухом так, будто ему в лицо шоссейный выхлоп прилетел, отчаянно раскашлялся и покраснел. М-да, не привыкли фальмирцы к циничному земному юмору.

Я оставила щекотливую тему и, заботливо похлопав парня по спине, перевела разговор на нейтральную тему — цветочки. Я-то их названия не знала, а Фиилор определил — перед нами золотой гребешок. Нет, в травах высочество не очень-то разбирался, зато едва ли не наизусть вызубрил старинный толкователь значений цветов. В том огромном талмуде радильярской библиотеки имелись красивые вклейки-иллюстрации с точными рисунками. В букетиках золотой гребешок означал искреннюю симпатию и предложение дружбы. Принц тут же сорвал шесть цветиков и вручил мне. М-да, четное число, как на похороны, впрочем, что мне. Заступающей Последнюю Дорогу, могли еще подарить? Я с улыбкой приняла букетик и разделила его напополам. Вот теперь нечет! Одну половину протянула Филе, вторую заложила за ухо. Принц, глянув на меня, просиял и повторил жест.

— О, теперь точно родственники! — справившись с буксировкой кареты по неудобному отрезку дороги, громко одобрил нашу цветомаскировку Кирт, сделав руками птичку-удачу.

С гор мы спускались, как бык из анекдота, — не торопясь, потому что путь лучше не стал, наоборот, сложилось такое впечатление, что местный люд принял дорогу за источник дармового плоского камня и, где мог, понатырил его себе в хозяйство.

Словом, не будь у нашей кареты полетных амортизаторов и не веда щитовики лошадок под уздцы, вряд ли мы осилили бы этот спуск с относительной легкостью. Бить ноги, конечно, пришлось, но сердце грела мысль: обратно за вещами или по какой другой причине нам ехать не надо. А уж в один конец путь мы как-нибудь одолеем.

Безымянная деревенька с пасущимся недалеко скотом и полным отсутствием всякого присутствия официально выделенного под постоянный двор дома окончательно убедила нас в правильности выбранного маршрута: крепость и только крепость.

Денек, явно намекающий на то, что не прочь превратиться в вечерок, подстегивал нас не хуже, чем лошадок — вожжи. Да и сами животинки, утомленные переходом, побежали быстрее по дороге к Пиковой Окраине, где в дозорной башне нам советовали поискать седьмой ключ.

Поскольку башня в этой крепостице стояла всего одна, она же методом исключения и должна была считаться дозорной. Рассматривать вариант давнего сноса нужной постройки, подразумевающий необходимость поиска вождя артефакта среди россыпи камней, категорически не хотелось. Да и вообще, до этого дня все наводки сизоносого пророка оказывались точными. Пусть мы не всегда их понимали, но по итогам становилось ясно: нам ни разу не соврали.

«Бум!» — гулко прозвенел Кирт колотушкой о металлический лист у приоткрытых ворот.

Почти сразу закрипела дверка будочки, пристроенной за воротами, и оттуда выглянул заспанный мужчина в слишком мятой, чтобы это можно было счесть формой, одежонке.

— Чего долбишь? — почти миролюбиво поинтересовался абориген.

— Заночевать в крепости хотели, — объяснил Кирт.

— А долбишь чего? — не понял местный житель. — Ворота-то открыты.

— Так разрешения спросить хотели, — растерялся от такой простоты щитовик.

— А-а-а, культурный, — сообразил и окончательно подобрел страж ворот.

— Комендант сейчас в деревне у... э-э... по делам. Позже будет, — исправился собеседник, чуть-чуть смутившись, потому что заметил наши с Филей юные лица в окнах кареты.

— Тогда с его помощником побеседовать не худо, — подбросил идею Керт.

— Так он того, в подвалах с утра ква... э-э... инспектирует запасы, — вывернулся с ответом страж.

М-да, обороноспособность рубежей, чувствуется, на таком уровне, что приди враг — замается искать хоть какое-нибудь войско противника, плюнет, развернется и уйдет обратно. Может, в этом и есть великая

стратегическая задумка?

Щитовики сдались и спросили:

— Так чего, просто ворота открывать и заезжать?

— Ага, — расплылся в улыбке привратник. — А где на ночь разместиться, я сейчас ключника кликну, он подыщет. Только это... у нас жра... то есть еды много, но без причуд. Каша с мясом.

— Ты не поверишь, после почти дня пешего хода по здешней дороге я ее, родимую, и без мяса сожру, — проникновенно, приобняв привратника за плечи, поведал Кирт. — А уж если найдется кружка, куда это добро налить, и подходящая компания, — щитовик булькнул пристегнутой к пояску фляжкой, — то и добавки попрошу.

Привратник облизнулся и, снова расплывшись в улыбке, кинулся помогать открывать ворота. Вот так, безо всяких троянских коней, силой одного разгильдяйства и простого мужского обаяния наших щитовиков пала Пиковая Окраина.

Нет, комендант, его помощник и сторож не составляли весь штат захолустной крепости. Просто был применен старый как мир метод: если коменданту срочно надо в деревню, а помощнику — проинспектировать бут... подвал, то остальных, чтобы не заскучали, требовалось занять всерьез и надолго. Секрет Полишинеля, конечно, но видимость приличий соблюдена, а на остальное здешней верхушке начхать. Потому-то практически все служивые обитатели крепостицы сейчас потели на местном аналоге марш-броска до ближайшей рощи и обратно.

Впрочем, не думаю, что на задании хоть кто-то из шкуры вон полезет. А то явишься вот так досрочно — и новую установку получишь: катить квадратное, таскать круглое и так далее.

Итак, славясь фантазия коменданта-Казановы, мы получили возможность спокойно поставить карету в один из пустующих сараев при крепости и отвести лошадей в стойла. Здешний конюх и его подопечные на месте имелись, их к марш-броску привлекать не стали. Конюха, вероятно, по причине одноногости, а лошадей — из-за обладания четырьмя конечностями сразу. В общую двуногую композицию они не вписывались!

Ключник, которого кликнул страж ворот, оказался еще одним инвалидом. Нет, все две ноги у него были в наличии, зато на одной из рук не хватало трех пальцев. И староват дедок для забегов по пересеченной местности. Если только в сортир и обратно. В таком-то возрасте главное — не добежать, а донести. Но свою работу ключник знал, как семь пальцев обеих рук. Комнаты нам отвел свободные в — аллилуйя! — башне, едва ли не под крышей. Так-то помещения оказались просторные, мебель

простенькая имелась, а что на самом верху и никем не занятые — так по эдаким крутым ступеням поищите дурака каждый день ноги бить. Гостей же не жалко! Они побегают, чай, молодые и ненадолго прибыли. Пусть солдатской экзотики хлебнут!

Умывшись и переодевшись с дороги, мы решили лошадей не гнать и поиски ключа отложить до ночи. В крепость к ужину вот-вот должны были вернуться ее обитатели. Как раз к тому времени, как мы обустроились в трех комнатах, связанных между собой внутренними дверями-переходами, день по праву принял титул вечера. Снаружи из распахнутых для проветривания окон слышался людской гомон, стук, лязг и прочие звуки, характерные для людей, собравшихся в количестве больше трех.

Я выглянула. Так и есть. Человек тридцать-сорок (никогда не умела считать людей в толпе по головам) входили в ворота, на ходу болтая, переругиваясь и похохатывая. То есть утомленными солнцем, ветром и прочими невзгодами доблестные воины не выглядели. Думаю, они и в рощице себя не слишком упражнениями утруждали. Не бывает у утружденных таких округлившихся щек и выпирающей из-под ремня «груди».

Отлично! Если тут солдат так кормят, то и мы голодными не останемся. Столовались все, как нам сообщил ключник, в зале на первом этаже крепости. Лишь здешнее нынче отсутствующее начальство в своих апартаментах вкушать изволило.

Зато, как охотно поведал тот же старикан со связкой ключей на поясе, гостям крепости полагался отдельный стол в столовой, на которыйстряпухи таскали тарелки с содержимым из общего котла. Впрочем, оттуда питались вообще все в крепостице. Демократичненько!

Вниз мы спускались хоть и голодные, но преисполненные нервного напряжения. Оттого ели с аппетитом лишь Дабл-Кей. Филя вяло ковырялся в тарелке, мы с Шерифом честно работали ложками, но больше для порядка, нежели с истинным энтузиазмом.

Все думали об одном: найдем или нет, а если найдем, что и как будет дальше с семью ключами и со всеми нами. Пророчество менестреля деталей финала не раскрывало, поэтому каждый мог мучиться своими собственными домыслами, сомнениями и надеждами. Последние — такая страшная штука, что порой треплют нервы сильнее всего остального.

Щитовики умеренно квасили с привратником, остальная военная братия, нам не представленная, задумчиво косилась на емкость, но в компанию не набивалась. Им хватало выставленного на столы пива.

Между первой и седьмой разговор тек о философских превратностях

бытия, заодно выяснилось, что крепостного начальства сегодня точно ждать не стоит. Ежели самый главный до сих пор не явился, то в деревне и будет ночевать, а инспектирующий подвалы помощник, скорее всего, падет в неравной борьбе с превосходящими силами стеклянного, глиняного или бочкового противника и будет спать прямо в подвалах. Там у него и тюфяк на всякий случай припасен.

Поскольку мы не рвались быть представленными здешним властям, то волосы на себе от досады рвать не стали. Доужинали, допили, да и ушли от греха подальше в комнаты наверх. А то отдохнувшие вояки уже начали посматривать на щитовиков со спортивным интересом. Еще пара-тройка кружек пива, и мужчины начнут предлагать приезжим помериться, хм, силой, или сами решат эту силу продемонстрировать девушке. Пока спасала слишком аристократичная мордаха Симелии, к которой подкатить с неприличными предложениями можно лишь после энной кружки.

В комнатах мы просидели примерно до полуночи. Уже стих замок, раздавался лишь богатырский храп часового на посту, доносящийся даже сквозь закрытые окна. Щитовики перебрасывались здешним аналогом костей, представлявшим собой девятигранник, я бы с удовольствием потрепалась с Шерифом, но тот о чем-то сдержанно молился, поэтому пришлось чинно сидеть в кресле, положив руки на колени.

Фиилор нежно, как любимого плюшевого мишку, тискал мешок с артефактами Ольрэна, в кои-то веки пристегнутый к ремню поверх штанов, а не спрятанный под маскировочной юбкой. С этой кочевой жизнью под маской смазливой девицы вообще удивительно, как принц не утратил половую идентификацию. Хотя, я покосилась на Филю, сидит гордый и прямой, брови темные свел, и видно: пусть черты лица изящные, но не девчоночьи. Исчезла за дни скитания ребячья припухлость и какая-то безвольная расплывчатость черт. Теперь, пожалуй, для того чтобы придать радильярцу вид женщины, его придется гримировать посильнее. И как сегодня вдумчиво рассуждал в дороге! Мальчик подросток, а мы и не заметили. Я мысленно смахнула слезинку: «Как быстро, однако, растут чужие детки!»

Ночь окончательно обосновалась в горной долине, и мы, давя все нарастающее возбуждение, отправились на поиски. Дозорная башня не была отдельно стоящим помещением. На первом и последнем этажах крепости она соединялась с основным зданием коридорами. Добравшись до узкой лестницы, каковую при желании легко смог бы заблокировать и одиночка, мы решительно изготовились к последнему броску на вершину.

Тихий предупредительный шепот принца прозвучал громче

разорвавшейся гранаты:

— Не туда. Меня вниз тянет!

Эти слова юноша сопровождал явственным наклоном зонтика с рогулькой, каковым теперь с успехом пользовался в одиночку, без составления единой цепи со всей компанией.

— Э-э, ладно, — мудро отозвался Кирт, успевший подняться на три ступени вверх.

Мы развернулись и чуть ли не на цыпочках двинули вниз по лестнице до самого первого этажа и далее, все вниз и вниз в подвал. Туда, где, если верить стражу ворот, спал помощник коменданта. Дверь в подвал оказалась столь же массивной и широкой, как та, которая преграждала дорогу в кладбищенский склеп. Зато была сделана из досок и замка не имела. Вернее, засов наличествовал снаружи и не задвигался.

Мы осторожно ее приоткрыли и вышли на новую полутемную лестницу. На эту часть крепости магических факелов то ли не хватило, то ли не сочли нужным сильно тратиться. Снова спустились еще на один пролет и застыли, прислушиваясь к раскатистым звукам.

Ага, слева имелась каморка с топчаном, где в окружении нескольких пустых бутылей, распространяя мощную волну перегарного амбре, звучно задавал храпака некто. Лица из-за позы спящего и наброшенного поверх одеяла было не разглядеть. Но нас это не особенно заботило. Спит и пусть себе, черных пятен не видать, стало быть, не захлебнется чем не надо. Хорошо выпито много, значит, и дальше спать будет, а мы потихоньку за Филей пойдем.

Куда там его тянет? О, налево! Точно, настоящий мужчина вырос! Формально пророк-алкаш не ошибся: та часть подвала, куда свернул принц, действительно относилась к башне. А что являлась ее подземной частью, так никто нам звезды, луну и ветер в комплекте при нахождении последнего артефакта не обещал. Думать же мы могли любую чушь. Людям вообще свойственно заблуждаться.

Фиилор притащил нас в помещение, представлявшее собой нечто среднее между кладовкой и мусорной свалкой. Чувствуется, сюда со всей крепости стаскивали хлам под плюшкинским девизом: «Уже не нужно, но выбросить жалко!» Наверное, потом собирались поступить, как Дядя Федор и компания, то есть «продать что-нибудь ненужное».

Света коридорных факелов хватило лишь на самое смутное освещение «сокровищ». Чего тут только не было: от битой посуды и порванной амуниции до колченогих лавок, столов и погнутых светильников! От такого изобилия глаза разбегались. Хорошо еще перебирать вручную каждый

нелепый осколок прошлого быта в надежде узреть в нем артефакт Ольтрэна нам не пришлось. Филя, наострившийся в деле поиска, целенаправленно свернул направо, затем резко прыгнул и забился куда-то под державшуюся на честном слове и одной ножке лавку. Вылезал принц обратно, как большой червяк, пыхтя, извиваясь и упрямо волоча за собой обеими руками какую-то здоровенную бандуру. При более пристальном осмотре добыча Фиилора оказалась котлом на трех ножках. Сильно битым жизнью, закопченным до состояния хронической нераспознаваемости металла, с ручкой, выгнутой так, будто ею какой-то вандал долго и упорно пытался забивать гвозди. Участь гвоздей оптимизма не внушала.

— Гхм, — озадаченно переглянулись щитовики, огладил бородку Шериф, а я озвучила общий вопрос:

— Как нам эту махину упереть завтра из крепости, чтобы лишних разговоров не пошло?

— Придется засунуть его в карету сегодня, — предложил самый простой вариант жрец.

— Логично, в темноте точно не разглядишь, с чем это мы бродим и почему. А если застигнут на месте преступления, обвиним Филю в клептомании и предложим уладить дело разумной денежной компенсацией.

— Отнесу котел, давай сюда, высочество, — перехватив добычу у принца и закутав ее в собственный плащ, как горячо любимое дитяtko, принял решение Кирт.

Кому еще доверить столь важную миссию, как не щитовику, обретшему способность к почти неслышному и незаметному передвижению.

Кирт исчез, а Керт задумчиво хмыкнул:

— Снова ты права, лапуля.

— В чем? — заинтересовалась я комплиментом собственной непогрешимости. Оно, конечно, и так понятно: женщина всегда права, тем более я, но все-таки.

— Тимас так ловко двигаться не мог. Нет, парнишка талантливый был, но дара, какой в Кирте проснулся, не имел. Видать, и впрямь близость ключей поспособствовала пробуждению.

— В Кирте не только это изменилось, — подхватила я нить рассуждений. — Он, к примеру, всегда потрепать языком охотник был, но чтобы не только трепать, а и мигом раскручивать тех, с кем словечком перемолвиться сел, на информацию и услуги — такого прежде не водилось. В последнее время потрясающе выходит! И ты говорливее стал, на пару удачно работаете.

— Пожалуй, — задумчиво согласился Шериф, уже иным взглядом окидывая наши перспективные человеческие ресурсы.

— А что такое kleptomania? — опасливо и не в тему осведомился Филя, почему-то изучая пряжку на поясе.

— Страсть к заимствованию чужих вещей, чаще всего весьма сомнительной ценности. Правда, обычно больные люди всякую мелочовку тырят, но ты у нас парень уникальный, поэтому kleptomania у тебя только в особо крупных размерах проявляется. Но редко!

— А-а-а, — хихикнул, ничуть не обидевшись, принц. — Здорово придумано!

Мы тихонько, столь же осторожно, но без прежней опаски, выбрались из подвалов башни и вернулись к себе в комнаты. Срочно запрягать коней и сваливать в ночь, едва седьмой артефакт Ольэрэна оказался в наших руках, показалось не слишком разумным. Да и для здоровья вредны систематические нарушения ночного сна. Поэтому как ни хотелось нам обсудить результат, однако ж красноречивые зевки, исполняемые нашим с Филей дуэтом, подвигли остальных членов команды к соблюдению режима.

Что там красит или не красит утро, мы, милостью Шерифа, дожидаться не стали, так же как и горячего завтрака. Оставив свои устные благодарности так и не прибывшему в крепость коменданту (дрыхнущему помощнику ничего оставлять не стали), мы душевно попрощались с неизменным стражем у ворот. Оказывается, бедолага проиграл спор друзьям, оттого и загремел в бессменные стражи на пять дней кряду. Кирт вручил вояке одну из чудом сохранившихся бутылей той жуткой кретагратской самогонки. Не знаю уж, поить страж ею или травить кого собрался, но нюхал бутылку с задумчиво-мечтательным видом. Поэтому выпустили нас так же, как и запустили, — без лишних расспросов.

Глава 22

«КАША ИЗ ТОПОРА»

Второго марш-броска за два дня в окрестностях Пиковых Окраин точно ждать не следовало. И по этой причине мы откочевали от крепостицы не слишком далеко. Отъехали на пару часов западнее по плохонькой, битой жизнью и временем дороге, свернули на обочину, где лес и луг уже начинали борьбу за место под солнцем, и остановились.

На толстом ковре, заменяющем походную скатерть, Филя торжественно разложил все шесть артефактов из мешка, Кирт присовокупил к ним старый закопченный котел. Принц и его порывался тащить сам, но шитовик отобрал «игрушку», пока у высочества пупок от натуги не развязался.

Мы встали вокруг условно-волшебных вещей, с виду большей частью напоминающих заурядный хлам, и призадумались. Вот они перед нами, семь артефактов, ключей Ольрэна, неизвестно к чему подходящие. Собраны, разложены рядком, а дальше? Трубною гласа с небес не раздалось. Да и, как в мультиках бывало, зависать в воздухе, кружиться и сливаться воедино, образуя нечто, потрясающее воображение, обломки прошлого не спешили.

— Что теперь-то? — поскреб затылок Кирт, почему-то глянув на жреца.

Тот пошевелил пальцами, дескать, чего ты от меня-то хочешь? Я Первоотцу служу, а не Ушедшему. Анафеме вас, еретиков, не предал, этому радуйтесь, а не советов странных спрашивайте.

— Может, их в котел сложить надо? — растерянно предложил Филя.

Сказано — сделано. Сложили. От перемены мест слагаемых сумма не поменялась. То есть никаких чудесных явлений не свершилось. Молчали мы, небеса, Ушедший, местные боги тоже молчали. То ли не знали, что делать, то ли вмешиваться не имели права. Мне почему-то показалось, что вернее последнее. Возникло странное ощущение: будто весь Фальмир в эти минуты выжидаяще затаился.

— Давайте их, что ли, сварим в котле? — за неимением иных вариантов обратилась я к родному фольклору.

У нас же как в сказках? Если чудо трансформации срочно нужно, то в кипятке жертву. А там уж как свезет: сварится в крутую или преобразится.

Нет, если бы кого из компании живьем в бурлящую воду кидать пришлось, я бы не предлагала, а железки с камнями... Почему бы и нет? Что им сделается-то? Не проверишь — не узнаешь.

— Сварим? — удивился нелепому предложению Керт.

— Вода, огонь, воздух и земля — четыре элемента для связи. Вода — как более надежная, нежели воздух, связующая среда... — протянул задумчиво Шериф.

— Воздух всегда есть, но его недостаточно, значит, остается закапывать, жечь или кипятить, — принялась я озвучивать ход своих мыслей. — Предлагаю, раз нам котел в качестве последнего артефакта выдали, начать с кипячения. Попробуем, подождем, если ничего не получится, перейдем к другим издевательствам над ингредиентами.

Иных дельных версий у компании не возникло. Лошадей распрягли и отвели подальше пастись. Животные не виноваты в дури, взбредающей в людские головы, и страдать, что бы ни случилось, из-за нее не должны. Я, конечно, копытно-лягающих не очень люблю, но понимаю их к себе отношение и пользу признаю, потому ничего против заботы о живом транспорте не имела. Особенно если заботиться не мне приходилось.

Пока щитовики обихаживали кобыл, проникшихся к людям-конеоборотням неизъяснимой симпатией, мы с Шерифом и Филей занялись сооружением костерка и добычей воды. Дровишек для костра в ближайшем леске раздобыли легко, а вот с водой вышел затык. Ручейка поблизости не нашлось. Недолго думая воспользовались собственными запасами. Воды из фляги домовитого Кирта хватило, чтобы заполнить котел на две четверти. Шериф запалил огонь. Пламя весело затанцевало под днищем закопченного котла, водруженного над костром. Мы с принцем булькнули в котел камень, металлический прут, ножку от трона, драгоценный минерал с вершины жезла псаля Дагонта, крепеж факела из тюрьмы и ребро от болтливости костяка с кладбища. Вернулись от лошадок щитовики.

Сгрудившись у костра, мы следили, как бойкой жемчужной стайкой поднимаются пузырьки со дна котла к поверхности. Водичка побулькивала, мы ждали сами не зная чего и неизвестно на что надеялись. Вода нагревалась неестественно быстро, число пузырьков множилось, их размеры росли. Ничего другого не происходило.

Почему-то зачесалось в носу, хотя выпить в ближайшее время мне точно никто предлагать не собирался. Я зажмурилась и с удовольствием принялась скрестить нос, поэтому яркую вспышку света, сопровождающую взрыв котла, к своему счастью, в прямом смысле слова проморгала.

Полыхнуло, как качественная новогодняя шутиха! Даже с закрытыми

глазами я видела этот неестественный свет, белый и одновременно содержащий, как учит оптика, все цвета радуги, в том числе и те, которые нашей оптике не снились и в галлюцинациях. Кажется, какой-то сумасшедший мастер их нарисовал у меня на веках единым росчерком гениальной кисти.

«Блин, я пророк! Сама же когда-то про кашу из топора брякнула! Что же мы заварили такое эдакое? Не придется ли об этом пожалеть прямо сейчас?» — мелькнула и спряталась суматошная мысль.

Взрыв приподнял, подержал, а затем почти нежно (во всяком случае, хруста костей не случилось — славьтесь, дареные амулеты мастера-скелета!) приземлил меня на травку. Бумканье, оханье и ойканье возвестили о том, что полет приключился с каждым из нас и прошел условно-удачно. Криков боли точно не было.

Когда я проморгала слезящиеся глазки, то первым делом почему-то увидела враз прогоревший до алых углей костер и опрокинутый, совершенно пустой котел, из потрепанного жизнью ветерана превратившийся в натуральный дуршлаг. Дырки в нем имелись любому конкуренту на зависть. Встревоженная дырками и пустотой, как закономерным намеком на прибыль пропажи в другом месте, я быстро перевела взгляд на друзей. Уф, пропавшие артефакты не нашли пристанища в их телах. Керт и Кирт трясли головами, как контуженные, Фиилор почему-то шмыгал носом, а Шериф... Тот резко лишился своей колоритной бородки, разом сбросил лет десять и ощутимо посветлел волосом. Не поседел от переживаний, а именно из каштанового с проседью стал светло-светло-русым. Серо-голубые глаза отчетливо просверкнули голубизной.

Я моргнула раз, другой, третий, потрясла головой. Такого не может быть и тем не менее есть: жрец Первоотца теперь, как отражение в зеркале, походил на ту самую картинку «неизвестного благородного дона», без воспоминаний о которой не могла заснуть глупышка Кимея. Фиге ней, с Ким, — теперь и я не могла отвести от мужчины взгляд. Вроде изменения в нем произошли небольшие, однако ж я, как последняя дура, жадно смотрела и смотрела на Шерифа, только сейчас осознавая значение фразы «не могу наглядеться». Прихотливый изгиб губ, глаза, тонкий нос, костистое лицо...

И ничего мне от него не нужно было в эти секунды, только смотреть и смотреть. Говорю же, дура! И самое главное, та часть разума, которая отдавала отчет в нелепости такого поведения, ничего не могла поделать с оставшейся мною.

— Э, лапуля, а ты волосом потемнела, — брякнул Керт.

Я вздрогнула — прядка волос, весьма кстати упавшая на лоб, подтвердила слова щитовика. Блондинистые, чуть выющиеся, почти пепельные волосы, доставшиеся от Кимеи, резко обрюнелились, распрямились и несколько укоротились. Теперь коса доставала мне лишь до поясницы.

— И мордашка... теперь тебя за Симелию нипочем не примут. Что-то общее в чертах есть, и только. Фигурой тоже ни на Ким, ни на принцессу не походишь, — протянул Кирт, изучая мои новые технические характеристики.

Я и сама почувствовала, как немного свободная в стратегических местах одежда натянулась почти до предела. Нет, моя прежняя, Катина, пышная фигурка не вернулась, скорее где-то посередине застыла. Ни вашим, ни нашим. Ну и ладно, зато не доска с парой пупырышков, которую все никак откормить не получалось.

— Ты-то как, принц, живой? Не зашибся? — заботливо переключился с расспросами на Филю болтливый щитовик.

— Н-нет, — почему-то в замешательстве шлепнул губами Филя и разревелся.

— Эй, а ты чего? — подскочил Кирт к принцу. — Где, что болит?

— Я... я... я... — трижды начинал и только на четвертый раз, набрав полную грудь воздуха, наконец выпалил Фиилор: — Я больше не парень!

— А кто? — удивленно хрюкнул щитовик.

— Девица, — капризно надул губки и обвел всех нас полными слез глазами принц, или вернее будет сказать — принцесса.

Мы пригляделись и охнули. Отвердевшие за дни странствий черты лица юноши снова преобразились, исчез кадык на шее. На нас смотрела девушка, а не маскирующийся под нее парень. Вроде внешность все та же, но приобретающая дополнительную хрупкую изящность, не позволяющую спутать Фиилору с парнем Филькой.

— Вот так сварили артефакты Ушедшего, — крякнул Керт.

— Ну Ольэрэн и заварил нам кашу, — ошарашенно поддакнула я.

Следом пришла пора удивляться еще сильнее.

— О, привет, куколка, парни! Снова вы?! Чего звали? — весело осведомилось знакомым (слышала раз, но не забуду никогда!) голосом пространство.

Прямо сапогами в багряных углях костра проявился откуда-то, вообще непонятно откуда, он. Очень молодой мужчина — или еще юноша? Из тех, которых обычно называют «молодой, да ранний», с такой наглой

физиономией, каковая либо просит и регулярно получает кирпича, либо носится обладателем с полным на то правом. Правом силы. Этот, кажется, таковое имел и был способен его доказать всем. И пусть он не сиял радугой, как котел с бирюльками, но в то же время сиял чем-то таким, отчего долго смотреть на него становилось больно. Вдобавок гость оказался похож на нашего преображенного жреца, как племянник на дядюшку. Светло-русые растрепанные волосы, глаза голубые с яркосиними лучиками, цинично-любопытная ухмылка, тонкий нос, подвижные брови и неустанно кривящиеся в косой усмешке губы.

— Снова мы? — первой отозвалась я за потерявших дар речи друзей. — Мы вообще-то никого не звали.

— Имя прозвучало, условие соблюдено, замки открыты, я явился во плоти, — чуть скушаяще, будто влом ему было повторять всякую возвышенную белиберду, провозгласил парень, объясняя нам истинный смысл варки металлолома.

— Ольрэн? — недоверчиво выпалил Кирт.

— Не, бабка его двоюродная, — огрызнулся собеседник, и в синеголубых глазах мелькнула тень раздражения.

Он окинул беглым взглядом нашу все еще валяющуюся в траве компанию, насмешливо фыркнул, изучая Фиилора. Остановил взгляд на Шерифе и, изумленно вскинув брови, присвистнул:

— Тебя я прежде не видел! Надо же, потомок, пусть и служивший Всеотцу. Крови пробужденной — серебряная капля, но сойдет. Как удачно, можно самому больше в это тухлое болото не соваться, а тебя на хозяйстве оставить.

— Вам тут привет передавали: зеленоглазый мужчина с кофе, рыжий волосатый из кабака, черноволосый с гитарой у холодильника и... наверное, это приветом не очень считается... красавчик с бирюзовыми глазами и летающими кинжалами, — неизвестно почему брякнула я, вспомнив блуждания в лабиринте и странных типов, щедро раздающих напитки, колбасу, хлеб и колюще-режущие предметы.

— О, неужто дядюшки нарисовались? Мой лабиринт порой шутит, из гостевого режима в личный сам переходит, все настройки сбивая. Домой, что ли, заглянуть на днях... Стало быть, вы трое, — щелкнул языком Ольрэн и уставился на меня и Дабл-Кей с новым интересом, — в моем лабиринте прогулялись, выжили и посвящение прошли. Ага, метки прикрыли, но не стерли. Молодцы.

— Мы ничего не понимаем, — разродился очень своевременным откровением наш немногословный Керт.

Жрец пребывал в прострации после обвинения в родстве с богом еретиков, Филя в трансе осмысливал свою половую идентификацию, а щитовик нашел, что и как сказать, чтобы болтливый загадочный гость снизошел до объяснений.

Ольрэн хмыкнул, потер подбородок, скрестил руки на груди и, покачиваясь с пятки на носок в пылающих углях, таки разродился снисходительной лекцией-пояснением. Пока слушала, я поняла, почему боги в наш глобальный квест по сбору ключей не вмешивались и сейчас не особо лезли. Полагаю, им было стыдно, насколько может быть стыдно таким созданиям.

В незапамятные времена Ольрэн собрал нескольких знакомых свободных богов без личных «подшефных» миров и предложил им, выражаясь земным языком, обкатать идею развития магического мира с монорасовым населением. Согласились семеро. Ага, они самые, известные под кодовыми именами Первоотец, он же Всеотец, Первоматерь, Дагонт, Вадер и прочие стихийники — Транк, Айхор и Соита.

Поначалу все шло бойко и весело, боги как-то ухитрились поставить на проход в мир фильтр, который... нет, не обладал избирательной пропускной способностью, гораздо лучше — он преобразовывал плоть вошедших, придавая им людское обличье. Людское население, как оно водится, плодилось и размножалось. Основывались и рушились королевства, люди играли в солдатиков и иные игрушки. Боги играли людьми. А вот потом возникли терки: семеро решили продолжить эксперимент, окончательно затворив все дверки-щелки в мир не только на уровне физическом, но и в сфере духа, чего никогда не делали даже в урбанизированных мирах. Там, напротив, эти последние двери порой распахивались во всю ширь.

Ольрэн рьяно возражал против глобальной изоляции, твердил, что замкнутого цикла не получится и рано или поздно варево в закрытом котле либо стухнет, либо выкипит, спорил, доказывал, ругался. Его категорически не желали слушать.

«Глупость же!» — мелькнула у меня мысль при рассказе о намерении богов изолировать «мировую бурду». Я сразу вспомнила вино в больших бутылках в бабкином сарае. Вместо крышки на бродящее сусло всегда перчатку резиновую натягивали. От газов она быстренько распрямлялась и раздувалась. Да только постоянно держать такую «крышку» никто бы не стал: большую часть времени, пока сусло бродит, в него трубочка газоотводная сунута, и пузырьки в банке с водой побулькивают. Случалось, перчатки срывало, варево взрывалось, если с рецептом не угадаешь или

передержишь. Так то винишко домашнее, а не мир. В нем небось взрыв помощнее случиться может. Бурление-то ни на минуту стихать не должно, если мир живой.

Словом, внять Ольрэну экспериментаторы не пожелали. Тогда автор изначальной идеи обматерил, так сказать, всех, хлопнул дверью и ушел. Причем ухитрился уйти таким образом, что дверь снаружи мстительно запер не только для человеческого населения, а и для богов. За что боролись любители садистских экспериментов, на то и напоролись.

Видимо, оказаться по ту сторону двери испытатели при божественных титулах совсем не желали, оттого и озлились массово на Ушедшего, чуть ли не анафеме его предали в своих храмах. Как уж они его в личных беседах между собой крыли — об этом история, стыдливо краснея, умалчивает. Злились-злились, а лучше не становится. Мало-помалу, поначалу совсем незаметно, а потом все быстрее и быстрее, боги оглянуться не успели, как «варево в горшочке» действительно «протухло».

С закрытием дверей и закручиванием гаек из паствы, как воздух из проколотого воздушного шарика, утекла сама способность и желание творить. Не поется птичке в клетке. Процесс замыкания нарушил естественный информационный обмен — основу творчества. Тогда-то боги и задумались, что прав был Ольрэн, да только поздно. Телеграмму: «Вернись, мы все простим», — ему было не отправить. Сами щели затыкали. Во плоти Ольрэн на Фальмир носа не казал, на контакт с хулителями не шел, а если и откликался своим адептам, то лишь для того, чтобы «порадовать» мир очередной шуткой-пакостью в излюбленной манере с метаморфозами.

Мой приход на Фальмир, подтасованный Смертью, для которой врат никогда и нипочем не закрыть с гарантией, нарушил это гнилое равновесие. Запустился механизм спасения. Когда выплыло пророчество о ключах — ну не совсем же Ольрэн зверь (хоть и гад), бывшим коллегам лазейку оставил, — поостывшие в заключении узники принялись действовать. Они аккуратно, тишком друг от друга, стали подталкивать внезапно появившихся добровольцев к успешному осуществлению миссии.

Вот в каких интересных условиях мы сами, конкретно не зная для чего, взялись исполнять состряпанное Ольрэном пророчество и собирать коллекцию уникальных артефактов. В каждый из которых (а таких закладок он сделал, как запасливая белка, несколько штук) бог напихал понемножку своей силы и тщательно ее замаскировал. Именно соединение в водной среде при нагревании кусочков позволило хранилищам сдетонировать и разом высвободить божественную энергию.

Дверь приоткрылась, а обращение по имени призвало Ушедшего на Фальмир во плоти, а не «по видеосвязи», как могли делать его жрецы, не будем тыкать пальцем в свихнувшегося Йорда.

При взрыве силы того, кто находился вне мира и носил заслуженное имя бога метаморфоз, побочные эффекты оказались неизбежны. Все тела в зоне поражения энергией Ольтэна пришли в полное соответствие с внутренними составляющими. То есть: у Шерифа произошло пробуждение крови наследника, у Фиилора случилась смена пола по склонностям души, у меня — коррекция внешности по характеристикам вселенского духа, а у Керта с Киртом, обломайтесь, парни, не случилось ничего. Когда щитовики попробовали робко заикнуться о том, что не худо бы им перестать в собак и лошадей то и дело превращаться, то Ольтэн, кажется, не на шутку обиделся на столь пренебрежительное отношение к дарам. Глазки у бога очень нехорошо засверкали, как у моего племянничка, замышляющего пакость. Пришлось спешно шептать щитовикам:

— Кончайте спорить, самоубийцы-добровольцы, со всем соглашайтесь, пока вас насовсем во что-нибудь длинноухо-копытное или пятакчковое не превратили.

Парни опасливо переглянулись, вздохнули и заткнулись. Фиилор уже успел отрыдаться (какие рыдания, когда тут ТАКОЕ происходит!) и, приоткрыв рот, вовсю пялился на Ушедшего. Хотя теперь его, наверное, следовало бы именовать Пришедшим или Заглянувшим.

Просить Ольтэна вернуть ему все, что исчезло, высочество почему-то не спешил. И почему-то пару раз украдкой покосился на Кирта, изо всех сил избегавшего смотреть на бывшего принца. Бог сам одобрительно бросил растерянной Фиилоре:

— Правильно, не проси. Душа женского тела требовала, вот и случилось... Ничего, привыкнешь.

— Зато тебя теперь точно на этой неохватной лирте не женят, — подбодрила я прин... наверное, принцессу.

— У нее такой же брат есть, — уныло прояснила расклад Филя и передернулась.

— Значит, в Радильяр не возвращаемся, выбираем местечко поудобнее и открываем наше ателье-салон, как планировали, будем нести в мир красоту нижнего белья! — продолжила я нагонять позитив на Фильку. Язык-то молот, а глаза все на молчаливого Шерифа нет-нет да и косились.

— Ого, а тебя-то как заклинило, подручная Смерти, Заступающая Последнюю Дорогу! — присвистнул бог, сподобившись-таки сойти с ярких углей и в своей несгораемой обуви пройти до меня. Жестко цапнул за

подбородок и внимательно изучил. — Не-а, я такое поправить не возьмусь. Может, тетя? Но если такое вам обоим судьбой назначено, огребу уже я за нарушение. Нет, не полезу, сами как-нибудь справитесь. Замок мой можете забрать, все равно я тут надолго не задержусь. Слышь, потомок?

— Какой замок? — машинально переспросил ни черта не понимающий Шериф.

А Ольрэн принял вопрос как указание к действию.

— Замок? Да вон этот. Волей своей отдаю, только ты войти и владеть сможешь, ну и все, кому допуск дашь.

На словах «вон этот» реальность снова мигнула радугой, и мы вместо травки в предгорьях на границе оказались в... Да, круг замкнулся в сердце Дамильяна. В том самом замке, который очень долго был предметом грез принцессы Симелии, где висел с давних пор портрет неизвестного, а как оказалось, вовсе даже известного — бога Ольрэна, намертво завязшего в сознании Кимеи в качестве образа идеального мужчины. Что это было: магия, разновидность божественного импринтинга или еще какая пакость, не пропавшая с уходом души наивной служанки, не знаю. Ясно одно: теперь, когда образ приглянувшегося мне Шерифа и образ идеала Ким с портрета совпали, меня крепко переклинило. Ни на одного красавчика смотреть не могу, даже на самого Ольрэна. Наверное, мне еще повезло, что изменившегося Шерифа я увидела прежде бога, а то если бы меня на божестве переклинило... Там-то вообще без шансов. Ой-ой-ой...

Я закрипела зубами, сдерживая желание подолбиться головой обо что-нибудь твердое. Получилось, но в большей степени потому, что ничего подходящего поблизости не имелось.

— Ладно, пророчество вы исполнили, мне тут больше делать нечего, скучно. Фальмир давно уж надоел. Пока, люди! Семерым привет, хотя можете не передавать, они все одно нас подслушивали, только во плоти или проекцией явиться постыдились. Теперь-то, как дверь нараспашку стала, небось сами с Фальмира дернут. На этот случай ты, потомок, за управляющего за всех остаешься! Назначаю! Держи, память тебе подкину и кое-что по мелочи еще! Ха!

Ушедший наставил палец на Шерифа, весело расхохотался и пропал, оставив нас наедине с движимым и недвижимым имуществом. Вечно спокойный стоик-жрец, невозмутимо утрясавший все недоразумения, вдруг обхватил голову руками, застонал и повалился на землю. Мы бросились к бедолаге, не зная, чем и как помочь. У меня ведь даже обычного обезболивающего нет!

Филька, чья фигура претерпела интересные изменения, сместившие

центр тяжести, запнулась на ровном месте. И если бы не Кирт, пропахала бы носом борозду или рухнула на страдающего опекуна, добавляя бедняге впечатлений.

Черных пятен на Шерифе не было, но утешало лишь это. Он продолжал стонать, не реагируя на наши вопросы, еще несколько минут. А когда замолчал, замер в такой неестественной для живого неподвижности, что меня холодный пот прошиб.

Мысленно я взмолилась... не этому шевутному Ольрэну с ветром в голове, не своему боссу Смерти, а кому-то выше, мудрее и милосерднее. Должен, должно, должна же такое быть! Наплевать на магическую природу этого импринтинга, перетерплю, это же наш Шериф — надежный, проверенный, мудрый спутник, переступивший через казавшиеся незыблемыми постулаты веры, когда того требовала ситуация, ради общей цели. Пусть живет! Пусть выздоровеет!

И, кажется, мне ответили — сквозь тело будто теплый ласковый ветерок прошел, он же взъерошил и волосы на макушке. Дескать, не волнуйся, все с твоим избранником будет хорошо!

Сжавшееся в мучительной тревоге сердце отпустило, я задышала спокойнее, неожиданно поверив незримому утешителю.

— Ты как? — первым спросил замершее тело Керт.

— Странно, — хрипло отозвался Шериф, отмирая и присаживаясь на траве.

— Что болит? — заволновалась Филя.

— Душа, — грустно улыбнулся жрец, потрепав девушку по плечу.

— Значит, ты теперь вместо Ольрэна? — обреченно уточнила я, понимая, что шансов на взаимность при таком раскладе у меня маловато.

— Выходит, так. И *они*, — Шериф каким-то образом ухитрился обвести рукой небо, — это подтверждают. Отдельных храмов, раз уж их снесли, Ушедший не желает, а вот алтарь Ушедшего — бога перемен и шуток — теперь в каждом святилище появится. Только так получится перекося выправить. Его сила не искажалась за закрытыми дверями, через нее и остальной мир изменится, как Ушедший советовал. Сан служителя Первоотца с меня сложен, — при этих словах ярко вспыхнул и погас над головой Шерифа знак щита, перечеркнутого мечом, — отныне я единый жрец Ольрэна.

— Поставлен для слежки за ходом удаленной коррекции, — протянула я.

— Так. Теперь я воистину соответствую тому пророческому имени, каким ты наградила меня, лирта Кит, — задумчиво согласился Шериф и

одним рывком поднялся на ноги.

Над нами загрохотало небо, будто кто-то кинул на громадный стол игральные кости, и послышался шелест, будто кто-то тасовал большую колоду карт. А знак... о да, знак над Шерифом тоже проявился. Те самые загадочные часы из треугольников, только теперь они походили на косой знак, составленный из чьих-то гибких пальцев, и если мне не изменяет память Ким, значений у этой комбинации было много. И лишь часть из них считалась приличной. Но спорить с умчавшимся куда-то по своим делам Ольрэном никто не стал. Начнешь возражать, с него станет вернуться и комбинацию заменить на что-нибудь еще более неприличное. Этот, пусть я и видела его считанные минуты, коварный тип точно на такое способен.

— А боги, они, как твой новый босс и родственник говорил, тоже вслед за ним сдернут в отпуск? — на всякий случай любопытствовала я.

— Хотели бы, но нет. Им... — Шериф помолчал, пытаясь подобрать обтекаемо-дипломатичное слово, не нашел и сказал как есть: — Им, пожалуй, стыдно. Поэтому пока на Фальмире равновесие не будет достигнуто, не уйдут.

— Ну... как у трактиров вывески меняться станут, так, значит, можно, — хихикнула я.

— Показатель, — невозмутимо поддакнул бывший жрец, а сейчас я уже даже не знаю кто, вынужденно сменивший и подменивший бога. — Для тебя, Заступающая Последнюю Дорогу, есть просьба-поручение от Ольрэна и Последнего Гостя.

Выглядел при этих словах Шериф несколько неуверенно, будто и не передать не мог, и ждал, что я его здесь и сейчас пошлю большим петровским загибом.

— Сдается мне, не пожелание, а распоряжение тебя передать попросили. У моего знакомого всегда так. Мягко стелет, да жестко спат. Чего хочет-то? — насторожилась я.

— В храм, пусть лишь единый, чтобы ежедневно ты заходила и упредить могла тех, кого там узришь через дар свой, — виновато выдохнул жрец, просватавший мне постоянную каторжную должность.

— Ясно, а уж с тем, кто заходить будет, судьба сама разберется, — обреченно согласилась я. — Что ж, зато, пока есть хоть один человек на Фальмире, безработной не останусь.

— Щитовики же, Ольрэном меченные, лабиринтом его посвященные, охраной тебе станут от прихотливого нрава толпы, — заключил Шериф, заодно назначая Дабл-Кей на постоянную должность.

Те возмущаться не стали. Керт так и вовсе подмигнул мне, дескать, не

дрейфь, лапуля, прорвемся.

Оглядев нашу компанию еще разок, Шериф потер голый, без импозантной эспаньолки, подбородок и предложил:

— Теперь же пойдёмте, друзья, осмотрим замок Ольрэна.

— Не, теперь это замок Шерифа! — подсказала я, и желающих возразить не нашлось.

Лошадей, равнодушно переживших все катаклизмы и божественные явления, запрягли быстро. После чего жрец заботливо подал мне руку. Кирт, смущенно кашлянув, в свою очередь протянул руку Фиилору, вернее, как я ее уже обозвала, отныне и навсегда Фиилоре. Мы залезли в карету, и Керт, взобравшись на козлы, причмокнул, посылая лошадок вперед.

Нас ждал исторический замок, а Фальмир — существенные перемены и настоящий переворот в мировоззрении.

Глава 23

ЕСТЬ В ЗАМКАХ ЧТО-ТО РОМАНТИЧЕСКОЕ...

Заколдованный замок, оставленный в качестве наследства Шерифу, стоял на невысоком живописном зеленом холме, окруженный лишь древней рошей, когда-то, возможно, считавшейся садом, но давным-давно одичавшей и сменившей имидж. Про это место в Ламильяне, да и по всему Фальмиру, ходило немало легенд, которые невозможно было проверить. Вот же он — высокий замок из искристо-желтого камня, весь как на ладони. Каждый камешек, каждое дерево видно! Только эта очевидность физическими ощущениями подтверждения получить не могла, сколько бы ретивые исследователи, любители загадок и хапуги, жадные до чужого имущества, ни пытались. Хочешь подойти поближе, а получается как в абсурдной сказке Кэрролла: при движении вперед возвращается туда, откуда начал путь.

Теперь-то понятно, Ольрэну просто не хотелось, чтобы в его доме хозяйничали посторонние. Ушел на минутку (что такое триста лет для богато?), а вернулся — и вместо отдыха выясняй, кто сидел на твоём стуле и сломал его.

Я, к примеру, терпеть не могла, когда дома на кухне на мое удобное место на диванчике хлопался кто-нибудь из домочадцев или особо наглых гостей. Не возмущалась, но осадочек-то оставался и настроение портилось.

Когда карета легко вкатилась на холм, густой лес, окружавший замок, то ли спешно расступился, то ли снисходительно разрешил новому владельцу и его компаньонам увидеть дорогу. Ничуть не заросшую, между прочим! И, в пику горному пути из Края повелителей стихий в Ламильян, с такими ровными плитами, будто их уложили вчера. Между стыками не пробивалось ни травинки.

Мы вылезли из кареты и пешком, осматриваясь, неспешно двинулись сквозь рощу фруктовых деревьев. Зеленые завязи на ветках намекали, что когда-нибудь станут яблоками, сливами, вишнями и местной вариацией персиков — ангу. Почему сейчас, в начале лета, они все еще были всего лишь завязями, будто стояла весна, мы не поняли. Возможно, деревья дарили плоды исключительно действующему владельцу замка, а коль его не было пару веков, то функция плодоношения оказалась временно

отключена? Оригинал Ольтрэн вполне мог сотворить такой фокус с садом.

Во дворе замка нашлась конюшня с предупредительно распахнутыми воротами. По счастью, пребывающих в анабиозе животных и слуг не имелось. Колодец, поилка для четвероногих обитателей и прочие вполне обычные ориентиры без магических выкрутасов здесь тоже наличествовали.

Изучить их как следует, а уж тем более войти в замок, мы не успели. Шериф только взялся за тяжелое кольцо на двери, как все вокруг едва заметно вздрогнуло. Взгляд с холма показал, что мы больше не на западных равнинах Ламильяна, а в том самом, не к ночи будет помянуто, местечке Вольных Пустошей, где любого укачивало почище американских горок.

— Это как? Зачем? — крикнул от удивления Кирт, в тревоге обернувшись к лошадам.

Но нет, те спокойно помахивали хвостами, прядали ушами и чем там еще должны двигать копытные, стоя на месте. Ни малейших тревог и негативных ощущений лошадки не испытывали. Наверное, с открытием Фальмира внешнему воздействию выровнялось и «магическое давление» даже в его опасных областях, где некогда потоптался Ольтрэн. Может, тут у него подземная лаборатория заныкана?

— Прошу прощения, — смущенно кашлянул Шериф. — Я невольно подумал об этих краях, когда касался двери замка.

— Ого, сенсорное управление перемещением в пространстве! — почти восхитилась я. — Главное, случайно не пожелать оказаться на дне морском или в небесах. Я не настолько хорошо плаваю, а летать вовсе не умею! Хотя с «летать» амулет поможет, но все равно лучше не проверять.

— Зато теперь мы замок осмотрим как следует. Уж сюда-то еще долго никто по старой привычке не сунется, — беспечно пошевелил пальцами Кирт, почему-то косясь на Фиилору.

Керт с родичем согласился. А новоиспеченная принцесса Радильяра только облегченно улыбнулась. Сменивший пол принц, думается мне, пока не готов был выходить к незнакомым людям в новом качестве.

До вечера мы бродили по замку, где все оставалось в том же виде, что и сотни лет назад, когда рассерженный Ольтрэн покинул Фальмир, громко хлопнув дверьми напоследок. До дворцов эпохи Солнечного Людовика замок немного недотягивал, но чувствовалось отчетливо, что красивые безделушки и дорогую мебель бог уважал. Ничто в замке не было дешевкой. Даже самая простая с виду белая скатерть на столе в одной из столовых зал украшалась нежным налетом тончайшей паутинки золотой вышивки и выглядела... в пору на бальное платье пускать. Во всяком

случае, у Симелии что-то подобное было и стоило столько, что папу, щедрого ламильянского монарха, оплачивающего дочкин счет портным и вышивальщицам, еще долго потряхивало и дергался правый глаз.

Я не удержалась и погладила уголок скатерки — да, на ощупь как платье Симелии, точно! Или... Я заулыбалась, пытаюсь припомнить, не видела ли Ким в книжке про великие замки похожей картинке из владений Ушедшего. Тогда источник вдохновения сразу бы определился.

— Чего скатерку оглаживаешь? Проголодалась? — подкинул вопрос Кирт, и я поняла, что и впрямь голодна.

Очень не против отведать зеленых щей, пару салатиков, «Цезарь» или оливье с языком, пюре и кусочек-другой мяса по-французски. Вот только где взять блюда, которых на Фальмире отродясь не делали? Только если самой, засучив рукава, готовить... Но из чего? Здесь даже картошки и огурцов не выращивали. Репень и грыздо — аналоги, на вкус неплохие, конечно, а все ж не то.

Я прикрыла глаза и сглотнула слюнку. Каши, хлеб, ветчина, сыр и прочие нехитрые продукты недурны на вкус. Но почему-то вдруг невыносимо захотелось той, земной пищи. Соскучилась. Показалось, что даже ощутила аромат вожделенных блюд.

— Ого! Как ты это сделала? — восторженно и почему-то невнятно спросил Кирт. Ба, да он чем-то чавкал!

Я распахнула глаза и, не веря им, уставилась на скатерть. Точнее, на стол, сервированный на пять персон, с теми самыми блюдами, о которых секунду назад грезил.

— Кажется, здесь у Ольрэна скатерть-самобранка, считывающая пожелание клиента, так же как дверка на входе, — выпалила я и подцепила ложечку оливье на пробу. — Точно! Именно о таком салатике я мечтала! Пообедаем? Это блюда моей родины, лирты!

Уговаривать компанию не пришлось. Каждому было любопытно, чем питалась Кит до попадания на Фальмир. Вызнавать какие-то подробности моей прежней жизни им, стукнутым проклятием Ольрэна, раньше было неинтересно, но, кажется, это счастливое время безвозвратно прошло. Во всяком случае, пока обедали, Филя и Кирт сыпали вопросами наперегонки так обильно, что Шерифу пришлось воззвать к их совести.

Я ведь отвечала, даже ни разу не огрызнувшись на неумно любознательных. В конце концов, столько вместе вынесли, они имели право знать хоть что-нибудь. Да и скрывать мне было нечего. Не великие же тайны сведения дебета с кредитом и шаманские операции в 1С?

Подкрепившись, мужчины еще немного поэкспериментировали со

скатертью. Сладкоежка Филя вызвала королевские десерты Радильяра, щитовики — пиво, Шериф — какое-то редкое вино, а я, бейте тапками за отсутствие вкуса, любимый ликер «Бейлис» и маленькие шоколадки «Мерси» в наборе.

После вкусного обеда мы всей компанией снова слонялись по удивительному замку, разглядывая его и заодно выбирая комнаты для проживания. Я обнаружила нормальную ванну (ладно, вру, это был бассейн размером не меньше чем три на пять) и хорошо искупалась. В замке Ушедшего даже фен нашелся! Сам нашелся, когда я к стенке перед ванной случайно прислонилась... Зато голову быстро высушила!

Потом я отыскала библиотеку и застряла там, не реагируя на внешние раздражители. Пару раз ответила невпопад заглядывающим друзьям, и от меня отстали до вечера. Я же, стосковавшись по печатному слову не меньше, чем по оливье, копалась, листала, читала все подряд. Я читала об Ольрэне и его культе. Неплохую коллекцию собрал Ушедший о самом себе, а уж его комментарии на полях: «Ого, не знал!», «Ну и чушь!», «Охренеть!» — и кое-что менее цензурное не только остроумны, но и поистине бесценны. Я листала книги, пытаясь выяснить, чего мне ждать от нового статуса Шерифа, хотела понять, есть ли у меня какой-то шанс или нет. Ужин мне, кажется, приносил Керт. Что-то спрашивал, я даже что-то отвечала. Кажется, снова невпопад.

Когда окончательно стемнело, захлопнула очередной том, чтобы констатировать по примеру древнего философа: «Я знаю, что я ничего не знаю!» — и решила в очередной раз провести проверку на практике. Может же несчастной попаданке хоть разок повезти для разнообразия?

Где выбрал себе комнаты Шериф, я знала, нас с Филей в противоположном крыле поселили, чтобы всякие нудные приличия соблюсти, коль возможность появилась. И это как раз тогда, когда все сильнее хотелось быть неприличной!

В комнате неподалеку от библиотеки горел тусклый свет и даже в коридоре стоял аромат крепкого пива. Глянула. Керт почему-то пил в одиночестве.

— А где брата-напарника потерял? — ляпнула я прежде, чем сообразила на цыпочках пройти мимо.

— Лапуля? — совершенно трезвым голосом опознал меня щитовик. — Спит Керт, должно быть. А я не сплю... Думаю о том, какой дурак и что дальше делать.

Удивительно, его мысли совпадали с моими собственными, может, поэтому я, никогда в жизни не лезшая в чужую душу, сочувственно

вздыхнула. Не слепая же! А что вслух догадки не озвучивала даже в шутку — так есть такие намеки и шутки, за которые в зубах бывают промежутки, особенно если с намеками угадаешь. Но сейчас я решительно спросила:

— Филя нравится?

— Нравится, — обреченно согласился Кирт. — Когда она несуразным парнем была, проще было. Заклинит, так дашь себе оплеуху, мысленно рывкнешь: «Не лезь к парню, урод, кобылу тебе в жены!» — и легчает. А сейчас-то девица... принцесса... красавица...

— Изгнанница, — продолжила я, — которая никогда за своим титулом не придет и копейки за душой не имеет. — Про фамильные украшения, заныканные Филей в необъятных чемоданах, я благоразумно умолчала. — Ты же не бродячий пес, а щитовик самого ставленника Ольтрэна, приписанный к Заступающей Последнюю Дорогу.

Кирт крикнул, когда я развернула ситуацию на сто восемьдесят градусов, и замер. В глазах мало-помалу разгорался огонек новой надежды.

— Поэтому нравится — ухаживай, — посоветовала я. — Может, чего и выгорит. Она уже привыкла полагаться на тебя, к твоей заботе и болтовне привыкла.

— Хм... — отставив кубок, протянул щитовик, уже не обращая внимания на окружающее. Кажется, сейчас в глубинах его разума выстраивалась сложная кампания по охмурению бывшего принца Радильяра.

Эх, мне бы его проблемы! Хотя чужие проблемы всегда выглядят менее значительными, чем собственные. Таковы люди!

Я мысленно дала себе пинка, развернулась на пятках и пошла на штурм цитадели. Стук кулачка в дверь прозвучал как-то неожиданно громко в коридорах замка. Я все ждала, что вот сейчас случится очередной облом: явится трепещущая, как фиалка в ночи, Филя и начнет полоскать мне мозг, или придет Керт, чтобы поговорить о брате, но нет, нет, нет! Они не пришли, а незапертая дверь тихо щелкнула, открываясь.

Шериф стоял на пороге комнаты и вопросительно, неотрывно смотрел на меня.

— Пригласишь войти? — спросила я, сглотнув комок и украдкой вытирая о юбку повлажневшие руки.

Мужчина чуть отступил, протянул мне руку и, совершенно очевидно, смутился, испытывая не неловкость, которую преодолевала я, а слишком явное чувство вины.

Не выдержав, я даже уточнила:

— Труп где?

— Какой? — огорошенно спросил бывший жрец.

— Ты выглядишь так, словно недавно кого-то убил и не успел потихому прикопать тело, а теперь пришла я и мешаю прятать труп.

— Нет. — Шериф все-таки улыбнулся, пусть и криво. — Я мучим иными сомнениями...

— Озвучишь? Или так и будем на пороге топтаться?

— Прости. — Мужчина посторонился, пропуская меня в... нет, не в спальню — это скорее была почти приемная с россыпью стульев, парой кресел, диванчиком и рабочим столом. В спальню вела дверь слева. Приоткрытая настолько, чтобы я заметила уголок широкой кровати.

— Моя симпатия, — вздохнув, решительно и прямо заговорил жрец. — Насколько она отныне покажется тебе естественной, лирта, а не проистекающей из желания использовать твой великий дар?

— О-о-о, — покачала я головой, — многие знания — многие печали. Или, как говорил герой одного старого фильма: «Ты такой умный, тебе череп не жмет?»

Шериф хлопнул ресницами. А они у него, оказывается, и как это я раньше не разглядела, длинные, не короче Филькиных, разве что посветлее, потому и не бросалась эта красота в глаза.

— Я не против. Всю жизнь от моего дара было больше проблем, чем реальной пользы. — Вздохнув, я продолжила столь же решительно: — И если сейчас он будет бонусным приложением к возможности быть рядом с тем, к кому меня неудержимо тянет, — пускай.

— Неудержимо? — первым делом, словно тут же позабыл про муки совести, уточнил Шериф.

— Пойдем за ту дверку, — я вульгарно ткнула рогаткой пальцев в сторону спальни, — немедленно продемонстрирую.

Не привыкший к такой прямоте мужчина явственно смутился вторично.

— Я же не прошу у тебя рубашку на плечи, — нетерпеливо пожала я плечами, опасаясь, что вот-вот случится какая-нибудь очередная пакость, способная отвлечь любого из нас от движения к горизонтальной плоскости.

— А приняла бы? — тихо, но очень-очень проникновенно спросил Шериф.

— У тебя? Без сомнений, — согласилась я и, полуприкрыв глазки, принялась вдохновенно перечислять (хочет мужчина, чтобы его похвалили, — получит, тем более ни словом не солгу): — Ты спокойный, порядочный, рассудительный, теперь еще и обеспеченный. И, наконец, самое главное — просто красавчик!

Послышался тихий, очень довольный смешок, и на мои плечи легла рубашка — старинный знак брачного предложения на Фальмире, символ готовности защищать и просьба разделить жизнь.

Я осеклась, споткнувшись на очередном правдивом комплименте, и положила ладонь на еще хранящую тепло тела Шерифа рубашку. Тот молча и серьезно смотрел. Погладив ладошкой ткань, я решительно выдернула из косы ленту и повязала на запястье мужчины, давая согласие, и с надеждой уточнила:

— А теперь пойдем? — Так хотелось погладить не рубашку, а горячие плечи, грудь со светлыми кучеряшками волос и...

— Бам! Уи-и-и-и! — раздалось откуда-то слева.

Вопль Фильки и традиционно кобылий мат Кирта намекали на очередной облом в немедленном построении личной жизни. Ну ничего-ничего, сейчас мы с Шерифом дадим им по ушам, быстренько женим, а потом я запру этого шикарного мужчину в спальне и не выпущу как минимум сутки, пусть даже дверь сам Последний Гость, Ольэрэн и все семеро его гонителей ломают.

Хватит мотаться по дорогам и собирать пазл мирового значения. Квест закончен! Хочу личную жизнь! А приходится даже ночью вести общественную!

Мы с Шерифом не сговариваясь понеслись на шум. И, едва не столкнувшись с вооруженным кинжалом и подштанниками Кертом, ворвались в комнату. Понятно, посторонних монстров и грабителей не нашлось. Филя сидела на ковре у трельяжа и задушевно рыдала, терла лоб, рядом валялась рубашка, полуобнаженный Кирт переминался с ноги на ногу, впервые, кажется, утратив дар молоть языком без умолку в любой ситуации.

— Стукнулась об эту хреновину и плачет, — признался Кирт, беспомощно лупая глазами.

Я присела на колени рядом с Филей и спросила:

— Чего ревом? Больно?

— Не-э-эт, — хлюпнула носом новоявленная принцесса. — У меня ленточки нет!

— И?

— А он рубашку, — пожаловалась девушка.

— И?

— А ленточки нет, — пошла по второму кругу жалоб Фиилора. — Зонтик в карете остался.

— Ага, и в трельяже ленты нет? И в комодке нет? У тебя в багаже этого

карнавального добра несколько дюжин было, — припомнила я.

— Там есть, а у меня нет, — разревелась Филя, проявляя чудеса логики.

— Кирту уйти или найдешь ленточку? — уточнил Керт.

— Найду, — упрямо хлюпнула девушка и стеснительно уточнила: — А так считается? Первоматерь про ленту из волос заповедала...

— У тебя в воспитателях наместник Ольрэна, как он скажет, так и будет считаться! — решительно объявил Шериф.

Филя просияла, вытащила из комода ворох лент и, не обращая внимания на наливающийся на лбу синяк, метнулась к Кирту:

— Вот!

На щитовика принялись навязывать ритуальные узлы. И не один, а чтобы с гарантией — еще пяток. Хоть руки за спиной для пущей надежности не скрутила, и то радость!

— Кажется, теперь мы тут лишние, в ленточках и рубашках без нас разберутся. — Подцепив Керта и Шерифа под локоток, я потянула их к дверям.

— Вас тоже поздравить можно? — смекнул догадливый щитовик, когда мы аккуратненько прикрыли дверки снаружи.

— Еще не знаю. Если в ближайшее время на замок не пойдут приступом фанатики семи богов, не потребуют срочного решения очередной проблемы Филя и Кирт, не заглянет с официальным визитом Последний Гость или забывший любимую шляпу Ольрэн, не случится землетрясения, пожара, наводнения...

— Понял, поздравляю, лапуля! — по-доброму усмехнулся Керт, похлопал Шерифа по плечу и великодушно предложил: — Ступайте, я их покараулю!

— Керт, золотой ты человек, — умилилась я. — Я тебя обожаю!

— И меня? — счел нужным прояснить ситуацию Шериф, уводя меня по коридору туда, откуда пришлось поспешно бежать на крики.

— Хм, одним словом отношение не определить... — Я задумалась, подбирая слова, а Штирлиц, то есть Шериф, насторожился. — Я хочу быть с тобой рядом, я хочу от тебя детей, хочу с тобой разговаривать о важном и о пустяках, вместе молчать, заниматься любовью, и, наверное, я хочу рядом с тобой состариться. Еще перечислять или хватит? Что скажешь?

— Скажу лишь, что наши желания совпадают, — признался Шериф и наконец-то, решив для себя что-то важное окончательно, притянул для поцелуя.

Такого... такого... Ай, если бы сейчас и впрямь случился пожар

вместе с наводнением и землетрясением в придачу, я бы не заметила!

Все-таки есть в старинных замках что-то романтическое, располагающее к любви. Или нам, стосковавшимся по этому чувству, отбросившим все сомнения, разрешившим все неразрешимые противоречия, наконец-то объяснившимся друг с другом, сгодился бы даже шатер у тракта? Не важно!

Важно другое. Итогом этого комичного вечера стали два свадебных обряда при минимуме (Керт, и всё) приглашенных гостей, состоявшихся в храме Первоотца.

На личное явление боги, конечно, не расщедрились, невместно. Но на спецэффектах мистического толка, символизирующих явственное благоволение молодым, отыгрались сполна. К концу церемонии от радуг, свечений, веселоголая, порывов ветра, вспышек пламени в светильниках и прочих чудес у меня рябило в глазах. Боялась я только одного: как бы нам случайно не подпалили платья. Я-то ладно, от праздничного абажура отказалась наотрез, просто нарядную вещицу золотистого ритуального цвета пошила — и хватит, зато платье Фиилоры походило на кружевной торт! Кажется, бывший принц наконец-то смог удовлетворить свою патологическую тягу к кружавчикам на сто процентов. К счастью, пожара удалось избежать! А как Кирт, наотрез отказавшийся от услуг нанятых горничных, будет свою молодую супругу раздевать, осталось проблемой Кирта! Зато такое шоу новобрачные запомнят надолго, если не навсегда.

Мы же в услугах посторонних точно не нуждались благодаря магии замка, заколдованного еще Ольрэном, обеспечившей нас водой, едой и чистой постелью. Потому, оставив все прошлые и грядущие проблемы за порогом спальни, стали воплощать в жизнь все, загаданное мною в ночном коридоре будущему мужу. Самым сложным оказалось вместе молчать, но справились и с этим, ближе к рассвету, когда заснули...

Эпилог

Что вы хотите прочесть? Что жили они долго и счастливо? Жили, живем и будем жить. И преображенный Фальмир, люди которого снова ощутили в себе способность к творческому созиданию, тоже будет. Только работы над испорченным за два века имиджем Ольрэна и разрухой в головах отдельных фанатиков нам хватит надолго. Но ничего, мы справимся, благо частичку своей силы, способной творить чудеса, предок Шерифу оставил. Молниями кидаться муж не может, но подсветить глаза, голосом громыхнуть, благословить созидателей или проклясть особо упорных идиотов чем-нибудь заковыристым, таким, чтобы сразу все заблуждения из головы вымело, — всегда пожалуйста. Это он удивительно быстро освоил. К тому же замок наш — во избежание наплыва нежелательных посетителей — не стоит на одном месте или виден не всем. Зато с явкой на работу в новые храмы у меня проблем нет. Куда надо, туда и доставят!

А собственное ателье мы с Филей все-таки открыли. Она теперь там хозяйка и вдохновительница, слава гремит по всему Фальмиру. Словом, на скуку никто не жалуется. Дел много, некогда!